Е. Н. ЧУНЖЕКОВА

ПРИРОДА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ГОРНО-АЛТАЙСК 1977

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

3 ТМО Т. 1 изд. 3. 2146—85

472370

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Е. Н. ЧУНЖЕКОВА

ПРИРОДА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Под ред. проф. Н. А. БАСКАКОВА

М. Б. А.

Горно-Алтайский областной
БИБЛИОТЕКА г. Горно-
Алтайск пр. Коммунистич. 34в.

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АЛТАЙСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА. 1977

81.62
4 С (АЛТ)
Ч-912

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография посвящена описанию категории простого предложения в алтайском языке. В работе широко показана предметно-содержательная (и смыслоразличительная) специализированность каждого класса единиц языка (знаменательных частей речи) в качестве отдельной единицы сообщения, т. е. предложения. Так, в системе простого предложения, в его статусе, рассмотрена категория звукоподражания и категория междометия. Включение данных категорий языковых единиц в систему простых предложений значительно расширяет общий круг последних. И одновременно это оказывает прямое влияние на теоретическое осмысление категориального свойства знаменательных единиц языка в положении в качестве отдельного самостоятельного предложения. Прямая опора на специфику материального содержания в таких (относительно) автономных предложениях вызывает объективную потребность признать эксплицитно существование особой категории — языковых форм предложений. Как языковые формы предложений в данной монографии рассматриваются собственно номинативные предложения, назывные предложения. Шире рассматривается и анализируется система номинативно-коммуникативных форм предложений, а также структурно-грамматических форм предложений (сообщений). [146]. Формально-грамматический и другие аспекты описания простого предложения намечаются как дальнейший этап в изучении и описании синтаксиса простого предложения алтайского языка.

Пользуясь случаем, автор выражает свою благодарность всем, кто принимал участие, в различное время и в разных формах, в обсуждении и рецензировании рукописи данной монографии. Многим автор обязан в этой связи Э. В. Севортяну, Н. А. Баскакову, А. М. Щербаку, Е. А. Поцелуевскому, Н. З. Гаджиевой. Полезные советы и замечания были высказаны также Е. И. Убрятовой, Л. И. Грекул, Н. А. Кучиганевой и др.

Горно-Алтайская областная
библиотека
им. М.И. Калинина

Ч 70100—023 / М 138 (03) 77 101—77 0 472370 0

© Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1977

ВВЕДЕНИЕ

Алтайский язык, как и другие тюркские языки народов Сибири, привлек внимание ученых, преимущественно русских, еще с конца XV в. в связи с потребностью Русского государства в составлении карты Сибирской земли и ее населения [17, 6]. Это был в основном лексический материал (включающий топонимию, этнонимию и др), сбор которого вызывался насущной необходимостью в определении южных государственных границ на большом пространстве территории, в географическо-экономическом описании, в выяснении родо-племенного состава населения [95, 7; 73, 17, 81] на данном участке земли и в уточнении грамматических сведений о наречиях (языках) местного населения.

Систематическое изучение и описание алтайских диалектов началось лишь с середины XIX в. Этот процесс в истории алтайского языка связан с именами В. В. Радлова, В. И. Вербицкого, Ст. В. Ландышева, а отчасти М. А. Кастрена, Н. Ф. Катанова [57, 8; 66] и др.

Выявлению и описанию законов грамматики алтайского языка было уделено особое внимание со стороны членов Алтайской духовной миссии, среди которых были маститые ученые (теоретики и практики) [88, 9]. Существовавшие различия в наречиях племен были в определенной степени препятствием при широком проведении христианского учения среди коренных жителей Степного и Горного Алтая.

Такой разноплеменный языковой (речеязыковой) «барьер» можно было преодолеть лишь теоретической и научно обоснованной разработкой общих грамматических норм устной и письменной формы речи алтайского (литературного) языка на основе одного или двух ведущих наречий. Но эта историческая задача была решена значительно позже — только в советскую эпоху.

Поэтому создание первой «Грамматики алтайского языка»

[45] было вызвано государственными потребностями [45, II, IV]. Составители грамматики считали ее практической. Но в ней подведены «некоторым образом итоги алтайского языкознания...» [45, VII]. Значение «Грамматики» авторы видели в том, чтобы продвигать «вперед изучение алтайского языка с разными его подиаречиями» [45, VIII].

Эта работа, являясь, повторяем, как бы многолетним итогом грамматических изысканий миссионеров в области алтайского языка, предусматривала дальнейшее углубление изучения его. В данной «Грамматике алтайского языка» разноплеменные наречия алтайцев впервые приобрели систематизацию и нормализацию грамматических форм, что в некоторой степени обусловливало основу для зарождения письменно-литературной формы (речи) алтайского языка.

Языковой материал в этой «Грамматике» расположен в трех разделах: 1) в фонетическом — о звуках и законах их сочетания и изменения; 2) в этимологическом — о производстве слов и об их грамматических формах; 3) в синтаксическом — о составлении из отдельных слов простых и сложных предложений.

В третьем разделе «Грамматики» раскрывается понятие «простое предложение»: «Самое краткое простое предложение, — читаем мы, — должно состоять из подлежащего и сказуемого. Подлежащим вообще бывает имя, сказуемым может быть или имя, или глагол» [45, 112]. Даются сведения о порядке членов предложения: «В алтайском языке подлежащее ставится в начале предложения, а потом (следует) сказуемое... Определяющее слово ставится всегда перед определяемым». О распространенном предложении: «...Предложение распространяется определениями и дополнениями». Отмечаются виды дополнения, выражающиеся различными падежами и послелогами, и указывается на то, что «они ставятся обыкновенно прежде управляющего слова» [45, 119].

Обстоятельства рассматриваются после выявления форм дополнений в соответствующих падежах. Значительное место отводится описанию дополнения в винительном падеже. Винительный падеж имеет две формы: неоформленную и оформленную (т. е. безаффиксальную и аффиксальную). Употребление и «опущение» аффикса в винительном падеже зависит от необходимого в том или ином случае коммуникативного осмысления содержания конкретного предложения. Например, при опущении падежного аффикса *-ды* внимание главным образом обращено на действие глагольного сказуемого, а при наличии аффикса — преимущественно на предмет, обозначаемый ви-

нительным падежом. Во всяком случае, определенность или неопределенность имени сама по себе не является механическим основанием для употребления или опущения аффикса в винительном падеже [45, 143]. Таким образом, авторы «Грамматики» прежде всего исходят из содержательной функции той или иной единицы языка в составе предложения как интегрального целого. Поэтому расположение языкового материала в «Грамматике» подчинено именно такому лингвистическому взгляду. В связи с этим не будет преувеличением сказать, что «Грамматика алтайского языка», составленная членами алтайской духовной миссии, до сих пор сохраняет историческую ценность с точки зрения осмысления действия законов синтаксиса (и грамматики) в языке человека. Такое теоретическое воззрение на синтаксис, а через него и на язык вообще могло возникнуть лишь при ориентации (авторов алтайской «Грамматики») на следующую концепцию великого немецкого ученого А. Шлейхера: «язык есть организм» т. е. сложная развивающаяся система. Советский лингвист, доктор филологических наук А. А. Леонтьев правильно отмечает, что «Смысл его (А. Шлейхера. — Е. Ч.) концепции заключается в том, что законы языка столь же объективны, столь же внешни по отношению к психике человека, как и законы природы. У языка и организма сходные «естественные» закономерности. Эти закономерности общи для всей живой природы, — вот что хотел сказать Шлейхер, утверждая, что язык есть организм» [817; 124].

Начало XX в. открывает новую небывалую страницу в истории жизни разнонациональной России. Особенно широкую возможность всестороннего развития экономики страны, политического равноправия всех наций и народностей, высокого уровня развития культуры, науки, образования малым и большим народам открыла победа Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране.

Создание Горно-Алтайской автономной области положило начало равноправному общественному функционированию и дальнейшему развитию алтайского языка, взаимообогащению и взаиморазвитию культур русского и алтайского народов области. В развитии и плодотворной жизнедеятельности экономического, общественно-политического, языкового строительства в Горно-Алтайской (ранее — Ойротской) автономной области руководящая и организующая роль обкома КПСС, облисполкома и крайкома КПСС имеет большое значение [101].

Новая жизнь в истории алтайского народа, как и у других малых и больших народов СССР, потребовала разрешения

целого ряда насущных проблем. Потребности школ, издание газет, журналов и книг на родном языке, а также необходимость разработки норм литературного языка (вследствие диалектной раздробленности) поставили перед исследователями алтайского языка много неотложных практических задач — пересмотреть алфавит, разработать орфографию, терминологию, пунктуацию, создать учебники и учебные пособия для алтайских школ. К осуществлению всех этих общественно важных и сложных учебно-методических, образовательно-воспитательных и т. п. задач были привлечены педагогические кадры области, носители и русского, и алтайского языков. Так, местными авторами уже в первые годы после создания Горно-Алтайской автономной области были выпущены в свет несколько учебников по морфологии и синтаксису для нужд алтайских школ. К тому же периоду относится издание и первых методических пособий для учителей по алтайскому и русскому языкам [Н. А. Баскаков. Методика преподавания родного языка (на алтайском языке), Ойрот-Тура, 1940; С. С. Филиппов. Методика преподавания русского языка в ойротских школах, Ойрот-Тура, 1940], которые дают очень ценные сведения не только для учителей, но и для работников печати, радио, издательства, писателей, так как в этих работах «впервые устанавливаются грамматические нормы нового алтайского литературного языка» [17, 16].

Большая научная и практическая помощь алтайскому народу была оказана и до настоящего времени оказывается ведущими учеными (разных специальностей) нашей страны, в чьих научных трудах получают разработку важнейшие стороны алтайского языкознания и т. д.

Так, в 1940 г. вышла «Грамматика ойротского языка» Н. П. Дыренковой. Благодаря этому труду видного советского тюрколога-лингвиста, фольклориста и этнографа алтайский народ получил фундаментальную грамматику [17, 6]. Морфология и синтаксис в ней представлены самостоятельными, но взаимодействующими разделами. Н. П. Дыренкова в части, посвященной синтаксису, дает описание главных и второстепенных членов предложения, типов предложения (простое, состоящее из подлежащего и сказуемого или одного из них, полное, неполное предложение, безличное, сложное с развернутыми членами и подчиненное предложение, предварительно-условное, сослагательное и др.), отмечает порядок расположения слов в предложении. Самым главным управляющим членом предложения Н. П. Дыренкова считает сказуемое. По ее мнению, оно формирует простейший тип предложения. Обстоятельство как

второстепенный член предложения ею не выделяется отдельно, а по морфологическому признаку рассматривается внутри дополнения и определения, несмотря на то, что в «Грамматике алтайского языка» это различие понималось и ясно раскрывалось на конкретном языковом материале. Такой подход являлся следствием распространенного (в течение определенного времени) в тюркологии взгляда, согласно которому обстоятельства исключались из системы членов предложения как не характерные для тюркских языков [84, 98].

Высокую оценку труду Н. П. Дыренковой дал тюрколог С. Е. Малов в «Предисловии» к грамматике: «Предлагаемая грамматика Н. П. Дыренковой выгодно отличается большим обилием приводимого везде языкового материала. Н. П. Дыренкова дает своей грамматикой вполне надежный материал с ясными формулировками и грамматическими объяснениями для разного рода тюркологических изысканий . Ее грамматика послужит большим толчком и вызовет, надеюсь, интерес... к тюркским языкам Сибири. Я надеюсь, что грамматика Н. П. Дыренковой, кроме того, принесет весьма существенную пользу и в педагогическом отношении; она поднимет понимание родного языка среди ойротского (ныне алтайского. — *Е. Ч.*) учительства и значительно облегчит им теперь нелегкое дело прекумандыа диалекта алтайского языка [18; 19; 20].

Актуальные проблемы алтайского языкознания в наши дни получают научное описание в трудах отечественного востоковеда-тюрколога, доктора филологических наук, проф. Н. А. Баскакова. В его «Очерке грамматики ойротского языка» [15] впервые систематизированы собственно синтаксические вопросы, такие, как категория наклонения, формы синтаксической связи, типы сказуемого и типы предложений, порядок слов в предложении и т. д., те, которые получили лишь частичное освещение или вообще не нашли какого-либо отражения в известных грамматиках по алтайскому языку. Н. А. Баскаков является ведущим ученым и в области изучения диалектов алтайского языка. Много кропотливого научно-теоретического и научно-исследовательского труда отдал он созданию нескольких монографий, посвященных описанию туба диалекта, куманды диалекта алтайского языка [18; 19; 20].

С именем Т. М. Тощаковой — первой ученой женщиной-алтайкой связано описание основных вопросов грамматического строя современного алтайского языка, которые нашли отражение и обобщение в ее работе, посвященной грамматике («Грамматика ойротского языка. Пособие для преподавателей родного языка, учителей национальных школ, переводчиков и

изучающих ойротский язык») [131]. Эта грамматика имела определенную историческую ценность, так как она отвечала насущным практическим потребностям алтайского языка в 30-х годах XX в.

Развитие общественной функции алтайского языка, переводы общественно-политической, научно-популярной литературы, появление художественных произведений на родном языке настоятельно требовали от языковедов переработки существующей орфографии, издания орфографических словарей, а также выработки пунктуационных правил. Эти проблемы общественно-языковой практики, а также вузовского и школьного образования в автономной области были успешно решены в опубликованных научных и научно-методических пособиях, созданных Т. М. Тощаковой или под ее руководством [112].

Успешное решение общегосударственных задач в поднятии экономики, хозяйственного, общественно-политического, научного, культурного уровня многонациональной страны и в том числе автономных областей и национальных округов привело к тому, что наша страна вступила на дальнейший этап широкого социалистического развития. На повестке дня вставали очередные задачи широкого приобщения малых и больших народов Советского государства к прогрессивной мировой культуре и науке и о создании культуры и науки в Стране Советов [4].

Поступательное развитие экономики, образования, культуры, расширение общественной функции и сферы употребления алтайского языка (устная и письменная форма алтайской речи, язык газеты, радио, язык художественных произведений, публичная и сценическая речь и т. д.) в советскую эпоху вызывает дальнейшую потребность в многостороннем охвате и углублении исследований в основных областях грамматического строя алтайского языка: в синтаксисе, морфологии, фонологии, фонетике, лексике, диалектологии, лексикологии. Составление словарей, сопоставительное изучение русского, алтайского и других языков — все это актуальные проблемы алтайского языкознания. Но для успешного освоения научных проблем подобного диапазона необходимы были специальные научные кадры и многое другое. Короче говоря, актуальные проблемы, возникавшие на пути новой общественной функции и развития алтайского языка, неминуемо подводили к вопросу о необходимости открытия научного центра в автономной области по изучению языка, литературы, (фольклора), истории алтайцев, а также по разработке комплексных проблем взаимообогащения и взаимовлияния языков, литератур, культуры (в широком смысле) русского и алтайского народов, совместно живущих в автономной

области и вносящих свой общий вклад в дело строительства светлого будущего — коммунизма. Требовалось описание исторических связей русских и алтайцев с соседними (приграничными) странами и народами и многое другое.

Знаменательное событие в истории Горно-Алтайской автономной области и ее населения произошло в июне 1952 г. По ходатайству областных партийных организаций в Горно-Алтайске открылся научно-исследовательский институт для изучения языка, литературы и истории алтайцев.

Открытие научно-исследовательского института в автономной области было наглядным свидетельством ленинской национальной политики в ее действии и развитии.

Алтайский народ получил на вечные времена политическое равноправие, а его родной алтайский язык — фактическую возможность активного общественного функционирования и развития рядом с древнеписьменными и старописьменными языками (русским, еврейским, грузинским, армянским и т. д.), возможность служить средством общения, самосознания, самовыражения, материально-духовного созидания [71, 15—16], стать объектом научного исследования.

Планомерное изучение языка, литературы, фольклора, истории, искусства алтайцев в широком масштабе началось только в советскую эпоху, с открытием научно-исследовательского института языка, литературы, истории.

Среди напечатанных Горно-Алтайским научно-исследовательским институтом крупных работ особенно большое значение имеет русско-алтайский словарь (содержащий 29 печ. листов) [112]. Этот словарь был создан благодаря почти десятилетнему упорному труду сотрудников сектора языка Горно-Алтайского НИИИЯЛ, а также активному и широкому участию самих носителей алтайского языка в сборе фактического материала — работников печати (редакторов, писателей, журналистов, переводчиков), партийных работников, специалистов и т. д. Первичную научную редакцию рукописи «Русско-алтайского словаря» осуществила Т. М. Тощакова. Тематика статей, опубликованных на страницах «Ученых записок Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы» (всего было выпущено одиннадцать номеров) отчетливо демонстрирует круг проблемных исследований по алтайскому языку, литературе, искусству, истории. Кроме вышеотмеченных научных трудов, имеются специальные работы, в которых анализируются отдельные вопросы алтайской морфологии, синтаксиса: глагол [78; 126; 135], типы сказуемого, односоставные предложения, прямое дополнение [145]. Были написаны диссертации о категории обстоятель-

ства [117], о категории пространственных падежей [77], о сложном и составном глаголе [136], о типах простого предложения [146]; изданы или готовятся к печати монографии, посвященные описанию причастия [128], экспериментальному исследованию системы согласных алтайского языка [141]; готовятся также к печати свод правил алтайской орфографии и пунктуации и топонимический словарь.

Данная работа посвящена категории простого предложения, о которой речь пойдет дальше.

Структура простого предложения была объектом специального исследования на материале азербайджанского [29], татарского [59], казахского [54], киргизского [53], якутского [137], тувинского [76], чувашского [8] и других языков, а также в общетюркологическом плане [137; 16; 72а; 37; 21]. Сложные проблемы двусоставного и односоставного предложения на материале этих языков получили удовлетворительное истолкование. Но, несмотря на известные достижения, по многим принципиальным вопросам в области тюркского синтаксиса нет единого мнения в общей тюркологии. По-разному, например, трактуется синтаксическая связь подлежащего и сказуемого. До сих пор остается дискуссионным вопрос о прямом дополнении в тюркских языках. В одном классификационном ряду рассматриваются слова-предложения и междометия-предложения и т. д. [149]. Иначе говоря, формально-грамматический принцип анализа многие языковые явления оставляет без объяснения. Поэтому применение одного или даже двух критериев анализа в описании простого предложения нельзя считать достаточным. Многоаспектный принцип подхода к кардинальным синтаксическим вопросам простого (или сложного) предложения имеет большое теоретическое и научно-практическое значение. При изучении материала алтайского языка, руководствуясь многоаспектным принципом подхода к языковым явлениям, категорию звукоподражания-предложения и категорию междометия-предложения, например, считаем правомерным выделить из состава слов-предложений и рассматривать как особые номинативные (или номинативно-коммуникативные) единицы-предложения (высказывания) — и в живой речи человека как такового, и в письменной форме речи. Следовательно, и в грамматике родного языка данные речеязыковые явления должны иметь свое самостоятельное место, в особенности в системе простого предложения.

В монографии «Природа простого предложения в алтайском языке» рассматривается возможность любой самостоятельной единицы языка выступать в качестве носителя и выразителя

формы предложения. С учетом же характера материального содержания (единицы-) предложения последнее классифицируется на систему разрядов, классов, категорий или, иначе, — языковых форм предложений [94, 20].

В силу тематической пестроты, неизбежной для подобного рода исследования, полемика с другими авторами по отдельному спорному положению синтаксиса простого предложения ограничена до минимума. С другой стороны, признание способности у природного носителя национального языка своеобразного видения и направляло характер и интересы исследования на более дифференцированное описание языковых явлений по данной проблеме.

Кроме того, поисковый подход к описанию простого предложения в категориях и терминах традиционного языкознания вызывал объективную необходимость в использовании ряда понятий-терминов, которыми дифференцируется или определяется комплекс материально-содержательной способности и функции единицы языка в качестве языковой формы предложения с содержанием об отдельном. Термин «языковая форма предложения» больше всего подходит к описанию категориальной системы форм и типов простого предложения на материале любого языка [96], а особенно к выявлению специфики природы звукоподражания-предложения, междометия-предложения, к выяснению системы номинативного предложения. Дифференцировано употребление термина «материальное ядро», (и позже — «центр», «главный член») в приложении к описанию категории назывного предложения, обращения-предложения. Предпринятый комплексный подход при исследовании языковых явлений в статусе предложения и учет специфики каждой категориальной единицы (формы) предложения в языковом знании (мышлении) носителей алтайского языка, как отмечалось выше, облегчает переход к последующему описанию разрядов синтезированных форм предложений, структурно-грамматических форм предложений и подобных форм.

ГЛАВА I.

КАТЕГОРИИ ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ И МЕЖДОМЕТИЯ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ

При научном описании категории простого предложения на материале алтайского языка в ходе исследования мы сталкиваемся с лингвистическими проблемами, пока что не получившими удовлетворительного решения. Одной из таких «вечных проблем» лингвистики надо считать категорию «звукоподражания» и категорию «междометия». Эта проблема как в общей лингвистике, так и в частной все еще остается в стадии «будущей» задачи (В. В. Виноградов).

История языкознания показывает, что данная проблема может быть успешно решена не только усилиями языковедов, предпринявших развернутый поиск на материале разносистемных языков, но и при использовании идей и выводов смежных естественных наук по изучению человека и его речи и т. д. [87; 42; 124].

Данные категории на алтайском языковом материале также нуждаются в ясном лингвистическом объяснении — их природы.

1. Звукоподражание-предложение

В этой главе делается попытка раскрыть специфику категории звукоподражания и звукоподражательных высказываний (предложений) и отметить их самостоятельность в сфере синтаксиса (простого) предложения алтайского языка.

Важно в синтаксических исследованиях дать научное описание и необходимое раскрытие природы содержания и особенности коммуникативной функции звуко (образо)-подражательных единиц (своеобразных ритмизированных высказываний-предложений). Наличие и действие категории звукоподражания в человеческом языке обусловлены, «навязаны» самой объективной действительностью, ее «ритмодвижением». Структура (фигура) внешнего звучания, ритм шумовых явлений

природы, звуковые сигналы животных, крики, пение, голоса птиц и т. д., зафиксированные фонетическими средствами алтайского языка и воспроизведенные в нужных ситуациях речи в живом высказывании, выступают как самостоятельные речевые отрезки, конкретные высказывания (т. е. предложения со специфическим коммуникативным содержанием). Эту сторону в явлениях реальной действительности нужно учитывать и найти соответствующий подход к проблеме звукоподражания в грамматических исследованиях конкретного языка с целью раскрытия сущности тех сторон и черт в данной категории, которые проистекают из самой природы и свойств окружающего мира и своеобразным образом преломляются (отображаются) в форме (структуре) особых речевых (языковых) величин — звуковоспроизведений и звукоподражаний.

В синтаксическом строе алтайского языка выделяется форма предложения, материальная структура которого представляет собой воспроизведение структуры (фигуры) звучания, производимого объектами и явлениями реальной действительности. Передача звуковоспроизведения, а также звукоизображения ритмических и сигнальных явлений неживой и живой природы в алтайском (как и в любом другом) языке производятся, как уже было отмечено выше, на базе фонетических средств этого языка. Материально-звуковая структура звукоподражательного высказывания лишь приближенно воспроизводит фигуру (звуковую структуру) природного звучания, звуковых сигналов животных, голоса птиц и т. д. Материальная форма (структура) и содержание одновременно в данных категориях речеязыковых высказываний (предложений) являются воспроизведением в особенностях звука человеческой речи того или иного типа (структуры) ритма, звучания (или сигналов), которые наиболее постоянны, устойчивы в основных звукообразных тонах или даже типичны для определенного явления природы. Воспроизведенные в соответствующих звуковых фигурах (комплексах) алтайского языка (так же, как и в других живых языках), они действуют как своеобразные коммуникативные единицы общения со специфичным содержанием в речевом активе носителей языка и входят как особый пласт слов-высказываний в общий словарный фонд этого языка.

Звукоподражательные слова и междометия в ранге «слова», (т. е. безотносительно к категории предложения) наиболее подробно изучены на материале семито-хамитских [38], финно-угорских [30], тунгусо-маньчжурских [3, 104], тюркских [12, 75, 118], монгольских [140; 152] и других языков. Эти категории слов исследованы в аспекте их семантики, звукового состава,

морфологической структуры, синтаксической роли их членов предложения, а также в связи с теорией происхождения языка.

Категории звукоподражания и междометия находят сторонников и противников дифференцированного подхода к ним [40]. При формально-грамматическом подходе звукоподражательные слова-высказывания проявляют общие (формальные) черты с междометиями: ни звукоподражание, ни междометие не имеют морфологического показателя. Это внешнее сходство послужило основанием при формально-грамматическом подходе для объединения их в одном разделе (разряде) «Междометий». Однако указанный критерий не должен был распространяться и применяться в другой области грамматики — в классификации слов по частям речи. И разные по природе содержания данные категории единиц языка при классификации по частям речи оказались также в одном разделе — в разделе «Междометия».

Многие ученые, однако, высказывались за самостоятельность звукоподражательных единиц. Так, Л. В. Щерба отмечал: «Само собой разумеется, что так называемое звукоподражательные *мяу-мяу, ау-ау* и т. п. нет никаких оснований относить к междометиям» [148].

Акад. В. В. Виноградов в «Грамматическом учении о слове» не дал специального описания категории звукоподражания; он ограничился лишь обособлением звукоподражательных слов-высказываний внутри раздела «Междометия», не отметив между ними категориальных противоречий и, следовательно, специфики природы этих единиц в языке [32].

Нам представляется, что именно в системе частей речи следует выделить из категории междометий звукоподражания в отдельную категорию и соответственно отразить это в грамматике (в разделе, посвященном простым предложениям).

Звукоподражания и междометия, безусловно, являются самостоятельными категориями в системе языка. Поэтому сведение их в одну категорию «Междометия» представляется не оправданным. Каждое из данных явлений в языке отличается одно от другого по своим истокам, по своему, так сказать, «происхождению». Звуковоспроизведение, звукоподражательные структуры в речевом высказывании представляют собой выражение отдельных звуковых (точнее — звуковолновых) форм проявления объектов и явлений реальной действительности и их свойств, материализованных и обобщенных фонетическими средствами, в нашем случае — алтайского языка. Если звучащий мир действует, существует и вне познающего субъекта, человека, то междометие всегда связано только с речевой дея-

тельностью последнего (т. е. человека). Вот почему следует никогда не смешивать и всегда различать специфику природы двух категорий: звукоподражания и междометия.

Однако всестороние выяснить своеобразие, раскрыть сущность категории звукоподражания и категории междометия трудно, если исходить лишь из формально-грамматического критерия при анализе данных единиц в языке (и речи). Содержательное различие данных единиц языка отчетливо обнаруживается при рассмотрении их в категориях синтаксиса — в статусе предложения (высказывания).

Если со стороны отдельных ученых автономная определенность признается в отношении междометий-предложений как самостоятельных предложений, то относительно звукоподражательных единиц статус предложения (высказывания) за ними признается единичными учеными [151, 40, 118].

Звукоподражания при отдельном изолированном употреблении (в устной и письменной форме речи) являются самостоятельными высказываниями (предложениями). Однако компоненты звукоподражательного предложения не имеют морфологических форм, не поддаются формально-синтаксическим критериям членения в терминах членов предложения. Видимо, к данной категории предложения следует применить лингвистический прием описания и анализа, направленный именно на выяснение специфики коммуникативности данной категории предложений. Но для объяснения и решения специфики коммуникативности данных форм высказываний изучение только фонетической структуры звукоподражаний и различных категорий подражательных слов мало приближает нас к выявлению сущности коммуникативной автономности данных форм высказываний (предложений). Объяснение сущности этих категорий в полном объеме зависит не столько от лингвистической науки, сколько от глубины знания законов природы и человека (и его речи) в естественных, биологических, психологических науках.

При дальнейшем раскрытии этого вопроса мы сосредоточиваем внимание на лингвистическом рассмотрении языкового материала и его систематизации по коммуникативно- содержательной специфике звукоподражательных форм в языке; мы опираемся на иллюстративный материал, извлеченный из текстов художественных произведений алтайских писателей.

В формах (структурах) звукоподражаний-предложений и междометий-предложений алтайские писатели (так же, как и писатели других национальных литератур) находят «пульс», ритм, движение и многие другие особенности в предметной

действительности, которые свойственны для каждого явления мира реальности (в том числе и для мира человека).

На материале алтайского языка выделяются следующие разрядные группы звукоподражательных высказываний (предложений-слов).

1. Воспроизведение шумовых проявлений природной стихии: шум ветра, вьюги, дождя, раскаты грома. Например: *Кулакта салкын: Шу-шу-шу-шу...* (J. Каинч.) «Свист ветра в ушах: Шу-шу-шу-шу...»; *О-о-о-ээ-э-ээ! — деп тышкары салкын кожоңдоп турды.* (Л. Кок.)); «О-о-о-ээ-э-ээ! — выл ветер на улице»; *Куйун ӧзӧкти тӧмӧн чӧйӧ калактап јӱре берди: И-и-и, и-ий, и-и-и!* (Л. Кок.); «Причитая протяжно: И-и-и, и-ий, и-и-и! — умчался вихрь (вниз) по долине».

2. Звукоподражание журчанию ручья, шелесту листвы. Например: *Сууныҥ табыжы оныҥ кулагына тыҥ угулып келди: Шорл-шорл-шорл, шур-шур-шур, шар-шар-шар!* (Э. Палк.) «Вдруг до его уха дошло (т. е. он услышал) переливчатое журчание ручья: Шорл-шорл-шорл, шур-шур-шур, шар-шар-шар!»

3. Звуки, издаваемые животными (домашними или дикими). Например. *Јe бу ла тужында ийттердиҥ ыркыранганына тӱҥей табыш јарт угула берди: Ырр-кырр-о-ка-ха-а-а!* (И. Коч.) «В это время ясно послышался шум, похожий на рычанье собак: «Ырр-кырр-о-ка-ха-а-а!»

4. Крики, пение, голоса птиц (домашних, диких). Например, *Ку-ку, ку-ку! — деп, кайда да јуук агаштаҥ кӱӱк эдет.* (Л. Кок.) «Ку-ку, ку-ку! — где-то рядом на дереве куковала кукушка»; *Как-как, ка-ак! Ка-ак, как, ка-ак! — Кайа кӧрзӧм: буттары кызара тоҥуп калган кастар мени ээчий кӧргилеп тургулады* (И. Шинж.) «Как-как, ка-ак! Ка-ак, как, ка-ак! — оглядываюсь: с покрасневшими от холода лапками гуси смотрели мне вслед»; *Таскактыҥ јанында потпушта такаалар: Коть, коть, коть! Коть, коть, ко-оть! Бак-бак-баак! — деп калактажа берди* (И. Шинж.) «Рядом с навесом в клети закудахтали куры: Коть, коть, коть! Коть, коть, ко-оть! Бак-бак-баак!»; *Бир томуртка: «Кийик-кийик» — дейле, кургак агашты капшай чокый берди: «Тук-тук-тук — трр».* (Л. Кок.) «Один дятел, испустив (крик): «Кийик-кийик», — быстро начал долбить сухое дерево: «Тук-тук-тук — трр»; *«Бӧднӧлӧр ӱн алыжып турдылар: Бат-падым, бат-падым!* (Л. Кок.) Перепелки кричали наперебой: «Бат-падым, бат-падым!»

5. Звуковые комплексы, структурой которых воспроизводится и передается динамика движения, в частности животного. Например: *Туйгактар тоштый такталып калган кату карлу јолго: Та-ды-рт, та-ды-рт, чы-кы-рт, чы-кы-рт...* (J. Каинч.) «Копыта

по твердой, как ледяной настил, снежной дороге: «Та-ды-рт, та-ды-рт, чы-кы-рт, чы-кы-рт...»

6. Звуки, издаваемые насекомыми, пресмыкающимися. Например: *Іолдыҥ эки јанында койу ӧлӧҥдӧрдиҥ ортозында аспандар чыркыражат: Чыр-чур-срр!* (Л. Кок.) «Среди густой травы по обочине дороги стрекочут кузнечики: Чыр-чур-срр!»

7. Звуки, издаваемые человеком (смех, плач и т. д.). Например: *Ха-ха-ха! — деп Карабайдыҥ каткызы угулып турды* (Л. Кок.) «Ха-ха-ха! — раздался смех Карабая»; *Ы-ы! — деп Коля учында ыйлай берди* (Л. Кок.) «Ы-ы! — заплакал Коля в конце концов».

8. Звон металлических предметов, грохот от выстрела и т. д. Например: *Воспитательдиҥ кыбында эски час он эки катап араайын согуп ийди: Бум, бум, бум!..* (Л. Кок.) «Старые часы в комнате воспитательницы пробили тихо двенадцать раз: Бум, бум, бум!..»; *..Стенде турган озогы час тӧрт катап сокты: Јыҥ-јыҥ, каҥ-јиҥ!..* (Л. Кок.) «Стенные старинные часы ударили четыре раза: Дьынг-дьынг, канг-дьинг!..»; *Кенетийин мылтыктыҥ табыжы «То-ох-хх!» эдип угулып калды.* (Э. Палк.) «Вдруг раздался выстрел: То-ох-хх!»

Такая система разрядов предложений, воспроизводящих звучание, ритмы и другие явления живой и неживой природы, можно было бы продолжить, но не это является нашей задачей. Нас интересовали наиболее устоявшиеся, типовые звукоподражательные речения.

Видимо, писатели, оценивая специфику воздействия на читателей коммуникативного содержания-ритма звукоподражаний-высказываний, умело вкрапливают в ткань художественного произведения «фрагменты природной стихии», воспроизведение звучаний, ритмов внешнего мира в звуках речи родного языка с целью вдохнуть реальность движения и т. п. в изображаемую художественную действительность.

Таким образом, художественный прием изображения ритма, звучания, динамического движения явлений реальной действительности в контексте художественного описания дополнительно обнаруживает и подтверждает синкретизм коммуникативности и, следовательно, момент (и элемент) номинативности в природе данных категорий предложений, высказываний (-слов). Следовательно, в синтаксическом строе алтайского языка категория звуковоспроизведения, звукоподражания по праву занимает самостоятельное категориальное место.

Горно-Алтайская областная библиотека им. М.И. Калинина
472370

2. Междометие-предложение

Категория междометия в алтайском языке специальному изучению не подвергалась. В «Грамматике алтайского языка» [1869] междометия включены в раздел частиц (наряду с наречиями, послелогами, союзами и подражательными словами) и рассматривают их уже как «неизменяемые слова». Н. П. Дыренкова квалифицирует междометия как «частично изменяемые части речи» в своей «Грамматике ойротского языка» и включает их в разряд-категорию «Части речи» [57, 224]. Определенным решением проблемы места, которое занимает категория «междометия» в грамматике алтайского языка.

Междометия относятся к древнейшим понятиям-единицам речеязыка, через материально-звуковую форму (структуру) которых выражается чувственно-эмоциональное состояние человека как такового. Поэтому коммуникативная функция междометия в речи (и в языке) служит для выражения сообщения о субъективном, индивидуальном ощущении, состоянии, переживании, настроении живого человека. В этом специфика междометий.

Отношение ученых-лингвистов к междометию не одинаково. В русской лингвистической традиции междометие признается важной единицей в языке с эпохи «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Он отмечал возможность употребления в речи междометий для краткого, сжатого выражения законченной мысли: «Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их сообщению привело человека нечувствительно к способам, как бы слово свое сократить и выключить скучные повторения одного речения... междометие представляет движение духа человеческого кратко... *Семпроний, увидев нечаянно Тиция, молвил: Ба! вместо сего: Я удивляюсь, что тебя здесь вижу*» [82, 407]. В последующих грамматических исследованиях русских лингвистов тема «Междометие» фактически не получила специального описания из-за традиционного спора: считать ли междометие «словом»?

Грамматисты прошлого века не относили междометие к категории слова. Так, А. Потебня отмечал: «Междометия... мы не называем словами и тем самым не причисляем к языку» [107, 73]. Не признавал междометия словами и К. Аксаков: «Что касается до междометия, — писал он, — то оно вовсе не слово... Это просто восклицание, которое показывает только неопределенное состояние боли, ужаса, радости... Тут еще нет слова...» [6, 500]. В статье П. Г. Стрелкова, например, читаем: «Междометие в сущности не слово, а эквивалент слова...» [127].

Нет, как нам кажется, ошибки в том, что отдельные лингвисты прошлых столетий и современные ученые предлагали изучать междометие в психологии [87, 2] или призывали к дополнительному изучению его за пределами грамматики [133, 229]. Это положение лишний раз свидетельствует о сложности и многосторонности проблемы «междометие», глубина выяснения которой все еще в ожидаемом «будущем» [32] с обязательной опорой на результаты достижения совместных усилий ученых разных наук (биофизиков, биокибернетиков, нейрофизиологов, психологов, языковедов и т. д.) в области изучения человека (и его речеобразования) с естественно-научной точки зрения, а не только с общественно-исторической или философской.

Надо думать, что категория междометия и категория звукоподражания — пограничные, но направленные в разные стороны явления (категории) в языке. Категория междометия и категория звукоподражания — наименее изученные категории в грамматиках языков мира до сих пор. И они наиболее спорные, даже до сих пор как бы игнорируемые. Это, видимо, не случайно. Однако для положительного решения любой проблемы в грамматике конкретного языка необходим синтез знаний других наук — о человеке и его речеязыковом мышлении, речеязыковой деятельности и т. д. Короче говоря, для языковеда (в области как общего, так и частного языкознания) эта проблема остается по-прежнему открытой. Она, согласно прозорливому замечанию акад. В. В. Виноградова, ждет «будущего» решения.

Тем не менее современные русские лингвисты признают за междометиями право называться словами и отводят им определенное место в системе частей речи. Эта сторона вопроса концентрированно изложена в книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» акад. В. В. Виноградовым.

В тюркологической литературе подобного спора пока не было [118, 57]. Междометия рассматриваются в системе классов слов, частей речи как отдельная категория — «Междометие».

Описание простого предложения, особенно в аспекте грамматического объяснения специфики природы типов простого предложения, не позволяет обойти основополагающий вопрос о правомерности включения междометий в систему категорий синтаксиса, о рассмотрении междометий в статусе предложения.

В русских и тюркских грамматических (синтаксических) исследованиях междометия все же определяются как ущербная категория (единица), так как они, говорит В. В. Виноградов, лишены «форм словоизменения, они не располагают систе-

мой грамматических форм» [32]. С точки зрения коммуникативной содержательности каждой единицы языка к междометиям нужно подходить с большой осторожностью, многосторонне анализируя их, учитывая внутреннюю специфику этой категории и, что очень важно, — возможности функциональной перспективы в грамматико-семантической деривации ее в ходе развития языка человеческого коллектива. Без учета только что отмеченных взаимосвязанных моментов (и многих других) в природе и функции данной категории в языке (и речи) невозможно ожидать успешного решения проблемы особенностей, самой сущности междометия. Но пока мы наблюдаем, что, повторяем, значительная часть лингвистов, как правило, не признает за междометием номинативного значения. Природа междометия расценивается как рефлекторный выкрик — не более. И дальнейшее углубление в изучении этого вопроса считается областью физиологии, психологии и т. д., но не лингвистики. С другой стороны, отмечается, что междометие характеризуется номинативностью (и, следовательно, коммуникативностью) [31, 331]. Выходит, что междометие в языке — явление «половинчатое»: оно обладает свойством коммуникативности (или, наоборот, лишено его). Именно лишено! Единичные ученые ведь все же находят в категории междометий статус предложения и, следовательно, элемент номинативности, содержательности. Последний подход, надо считать, очень принципиальный и плодотворный.

Междометие-предложение в грамматической системе алтайского (как и любого) языка является особой категорией предложения (высказывания). В форме конкретного междометия-предложения говорящий (источник речевой деятельности, человек) эксплицирует свое положительное или отрицательное отношение к окружающим людям, предметам, событиям и т. д., а также актуализирует свое субъективное ощущение, состояние внутреннего переживания и т. д., т. е. в живой речи человека междометие имеет самостоятельное коммуникативное содержание. Междометием-предложением направляется внимание слушающего на источник речи, а с другой стороны, оно служит (является) импульсом-сообщением о внутреннем состоянии человека и т. д.[1]

В указанных условиях провести четкую разрядную классификацию междометий-предложений, руководствуясь критерием однозначности смыслового содержания междометий-предложений, не представляется возможным в связи с тем, что природа междометия по объему коммуникативно-эмоциональной направленности характеризуется динамичностью, переменностью.

Междометия не имеют однозначного содержания. Коммуникативная малоинформативность содержания-чувств (категории) междометия-предложения компенсируется возможностью объемно-смысловой вариации ряда эмоций субъекта, произносящего речь. Поэтому считается правомерный классификационное описание разрядов междометий-предложений начать с непроизвольных (первичных) «междометий-ощущений», которые дифференцируются на три ведущие группы традиционного членения их в грамматических работах: междометия «ощущения», междометия «чувства», междометия «эмоции».

Разрядная дифференциация, специализация междометия-предложения обусловливается природой ощущений, чувств, эмоций (человека), коммуникативная дифференцированность содержания которых конкретизируется специальными звуковыми структурами — междометиями (восклицаниями).

Коммуникативная специализация каждого разряда междометий служит опорным ориентиром для слушающего (приемника речи, другого человека) при передаче человеком силы и глубины его актуализированного чувства, эмоций через речь формой междометия-предложения (-восклицания). Многотысячелетняя языковая практика определенного коллектива (сообщества) людей постепенно выработала особую материальную форму (структуру) для первичного ядра при речевом выражении объема чувств через качество звуков речи родного языка. Внешняя причина — отдельный предмет, явление, человек и т. д., — воздействуя той или иной стороной, чертой на органы чувств воспринимающего человека (познающего субъекта), вызывает у последнего осознанную реакцию — чувство. Острота переживаемого (человеком) чувства импульсируется во внешнюю среду через материальное ядро междометия-предложения с заданным речевым деятелем (субъектом речи) эмоционально-чувственным параметром звучания, интонирования.

Однако номенклатура материальных ядер собственно междометий: ощущения, чувства, эмоции — немногочисленна. Междометие в устной и письменной речи выступает, как правило, в виде автономного предложения. Например: — *Jo-o! — деп, Миша, эки колыла jодозынан тудуп, кыйгырды* (И. Коч.) «Ой, больно! — закричал Миша, обхватив свое колено обеими руками». В этом функционально-содержательном качестве наиболее полно манифестируется объем чувства говорящего (речевого деятеля). А любое чувство в человеке вызывается причиной (внешней или внутренней), поэтому междометие всегда нуждается в дополнительной конкретизации предметным содержанием последующего предложения.

В относительно спокойном ритме (или характере) речи предложение-междометие, находясь в начале синтаксического целого, обособляется от последующего предложения. Например: *Ой, кандый да таныш йн...* (П. Куч.) «Ой, какой-то знакомый голос...» Однако пауза ослабляет ритмо-интонационное напряжение и одновременно погашает эмоционально-чувственный заряд, заданный в исходе междометием-предложением.

По значению коммуникативного содержания междометия делятся на следующие девять основных грамматико-семантических разрядов предложений: 1) категория собственно междометий-предложений; 2) междометия-предложения адресата; 3) императивные (волевые) междометия-предложения; 4) побудительные междометия-предложения; 5) утвердительные и отрицательные междометия-предложения; 6) междометия-предложения-слова; 7) оценочные междометия-предложения; 8) междометные предложения; 9) формулы речевого этикета.

1) Категория собственно междометий-предложений

В категорию собственно междометий-предложений входят следующие разряды междометий:

А. Междометия-предложения, материально-звуковое ядро которых служит средством передачи физического ощущения боли в языковых формах (или формулах) выражения. Это междометия *О! Ой! Јо!* и другие типы. Например: *О-о! — деп, јайнулу онтоп ийди. Куды чыга берген йй улустың «ой, ой!» дешкени угулат* (А. Ад.) «О-о! — с мольбой простонал (он). Послышались голоса испуганных женщин: «Ой, ой!»; *О-ы-ы-ый... Јоо калак! Ачузына канайып чыдайын... ы-ы-ы* (И. Коч.) «О-о-о-ой... Горе! Куда деваться от боли... и-и-и»; *Јо-о! Будымай, будымай!* (Л. Кок.) «Ой! Ногу больно!»; *Је кенетийин: По-оп, пу-уп! — деп кыйгырала, көөжин колынан ычкынып ийди.* (Л. Кок.) «И вдруг вскрикнув: По-оп, пу-уп! — она выронила чугунок из рук».

Б. Междометия-предложения, материально-звуковое ядро которых служит: а) средством для передачи осязательного ощущения холода. Это междометия *Ичикей! Итатай!*. Например: *Ой, ичикей!* (П. Куч.) «Ой, холодно!»; б) средством для передачи осознанного изображения реакции на холод. Например: *И-та-тай! Соогын!* (Л. Кок.) «Брр! Холодно как!» Однако рассматриваемая материальная структура междометия служит также в) языково-изобразительным средством для передачи чувства омерзения, которое вызывается у человека при виде

определенных родов живых существ и т. д. Например: *Кенете эр улустаҥ кем де чочып кыйгырды; — Јылан! Итатай! Јескимчилӱзин!* (С. Ман.) «Вдруг кто-то из мужчин крикнул: — Змея! Фу! Брр! (дословно: Противная!)» Кроме отмеченных случаев, употребление междометия *Итатай!* наблюдается еще для выражения г) несогласия с содержанием высказывания (или осуждения поступка) собеседника слушателем (участником беседы). Например: *И-та-тай! Кандый санаалу кижи* (Э. Палк.) «Фу! С какими помыслами человек!».

В. Междометия-предложения, материально-звуковое ядро которых используется для выражения и обозначения момента психического состояния: испуга, волнения и т. п. — под влиянием внешнего воздействия. Это междометия *Ой! Уй!* и др. Например: *Кызычак... колдорын кайра тартты: Ой!.. — Коркыба — деп, Юра оны токунадып, тунгак ӱниле араай айтты. — Балар ӧзӱмниҥ кузугы, рагулька* (И. Коч.) «Девочка... отдернула свою руку назад: Ой! Не бойся, — тихо сказал Юра глухим голосом, чтобы успокоить ее. — Орех водяного растения, рагулька»; *Ой! Не болды?* (И. Коч.) «Ой! Что случилось?»

Междометие *Уй!* употребляется в тех случаях, когда необходимо показать испуг от мысли, что человек говорит не то, что следует. Например: *Уй, бу мен немени айдып барадым* (П. Куч.) «О-о, что же я говорю...».

Междометия-предложения типа *Иох! Уф! Фу!* употребляются для выражения чувства тяжести после непосильного труда или от жары. Например: *Иох... изӱзин!* (Л. Кок.) «Ох!.. Ну и жара!»; *Иох... айас кӱнди кӧрӱп, кижи канайып отурат?* (Л. Кок.) «Ох!.. как можно усидеть в ясную погоду»; *Кӱӱгей: Уф-ф! — деп ӱшкӱрип ийди* (Л. Кок.) «Уф-ф! — вздохнул Кююгей»; *Фу-у,... кижи јокто машиналарды база катап кӧрӱп койдым.* (П. Куч.) «Фу-у... пока никого нет, еще раз внимательно осмотрел машины».

Междометия-предложения типа *Эх! Ух!* и подобные употребляются для выражения чувства восхищения. Например: *Эх! Тӧрӧл Москва...* (П. Куч.) «Эх! Родная Москва»; *Эх-эх! Кандый баатырлар!* (П. Куч.) «Эх-эх! Какие силачи (богатыри)»; *У-ух! Кандый патриот!* (П. Куч.) «У-ух! Какой патриот!»

Чувство удивления может быть передано разными материально-звуковыми ядрами междометий, например такими, как *У-у!, Батаа!: — У-у! Сенде ӱн јок* (Н. Ул.) «Оо! Ты немой!», *Уу-у! Јолды јӱк ле арайдаҥ таап јеттим* (Л. Кок.) «Уу-у! Я добрался, еле найдя дорогу!»; *Батаа, бу уулдардыҥ туткан балыгын кӧрзӧгӧр дӧ!* (Л. Кок.) «О-о, посмотрите-ка, каких рыб наловили эти ребятишки!»

Междометия-предложения типа *Э-э чаалда! О-о јайла!* употребляются для выражения чувства огорчения. Например: *Э-э, чаалда! Олорго кайда теңдежетен* (П. Куч.) «Ой уж! Где с ним сравниваться!»; *О-о јайла! Озогы чыйрагым кайда барды не?* (Л. Кок.) «Ээ! Где же моя прежняя ловкость?»; *Батаа! Карањуй торт кирип калган эмтир не!* (Л. Кок.) «Да-а! Уже так стемнело!»

Междометие-предложение типа *Фи-и!* употребляется для выражения чувства уничижения, разочарования. Например: *Фи-и! — деп, јӱзи чоокыр уулчак нӧкӧрлӧрине баштанып айтты* (Л. Кок.) «Фи-и! — сказал веснушчатый мальчик, повернувшись к своим друзьям».

Чувство возмущения передается редуплицированной формой междометия. *Та, та! Ба-таа!* Например: *Та, та! Менең бир тушта јакшы ла неме кӧрбӧзӧӧр!* (Л. Кок.) «Дождетесь! Когда-нибудь получите от меня по заслугам!»; *Ба-таа, сендий јалку неме!* (А. Ад.) «У-у, такой ленивый, как ты!»

2) Междометия-предложения адресата

Междометие-предложение адресата в коммуникативном общении служит особым языковым средством, употребляющимся в тех случаях, когда возникает односторонняя потребность воздействовать окликом на другого человека и тем самым некоторое время удерживать его внимание в направлении на себя, т. е. на источник речевого воздействия, на субъекта речи.

Материальное ядро междометия-предложения адресата в алтайском языке представлено следующими малочисленными формами: междометиями-предложениями: *Эй! Э-эй! Ау!* Максимальное эмоционально-коммуникативное воздействие оказывает междометие-предложение, действующее автономно, одиночно. Например: *Э-эй! Бери келигер!* (П. Куч.) «Э-эй! Идите сюда!»; *Эй ... кем! Кӱлте-эш тӧӧн јӱгӱр!* (J. Каинч.) «Эй ... кто там! Беги к дому Кюлте!»; *Катя ... чичке, ӧткӱн ӱниле кыйгырды: Э-эй!.. Ау-у-у!..* (И. Коч.) «Катя... крикнула тонким, пронзительным голосом: «Э-эй!.. Ау-у-у!».

Междометие адресата может быть конкретизовано приложением-предложением, содержанием которого является собственное имя человека, его звание, занимаемая им должность и т. д. Например: *Э-эй! Тырты-ый! Э-эй, уулдар! — Бери келигер!* (И. Шинж.) «Э-эй! Тырты-ый! Э-эй, ребята! Идите сюда!»; *Нӧкӧр, эй!* (А. Ад.) «Товарищ, эй!».

Однако следует заметить, что тип междометия-предложения адресата в (языково-) коммуникативном общении допускает узкий диапазон употребления — на уровне бытового общения.

3) *Императивные (волевые) междометия-предложения*

Императивные междометия-предложения в алтайском языке немногочисленны. Те из них, которые имеют коммуникативное воздействие на кого-либо в определенном направлении, без навязывания воли, представлены формами *Э! Эйт!* Например: *Э! Мӧтти кӧп јизеҥ, золотухала оорыырыҥ* (П. Куч.) «Э! Если съешь много меду, то золотухой заболеешь»; *Эйт! Сениҥ сурактарыҥ кандый аайлу?* (П. Куч.) «Эйт! Какие странные у тебя вопросы?» Императивные междометия-предложения, содержание которых выражает запрет, в алтайском языке имеют форму *Ай! А-ай!* Например: *Ай! Бу кайткан балдар? Неге шуулажып турган балдар бу?* (Л. Кок.) «Ай! Что за дети!? Что вы так расшумелись?»; — *А-ай! Іаан тууны ажарда кыйгырбайтан учурлу! — деп, энези чугулду айтты.* (П. Куч.) «Ну-ка! Перестаньте! Когда переваливают через большую тайгу (гору), нельзя кричать! — строго предупредила мать».

Кроме уже отмеченных типов императивных междометий-предложений, в алтайском языке функционируют еще две группы междометий-предложений, употребление которых регламентировано.

К первой группе относятся императивные (волевые) междометия-предложения, посредством которых речеволевой импульс адресуется только к человеку (слушающему). Это междометия-императивы, главным образом заимствованные из русского языка, такие, как: *Алло! Стоп! Марш!*, и собственно алтайское междометие-императив *Акыр!* «Стоп! Послушай! Погоди!». Например: *Акыр! Сен кайда барып јадыҥ?..* (П. Куч.) «Стоп! Ты куда идешь?»; *Акыр, акыр... Табыш этпе, табыш этпе!..* (Л. Кок.) «Погоди, погоди!.. Не поднимай шума, не поднимай шума!..»

Ко второй группе относятся междометия-императивы, посредством которых речеволевой импульс направляется (адресуется) только к животным, птицам (домашним) и т. д. с целью их отгона или, наоборот, призыва. Например: *Чу-у — деерде, калтар ат ӧткӱӱлди ӧдӧлӧ, кӧнӱ јелип ийди.* (J. Каинч.) «Как только произнесли: — Но-о, — лошадь, пройдя ворота, тут же переходит на быстрый бег (рысь)»; *Трр, чабдар, трр. Ай, кӱрӱм!* (J. Каинч.) «Трр, каурая, трр. Стой, негодная!»; *Тӱменниҥ Кӧгӱли не бу. Кӧгӱл! «На-на-на!»;* (Ш. Шат.) «Это же Тюмена Кегюл. Кегюл! «На-на-на!» *Бистиҥ Калтар ийдис тыҥ ӱре берди. — Сыйт! — деп, јаанам айылдаҥ чыкпай ӱнденди.* (Ш. Шат.) «Наш пес Калтар сильно залаял. — Пошел! — не выходя из аила, прикрикнула бабушка».

4) *Побудительные междометия-предложения*

Побудительные междометия-предложения формируются междометиями *Ме!* «На!», *Је!* «Ну!», *Кажы!* «Ну-ка!», *Акыр!* «Послушай!» и другими с соответствующей интонацией побуждения. Как правило, после побудительных междометий-предложений следует другое предложение, содержание которого конкретизирует тот или иной характер побуждения или его ситуативную причину. Чаще всего побудительные предложения представляют собой общее языковое средство обращения к собеседникам с целью побудить последних к речевой деятельности или с предложением совершить то или иное действие и т. д. Например: *Је, шити башта!* (Э. Палк.) «Ну, начинай работу!»; *Је, аган.* (А. Ад.) «Ну, поезжай»; *Ме, кий!* (Л. Кок.) «На, надевай!»; *Ме, јип кӧр.* (И. Коч.) «На, поешь»; *Ай-уй! Јазап тут мыны!* (Л. Кок.) «Ай! Держи покрепче!»; *Кажы, мен бойым салайын.* (Л. Кок.) «Ну-ка, позволь, я сам положу»; *Акыр! Экӱ јӧптӧжип алалы* (У. Сад.) «Послушай! Давай вдвоем договоримся».

Как видно из приведенных примеров, значение междометий-предложений становится более определенным и конкретным при содействии контекста другого, не междометного предложения, ибо основное свойство побудительных междометий-предложений — нерасчлененность. Поэтому побудительные междометия-предложения обязательно поясняются содержанием другого, предыдущего или последующего предложения, имеющего тип глагольного побудительного предложения.

5) *Утвердительные и отрицательные междометия-предложения*

Утвердительные междометия-предложения типа *Ээ. Э-э! А. Бог! Ма! Ме! Ба!* и другие выражают положительную реакцию на вопрос, на полученное сообщение или произносятся при догадке, при неожиданной встрече. Например: *Слер комсомолка ба? — Э-э...* (Л. Кок.) «— Вы комсомолка? — Ага...» — *Ол ушчак сенин нӧкӧрин бе? — Ээ.* (А. Ад.) «Тот мальчик твой друг? — Ага»; *Э-э... је бис слерди озолой берерис, кӧрӧригер!* (Л. Кок.) «Ага... но мы вас опередим, вот увидите!»; *Э-э, чын! Јаны ла сагыжыма кирди.* (П. Куч.) «— Ага, верно! Только сейчас вспомнил»; — *А-а... Кӧрдим.* (М. Терк.) «— А-а... (Я) видел»; — *А-а, бу Ваня турбай.* (П. Куч.) — А-а, это Ваня!»; — *Бот, бот! Андый болбой база.* (С. Сур.) «— Да, да! Так оно и есть».

Междометия-предложения *Ма!, Ме!, Ээ* и другие употребляются для усиления констатации очевидного явления, факта с оттенком удивления. Например: *Ма! Эјелерим айылдап келген туру ине.* (П. Куч.) «О! Мои сестры приехали в гости»; *Ме, анчылар јанган.* (С. Сур.) «О, охотники вернулись»; *Ба, слер кыстарды акалап салган эмтиреер ине, эјебис!* (Л. Кок.) «О, тетя, вы, оказывается, опередили девушек».

Данные группы междометий-предложений могут стать материальным ядром для выражения оттенка противоположного, отрицательного смысла посредством соответствующей модуляции в интонировании их в процессе живой речи. Например: *Ээ, аай болбогон туру не...* (С. Сур.) «Ээ, наверно, ничего не вышло»; — *Айдарда, сен поэт пе? — Та. Амадуум андый...* (М. Терк.) «Значит, ты поэт? — Не совсем так. Но мечта такая».

6) *Междометия-предложения-слова*

Малочисленная группа слов, утративших прямое функционально-семантическое значение в речевом общении, выступает в категории междометия-предложения-слова. Это такие слова, как *карын* «кстати», *калак* «беда, горе», *кудай* «боже», *акыр* «стоп, послушай, погоди».

Через формы этих слов-междометий выражается эмоциональное отношение говорящего к тому явлению, о котором говорится в последующем предложении. Поэтому данные междометия-предложения-слова, находясь в начале предложения, обособляются от последующего и имплицируют позицию адресата речи: слушателя или партнера в коммуникации. Однако эта форма междометия-предложения нивелирует категоричность в оценке обстановки, ситуации и т. д., о которых говорится в последующем развернутом предложении. Например: *Је, карын, слер бойоор озолодо шӱӱп көрөтӧн болзоор...* (К. Тӧлӧс.) «Ну, ладно, вы сами заранее подумали бы...»; *Калак, келди!* (М. Мун.-Эд.) «Ой, явился» (т. е. пришел неожиданно); *Кудай, былар! Мыны меге экелдиегер бе?* (С. Маи.) «Боже, вы! Это вы мне принесли?»

7) *Оценочные междометия-предложения*

Оценочное междометие-предложение выражает непосредственную эмоционально-оценочную реакцию говорящего на речь собеседника, на происходящее событие или его отношение к чему-либо и т. д.

В структурном плане предложение этого семантического типа бывает выражено:

а) рядом собственно междометий-предложений, т. е. построение из одного звукотипа-предложения может соседствовать с построением более протяженного комплекса звука или слов и словосочетаний или, иначе, — с формой предложения, представленной словесно усложненной междометной конструкцией. Например: *Ой, ой! Кӧк јарамас!* (А. Ад.) «Ой, ой! О, небо!; *О, кудай-май!* (А. Ад.) «О, боже, боже!»; *Баш ла бол!* (J. Каинч.) «Не дай боже! Оборони господь!»; *Ба, мынын јаражын!* (А. Ад.) «У-у, как это красиво!»;

б) специальными словами-междометиями, употребляющимися одиночно, главным образом в обрядной речи, например такими, как *Чӧӧк! Кайракан!* Например: *Кайракаан!.. Кирер бистиҥ јолыбысты буудактаҥ јайладыгар! Јанар бистиҥ јолыбысты некелтӱдеҥ корыгар! Кайракаан!* (П. Куч.) «О боже!.. Наш путь вперед освободите от трудностей! Наш путь домой оберегайте от преследования!»;

в) специальным междометием-речением типа *Айланайын!* Например: *Айланайын кӧӧркийди сени!* (П. Куч.) «Милая ты моя (бедняжка);

г) специальными словами-предложениями с оценочно-эмоциональной семантикой типа *Кулугур! Кӱрӱм! Шилемир!* или словесными комплексами различной семантической структуры. Например: *Шилемир!* (П. Куч.) «Шельма!»; *Эрлӱ-эр!* (П. Куч.) «Настоящий мужчина! Смелый!»; *Кожоҥ дезе кожоҥ!* (П. Куч.) «Песня так песня!»

Направленное коммуникативно-семантическое усиление акцента на природный признак в явлении достигается определенной конситуацией употребления соответствующего слова, обозначающего данное явление в алтайском языке. Например: *Карган согум!* (П. Куч.) «Старая кляча!»; — *Кӱчӱк! — деп. Јыртай Иванович јӱзи торт ло кӧгӧрип, кыйгырып ийди.* (А. Ад.) «— Щенок! — взревел Тьыртай Иванович, побагровев».

8) *Междометные предложения*

В алтайском языке (как и в любом языке номинативного строя) употребляются междометные единства усложненной конструкции. В таких конструкциях-предложениях грамматическим ядром (центром) выступают, как правило, слова-междометия типа *калак, кудай, кӧк јарамас, кӧк теҥери* и т. д. Например: *Калак ла калак, бажына сууны бойы урунган...*

(J. Канч.) «Беда, беда, сам во всем виноват...»; *А калак сени!* (Э. Палк.) «О бедняга же ты!»; *Куда-ай, баш болгой, Тантыбардый кижи бар эмеш пе?* (Э. Палк.) «Бог мой, есть ли другой кто-нибудь, подобный Тантыбару?»; *Калак-кокый, ачынба, таайыс!* (А. Ад.) «Ради всего доброго, не обижайтесь, дядя!»; *Ыыртай ӧбӧгӧн: — Кӧк јарамас! — деп, Нахай Ногоевичтиҥ јанына јууктап келди.* (Л. Кок.) «Дядюшка Тыыртай, произнеся: — Угодно ли небу! — подошел к Нахай Ногоевичу» *Кӧк тенери!* (Э. Палк.) «О ясное небо!» С целью категориального разграничения собственно междометия-предложения (ср.: — *Ой! Бу кайткан?* (П. Куч.) «— Ой! С ним что случилось?») от междометного единства приемлемо этот последний тип обособить терминологически — как «междометное» предложение.

Междометные предложения усложненного строения (из сочетания частицы и отдельных слов-междометий или словосочетаний) семантически конкретнее, чем собственно междометия-предложения (их коммуникативное содержание), но в последних превалирует чувственно-эмоциональный объем содержания предложения (междометия-высказывания), а в первых — содержательная и эмоциональная стороны параллельны. Например: *Кудай ла дезен база! Бу уулчак нени айдат?* «— Боже мой! Что говорит этот мальчик?»

9) Формулы речевого этикета

Среди междометных предложений несколько особняком стоит семантическая группа предложений, объединенных термином «формулы вежливости». Общепринятые формулы вежливости: приветствия, благодарности, извинения, пожелания, прощания и т. д. — в алтайском языке передаются специальными словесными конструкциями-предложениями.

а) Приветствие. Формула приветствия в алтайском языке имеет несколько способов передачи. Она образуется из специальных лексических единиц. Семантическим центром служит лексема, входящая в класс слов категории состояния. Основными лексическими единицами, формирующими семантический центр в выражении формулы вежливости — приветствия, являются слова *эзен* «живой», «здоровый», *јакшы* «хорошо, *амыр* «спокойно», «мирно».

В обыденной формуле приветствия эти слова стоят в единственном числе и плюс вопрос(итель)ная частица *ба/бе...*, произносящаяся без интонационного акцентирования (что является обязательным в вопросительной форме предложения).

Например: *Эзен бе, јиит! — Эзен, эзен бе — деп, Карчага эзендешти.* (И. Шод.) «— Здравствуй, юноша! — Здравствуй, здравствуй! — ответил приветствием Карчага».

Если приветствие адресуется к старшему по возрасту или по должности и т. д., чем говорящий (источник речи), или же обращаются с подчеркнутым уважением к кому-то, то эти слова употребляются с аффиксом множественного числа имени существительного в сочетании с частицей *ба/бе...* или без нее. Например: *Јакшылар ба, Јиңји Јыртаевна!* (А. Ад.) «— Здравствуйте, Дьиндьи Дьыртаевна!»

Если же приветствие официальное, обращение к большой группе людей (слушателям, студентам, ученикам и т. д.), то в этих случаях слова *эзен, јакшы* оформляются показателями множественного числа *-дар/дер..., -лар/лер...*, но без употребления вопросной частицы *ба/бе...* Например: — *Эзендер! — деп, үредүчи јымжак үнүле үнчүкты.* (М. Кач.) «— Здравствуйте! — поздоровался учитель мягким голосом»; — *Эзендер! — деп, үренчиктер јаңыс үнле каруузын бердилер:* «— Здравствуйте! — ответили разом (хором) ученики».

б) Благодарность. Выражение формулы благодарности осуществляется именем действия от глагола ал «взять», «брать» *ал-кыш — алкыш* «благословление» плюс повелительная форма глагола *бол* в 3-м лице с аффиксом *-зын/зин...* Например: *Алкыш болзын! Быйан болзын!* «Спасибо!»; *Быйанным јетсин слерге!* (И. Шод.) «Большое спасибо вам» (дословно: Пусть дойдет до вас мое пожелание пользы, благополучия); *Алкыш болзын, нөкөрлөр!* (П. Куч.) «Большое спасибо, товарищ!»

в) Извинение. Формула официального извинения в алтайском языке передается сочетанием повелительной формы глагола *ташта* во 2-м лице в единственном и множественном числе и управляемого им аффиксального прямого дополнения от слова *јаман.* Имя, выступающее в форме прямого дополнения, имеет перед аффиксом винительного падежа показатель лица-адресата речи, испрашивающего извинение (у 2-го лица — участника беседы), и т. д. Например: *Јаманымды таштa!* (П. Куч.) «Извини меня!»

г) Пожелание. Выражение формулы пожелания осуществляется сочетанием слов *јакшы, ырысту «счастливо» и т. п.* плюс повелительная форма глагола (любой семантики) во 2-м лице (ед. числа и мн. числа) или в 3-м лице с аффиксом *-зын/зин...* Например: *Јолыңг ырысту болзын!* (И. Шод.)

«Пусть сопутствует тебе счастье в пути!»; *Јакшы јӱр, најы!* (И. Шод.) «Благополучно живи, друг!».

д) Прощание. Выражение формулы прощания со стороны отъезжающих, прощающихся осуществляется сочетанием слова *јакшы* плюс повелительная форма глагола *бол* в 3-м лице с аффиксом *-зын/зин...*, а также сочетанием слова *амыр* «мирно», «спокойно» плюс повелительная форма глагола *јадар* во 2-м лице единственного и множественного числа. Например: *Јакшы болзын! Амыр јадыгар!*

Выражение формулы прощания со стороны провожающих, остающихся осуществляется сочетанием слова *јакшы* плюс повелительная форма этого же глагола (*јет* — во 2-м лице ми. числа): *Јакшы једигер! Амыр једигер!*

Выражение общей формулы в алтайском языке осуществляется сочетанием слова *эзен, јакшы* плюс повелительная форма глагола *бол* — в 3-м лице с аффиксом *-зын/зин...* Например: *Эзен болзын!* (И. Шод.) «До свидания!»; *Јакшы болзын, Кажагай!* (П. Куч.) «До свидания, Кажагай!»

Эта семантическая группа междометных предложений отличается от собственно междометий-предложений набором языковых единиц и внешне передается обычным сочетанием словоформ, которые употребляются в членимых предложениях. Но эти предложения входят в категорию нечленимых, нерасторжимых предложений и являются особыми коммуникативными формулами, употребление которых обусловлено этической потребностью взаимообщения людей в обществе. Такие предложения-формулы имеют не бытийное, а идеально-этическое содержание. Ср.: *Эзен!, Јакшы ба!, Спасибо болзын!* и *Суу экелзин!* и т. д. Грамматическая структура этих конструкций-предложений не членима в терминах членов предложения: главных и второстепенных, но структура некоторых из них допускает членение своих компонентов на уровне синтаксиса словосочетания.

Глава II

КАТЕГОРИЯ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Категория номинативного предложения — совершенно не исследованная область грамматики алтайского языка. В своей «Грамматике ойротского языка» Т. М. Тощакова отмечает назывные предложения типа *Кызыл Ойрот* «Красная Ойротия», *парткабинет* «парткабинет» [131, 51].

В грамматических исследованиях тюркских языков выделяемые разновидности номинативных предложений в общем совпадают с классификацией номинативных предложений в русском языке. Это естественно, так как тюркские языки входят в систему языков номинативного строя, как и русский язык.

В исследовании алтайского материала мы будем опираться в основном на точку зрения русских языковедов по данному вопросу. Категория номинативного предложения наиболее разносторонне освещена русскими учеными (от А. Пешковского, Л. Шахматова до современных лингвистов).

Русская лингвистика в этой области грамматики имеет большой научный опыт. Если А. Пешковский, А. Шахматов в своих лингвистических трудах только констатировали факт самостоятельности категории номинативного предложения, то ученые 50—70-х гг. XX в. создают обширные исследования, посвященные специальному изучению этой категории (Ф. К. Буженик, Б. П. Арденгов, А. С. Попов, П. А. Лекант, Н. Ю. Шведова, В. В. Бабайцева и мн. др.). Синтаксическая оценка главного члена номинативного предложения лингвистами дается самая разная. По этому поводу В. В. Бабайцева пишет следующее: «Вопрос о характере синтаксической функции главного члена номинативных предложений является спорным. Одни (А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский и др.) квалифицируют главный член как сказуемое, другие (Д. Н. Овсянико-Куликовский, В. А. Богородицкий, Л. А. Булаховский и др.) считают главный член подлежащим, третьи («Грамматика русского языка» АН СССР) не называют главный член ни

сказуемым, ни подлежащим, четвертые (А. А. Шахматов, Е. М. Галкина-Федорук и др.) разграничивают подлежащные и сказуемостные номинативные предложения» [13].

Правы, видимо, авторы академической «Грамматики русского языка», которые главный член номинативного предложения не называют ни подлежащим, ни сказуемым, так как подлежащее и сказуемое соотносительны: одно предполагает другое [105; 39]. Где нет подлежащего, там нет и сказуемого, так как они соотносимы.

В современной русской лингвистике в зависимости от значения и структуры различаются следующие разновидности номинативных предложений: бытийные [например: *Мороз. В лесу звенят сосульки.* (А. Твардовский); *Выкрики паровозов, белый дым, морозная ночь. А на самом-то деле всего три часа дня.* (А. Марьямов. Полярный август)]; указательные [например: *...Прощайте. Вот моя калитка.* (А. Куприн. К славе)]; побудительно-пожелательные [например: *Доброе утро!; Внимание!; ...Мир и согласие.* (А. Чехов. Леший)]; оценочно-бытийные [например: *Такие морозы!* (А. Фадеев. Молодая гвардия)]; собственно-назывные [например: *«Мертвые души»* (название поэмы Н. В. Гоголя), *«Иван Сусанин»* (название оперы М. Глинки), *«Автопортрет»* (название картины И. Е. Репина)] и т. д. [13, 126]. «В общую группу номинативных предложений эти разновидности объединяются единой формой главного члена и доминирующим значением бытия, существования...» [13, 126].

Обращение же к содержанию данных групп предложений требует следовать несколько иной последовательности в схеме классификации номинативных предложений. Это сторона вопроса будет рассмотрена в данной работе на материале алтайского языка. Известно, что «основным значением номинативных предложений является утверждение бытия предметов или явлений, на которое могут наслаиваться значения указания, эмоциональной оценки, волеизъявления». И для иллюстрации указанных положений приводятся следующие примеры: *Вот и я!* (М. Горький); *Какой вечер!* (А. Чехов) [13, 130]. Подобное расчленение групп номинативных предложений предполагает осуществленность классификационного описания (самих) явлений, объектов, предметов и т. д. с учетом специфики материального содержания их в грамматике (синтаксисе) конкретного языка. В действительности этого пока нет. Хотя идея об этом уже высказана: «Главный член номинативных предложений не является морфологизованным, так как существительное по своей синтаксической роли многофункционально.

Поэтому нельзя определять его синтаксическую роль, исходя лишь из грамматических показателей, необходимо учитывать характер выражаемой мысли...» (разрядка наша. — Е. Ч.) [13, 120]. Однако, как уже было отмечено, научное описание номинативного предложения предпринималось прежде всего (и раньше всех) на материале русского языка. Но многие аспекты этой проблемы ждут еще своего раскрытия и грамматического объяснения.

Номинативные предложения в грамматических описаниях, как правило, начинаются с формы (структуры) предложения типа *Соок* «Мороз». Содержание этого номинативного предложения выражает специфический момент в фактическом (реальном) явлении природы. В широком смысле в категорию номинативных предложений, видимо, должны включаться не только предложения, содержание которых передает сообщение об отдельном явлении природы типа Соок «Мороз», но и категории звукоподражания-предложения, междометия-предложения, а также императивные (и повелительные) категории высказываний (предложений). Кроме того, в общей системе номинативных предложений особое место должно быть отведено категории «обращения». Однако каждый из них имеет свою специфику и, следовательно, самостоятельное место в системе простого предложения.

В алтайском языке в системе номинативных предложений рассматриваются следующие категории предложений: 1) собственно номинативные предложения; 2) номинативно-коммуникативные формы предложения: а) императивные предложения, б) повелительные предложения, в) побудительные предложения; 3) звательные предложения; 4) обращения-предложения.

1. Собственно номинативные предложения

1. В категорию собственно номинативных предложений входят следующие разряды номинативных предложений, материальное содержание и объем которых соотносятся с отдельными (но внутренне многосложными и разносистемными) объектами внешнего мира, например космических, планетарных форм (-сфер): *Ак-айас* «Космос»; *Jер-телекей* «Вселенная»; *Көк-айас* «Атмосфера»; ...*Күн* (Л. Ер.) «...Солнце»; *Ай* «Луна»; *Jылдыс* «Звезда»; *Кей* «Воздух»; *Jер* «Земля»; а также и земных: *Суу. Суу айландырып jат, уулчак — деп, тегерменнин ээзи jартады.* (М. Качк.) «Вода. Вода (двигает) вращает, мальчик, — пояснил хозяин мельницы».

Как видно из этих примеров, в категорию собственно но-

минативных предложений входит не каждый разряд имен существительных.

2. В эту категорию входят номинативные предложения, материальное ядро которых передает высказывание об определенном сезоне, временах года. Например: *Јас. Удабас ӱредӱлӱ јыл божоор.* (Л. Кок.) «Весна. Скоро окончится учебный год»; *Јай. Айландыра тымык-тымык.* (К. Тӧлӧс.) «Лето. Кругом тихо, тихо»; *Кӱс... Тобракту узун, чичке јол* (А. Ад.) «Осень...: Пыльная длинная, узкая дорога»; *Кыш... Соок* (И. Шниж.) «Зима... Мороз».

Структура данных типов номинативных предложений может выступать многокомпонентно, то есть грамматическое ядро-имя номинативных предложений может иметь при себе пояснительное слово. Наличие пояснительных слов раскрывает в определяемом, поясняемом явлении разные переходные (сезонные) признаки его. Например: *Алтын кӱс. Айландыра тымык-тымык.* (Л. Кок.) «Золотая осень. Вокруг спокойно, спокойно»; *Кӱстин бойы* (С. Ман.) «Разгар осени»; *Јаскары кыш* (А. Ад.) «Предвесенняя пора»; *«Кыштын корон соогы.* (К. Тӧлӧс). «Зимняя стужа»; *Эрте јас* (У. Сад.) «Ранняя весна»; *Эмеген јай. Јык ла эдип калган сары бӱр.* (К. Тӧлӧс). «Бабье лето. Масса опавших желтых листьев»; *Орой кӱс* (Б. Ук.) «Поздняя осень».

3. В подкатегорию номинативных входят разряды предложений, материальное ядро которых несет в себе сообщение о названии явлений природы. Например: *...јааш, јалкын* (К. Тӧлӧс.) «...дождь, молния»; *Јааш. Карангуй. Чылчырык* (П. Сам.) «Дождь. Темень. Слякоть»; *Тӱн. Механизаторлор ӱйуктаар јерлер јаар мендегилейт.* (Э.Тоюш.) «Ночь. Механизаторы спешат к ночлегу»; *Кышкы кӱн.* (У. Сад.) «Зимний день»; *Јайгы кӱндердин јаңы ла башталып турган тужы* (Л. Кок.) «Пора начала первых летних дней»; *Эртен тура* (Л. Кок.) «Раннее утро»; или о названии месяцев, дней недели и т. п., например, *Сыгын ай.* (Э. Тоюш.) «Сентябрь месяц»; *(Бӱгӱн) воскресен...* (А. Ер.) «(Сегодня) воскресенье...»

2. Номинативно-коммуникативные формы предложений

Императивные предложения

Императивные предложения наметились в рамке категории междометия-предложения в подразделе «Императивные междометия-предложения». Однако, помимо собственного междометия, центром императивного предложения могут выступать

специальные наречия типа *капшай* «скоро, быстро», *ичкери* «вперед» или же имена существительные в форме дательного падежа, актуализованные в речевом высказывании с особой структурой интонации, направленной на выражение формы категорического требования (чего-либо) субъектом речи (источником императива) у окружающих (слушателей и т. п.) без экспликации имени адресата. Например: *Стройго! Экинчи машинага!* (Л. Кок.) «В строй! Во вторую машину!».

Или же адресат императива может быть назван в препозиции (т. е. до императивного предложения). Например: *Бежинчи команда! Номер аайынча марш!* (Л. Кок.) «Пятая команда! По порядку номеров марш!»; *Отряд, ичкери!* (Б. Ук.) «Отряд, вперед!»

Выражение императива глагольным предложением имеет коммуникативную направленность более категорической (или даже резкой) формы. Например: *Болор!* (И. Коч.) «Хватит!»; *Бежинчи команда, стартка белетен!* (Л. Кок.) «Пятая команда, приготовиться к старту!»; *Э-э-эй! Јол береср!* (И. Коч.) «Э-э-эй! Дайте дорогу!»

Повелительные предложения

Грамматической формой повелительного предложения [45] говорящим (источником речи) выражается словесно звуковой (импульсно-волевой) образ определенного типа движения и т. п., повеление прямо направленного на другого человека. Например: *...Тӱжиле не көп јадар уул бу. Тур!* (Ш. Шат.) «..Что за парень такой, весь день спит. Вставай!»; *Э-эй! Бери келиеер! Бери!* (П. Куч.) «Э-эй! Сюда идите! Сюда!»; *Озо баштап ӱренеер!* (П. Куч.) «Прежде всего — учитесь!»

В первом примере выражается категорическое повеление к конкретному типу (или виду) движения. Во втором — звукоинтонационный образ (-идея) отдельного типа движения, перемещения (*келиеер*) задается (передается) речью говорящего, а семантическим содержанием местоименного наречия-предложения конкретизируется радиальное направление движения (*бери*) в сторону (самого) говорящего (источника речи).

Побудительные предложения

Побудительные предложения в алтайском языке основываются на материальной структуре повелительного предложения, т. е. с грамматическим центром в форме глагола повелительного наклонения (без показателя лица, числа и т. д.).

Побудительные предложения, сохраняя идею повеления, требования, приобретают дополнительное семантическое свойство выражать совет или просьбу, поощрение или побуждение и т. п. Например: *Ал, ал!* (И. Коч.) «Возьми, возьми!»; *Көрзөөр дө, кар!* (Л. Кок.) «Смотрите-ка, снег!»; *Је, албаданаар ла!..* (Л. Кок.) «Ну, постарайтесь!...»; *Је, бас ла!* (К. Төлөс.) «Ну, шагай же!».

Побуждение может быть передано не только глагольным предложением, но и местоименным или же наречным предложением. Например: *Вот, вот. Анайда ла ойно!* (Л. Кок.) «Вот, вот. Так и играй» (дословно: продолжай играть!); *...Мынайда, мынайда!* (Л. Кок.) «...Так, так!»

3. Звательные предложения

Категория звательности должна иметь самостоятельное разрядное место в системе простого предложения, т. е. рассматриваться отдельно от категории обращения.

Ядро категории звательности составляют, надо отметить, слова-термины, посредством которых члены одной семьи адресуются друг к другу. Поэтому грамматическим ядром предложений категории звательности и являются слова-термины:

а) кровного родства типа *ада* «отец», *аја* «тятя», «папа», *эне* «мать, мама». Например: *Ада, мен орус тилди јакшы билерим* (А. Ад.) «Отец, я русский язык знаю хорошо»; — *Кайда тенип јүрген? — Эне, мен оорыгам* (К. Төлөс.) «— Где ты бродил? — Мама, я заболел»;

б) ближайшего родства типа *таада* «дедушка», *абаай* «дядя по отцовской линии» и т. п. Например: *Таада, Соок-Таадак күрди ташла тудар ба?* (Ч. Чуниж.) «Дедушка, Дед-Мороз скрепит мост камнями?»; — *Абаайым?! — деп, Суркаш одын јарышка једеле, кайкай түшти. — Бу слер бе?* (Ј. Канич.) «— Дядя? — удивился Сыркаш, подходя к месту колки дров. — Это вы?»

4. Обращения-предложения

Обращение-предложение эксплицирует направленность речи говорящего (речевого деятеля) к другому человеку. Обращение представляет собой важнейшее коммуникативное средство для осуществления прямого контакта в живой речи людей между собой вообще. Обращение-предложение, являясь категорией живой речи, служит грамматическим способом и средством речевой связи между говорящим и слушающим в процессе язы-

ковой коммуникации (в позиции слушающего может быть от одного человека до неопределенного множества людей).

С грамматической точкой зрения на вопрос, что такое обращение, следует, видимо, давать ответ таким образом: обращение — это особая языковая форма, своеобразный грамматический тип предложения. Грамматическая форма обращения-предложения является важнейшим средством речевого контакта в процессе языковой коммуникации в человеческом обществе. Своеобразие же структуры обращения-предложения в том, что наполнение его грамматической формы ограничено разрядами имен существительных, относящихся главным образом к категории человека. Иными словами, грамматическим ядром в обращении-предложении выступает личное имя, имя и отчество, термины официального адресования, обращения и т. д. Говорящий, называя собственное (личное) имя человека, тем самым формирует грамматическую форму (структуру) обращения-предложения. Обращение-предложение в речевом общении эксплицируется, как правило, с особой звательной интонацией. Актуализируя, произнося имя человека, говорящий (речевой деятель) устанавливает прямую коммуникативную связь со слушающим формой обращения-предложения.

В отношении роли личного (собственного) имени человека в теории имен существует разная оценка [125]. Выступая различным средством в языково-коммуникативном общении, имя собственное (личное) функционирует как отдельное самостоятельное предложение (-обращение), содержание которого, с одной стороны, подчеркивает наличие человека (субъекта-лица), а с другой, — является средством установления непосредственной речевой коммуникативной связи с ним (с носителем этого имени). Например: — *Лолдош! Лаашта не туруг?!* (А. Ад.) «— Дьолдош! Что стоишь под дождем?!; — *Таня! Нинадан письмо келтир...* (М. Терк.) «— Таня! Письмо от Нины...»; — *Мокоев! Слерди Николаева сакып jат.* (М. Терк.) «— Мокоев! Вас ждет Николаева».

В этих примерах обращение-имя выступает автономным предложением (т. е. обращением-предложением).

В отношении падежа существительного (собственного и нарицательного), выступающего грамматическим ядром обращения-предложения, среди тюркологов существует разное мнение. Падеж обращения одними тюркологами рассматривается как именительный, а другими — как звательный*. Что касается

* Вопрос относительно падежа имени, выступающего как грамматическое ядро обращения-предложения, видимо, нуждается в дополнительном специальном изучении.

современных русских лингвистов, то падеж обращения они считают именительным [13].

Исследование алтайского языкового материала позволяет высказать мнение, что обращение-предложение следует рассматривать как особую языковую форму предложения в грамматическом строе алтайского языка.

Кроме отмеченной позиции, обращение-предложение может находиться в соположении с другими предложениями, сохраняя свое категориальное содержание, и занимать разное место по отношению к другому предложению: начальное, срединное и конечное — и выделяться запятой. Например: — *Аба, трактор... Трактор келген!* (Б. Ук.) «— Аба, трактор... Трактор пришел!»; — *Акыр, ӱй кижи, арай келишпес агаштар эмтир.* (К. Тӧлӧс.) «— Послушайте, женщина, деревья не совсем подходящие»; — *Барадырым, эне!.. Барадырым!* (П. Куч.) «— Уезжаю, мама!.. Уезжаю!»; — *Валя, кем анда?* (Л. Кок.) «— Валя, кто там?»; *Адам, бӱгӱн нени экелерин?* (П. Куч.) «Отец сегодня что принесешь?»

Вхождение обращения-предложения в сочинительную связь в рамке другого предложения обусловливается определенными коммуникативно-информативными задачами. Отчленение обращения-предложения запятой от состава другого предложения объясняется тем, что содержанием последующего предложения дается раскрытие каких-нибудь признаков того материального явления, которое выступает как грамматическое ядро в обращении-предложении. Например: — *Коля, сен Гуркин деп алтай художник керегинде укkан ба?* (М. Терк.) «— Коля, ты слышал о художнике-алтайце Гуркине?»; — *Уулдар, слер неге табышканын тургар?* (Ч. Чуниж.) «— Ребята, вы что шумите?»; — *Эрлей, сен ӱренип барарын ба?* (Л. Ад.) «— Эрлей, ты поедешь учиться?»

Грамматическое ядро обращения-предложения может состоять не только из имени собственного. В роли грамматического центра обращения-предложения могут употребляться различные общепринятые формы выражения официального обращения (адресования) в общественно-речевой практике человеческого коллектива. Например: — *Граждандар! Эмди мени угугар — деп, кенетийин ӱй кижинин ӧдӱ ӱни угулды.* (Б. Ук.) «— Граждане! Теперь меня выслушайте, — вдруг раздался звонкий женский голос».

Глава III

КАТЕГОРИЯ НАЗЫВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В отношении категории назывных предложений в тюркологии нет единого мнения. Однако имеется высказывание тюрколога Н. К. Дмитриева, что назывные предложения есть частный случай неполного предложения с отсутствующим сказуемым. Но больше всего заслуживает признания следующее замечание: назывное предложение имеет особую функцию называния, обозначения и т. д. Н. К. Дмитриев призывал дифференцировать категорию назывного предложения в прямой коммуникативной функции неотрывно от обозначаемого им предмета действительности [55].

Языково-грамматическая особенность назывных предложений в том, что их формой передается сообщение об отдельном явлении, предмете, подчеркивающее либо существование их вообще, либо конкретное наличие их как факт. Поэтому материальным (категориальным) ядром таких предложений выступает имя существительное (в форме именительного падежа).

Назывные предложения по свойству передаваемого ими содержания распадаются на несколько классов предложения. Класс назывных предложений определяется структурой мысли, т. е. зависит от содержания конкретного назывного предложения. Имя существительное в качестве отдельного самостоятельного предложения выступает в собственно предметно-понятийном содержании как выразитель и представитель категории, класса (обозначаемого) отдельного объекта, явления внешнего мира. Или, иначе, назывное предложение, материальное ядро которого употребляется одиночно, передает сообщение об отдельном предмете, явлении и т. д.

В алтайском языке в категории назывных предложений рассматриваются следующие разряды предложений: 1) собственно назывные предложения, 2) свободные (нетипизированные) структуры предложений.

1. Собственно назывные предложения

1) В категорию собственно назывных предложений входят общеязыковые обозначения родовых и видовых названий растений, животных, птиц, пресмыкающихся, насекомых, минералов при отдельном употреблении их в общественно-языковой практике или же в конкретной речевой ситуации. Например: — *Куу, Тана. Кӧлдиҥ ӱстинде. Эмди ле отурар...* (К. Кош.) «— Лебедь, Тана. Над озером. Сейчас сядет»; *Ол ок тарыйын эзчий клееткен нӧкӧрлӧри јолдоҥ јӱгӱрип, кыйгырышты: — Койон! Койон!* (И. Коч.) «В тот же миг друзья, шедшие позади него, отбегая в сторону, кричали: — Заяц! Заяц!»; ... *Іодро* (Л. Кок.) «... Черемуха»;

2) В класс назывных, видимо, могут быть отнесены предметно-понятийные выражения о явлениях, которые составляют специфические части целого (например, в организации строения животного, растения и т. д. Например, *Энем сурайтан: — А бу не? — Бу кӧс. — Орустап не? — Глаз. Бу не? — Тумчук. — Орустап не? — Нос. ...* (И. Шинж.) «Мама моя спрашивала: — А это что? — Это глаз. — А по-русски? — «Глаз». — Это что? — Нос. — А по-русски? — «Нос»...»;

3) В класс назывных предложений включаются предложения (-сообщения) о различных частях света, континента, названия стран мира и т. п. Например: — *Индия... — деп, Каран Ленаныҥ санааларын оноҥ ары кӱйбӱредип айтты.* (Л. Кок.) «— Индия... — произнес Каран, все более взбудораживая воображение Лены»; *Іууныҥ јылдары... Румыния...* (П. Сам.) «Годы военные... Румыния...»; *Венгрия... Карпаттыҥ кырлары::.* (П. Сам.) «Венгрия... Карпатские горы...».

4) В класс назывных предложений входят названия категории населенных пунктов: городов, сел, деревень, а также их атрибутов: проспектов, бульваров, улиц и т. п. Например: *Город* (Э. Тоюш.) «Город»; *Москва. Бу сӧстӧ кӧп учур бар.* (Э. Тоюш.) «Москва. В этом слове есть много значения»; *Невский проспект. (Л. Кок.)* «Невский проспект»; *Тверской бульвар. Литинститут»* (П. Самык) «Тверской бульвар. Литинститут»; *Бойыныҥ тӧрӧл јуртын Сарлай ыраактаҥ ла кӧрӱп ийеле, командирге айткан: — Аспакту!* (Б. Ук.) «Увидев еще издалека родное село, Сарлай сказал своему командиру: Аспакту!».

5) Кроме этого, в класс назывных предложений входят предложения-сообщения не только с содержанием о природных явлениях, объектах, странах и т. д., но и о предметах, вещах, используемых в быту, созданных руками человека. Например: *Слерге алу учун не керек? — Чай, таҥкы, кулур, бӧс* (И. Шод.)

«Вам что дать за меха? — Чаю, табаку, муки, ткани»; *Мында ончозы јеринде. Стол. Шкаф. Орын.* (Ш. Шат.) «Здесь все на месте. Стол. Шкаф. Кровать»; — *Бу нени тартып алган? — Аарчы.* (И. Шиж.) «— Что везешь? — Арчи»; *Гонг. Боксерлор катап ла тура јүгүрдилер.* (Л. Кок.) «Гонг. Боксеры снова вскочили (ринулись навстречу друг другу)».

Структура назывного предложения может расширяться присутствием определения. В этом случае материальное ядро такого предложения под влиянием синтаксического окружения (внутреннего контекста данного предложения) преобразуется в грамматический центр. То есть на преобразование материального ядра автономного назывного предложения в грамматический центр прежде всего оказывает влияние наличие определения. Определение характеризует и обособляет предмет со стороны внутреннего его качества или эксплицирует взаимосвязь данного предмета с зависимым от него явлением, занимающим позицию определения (в частности, относительного). Например: *...Сары бүр.* (Ј .Канич.) «... Желтые листья...»; *Эртен эң ле үүр экзамен.* (Л. Кок.) «Завтра самый трудный экзамен»; *Ойто ло күр.* (Ј. Канич.) «И опять мост»; *Эбире кыра.* (А. Ад.) «Кругом пашни»; *Үч балалу эмеген* «Женщина с тремя детьми».

Как это видно из вышеприведенных примеров, имя, выступающее как грамматический центр конкретного назывного предложения, может также уточняться, раскрываться другими единицами языка, характеризующими явление со стороны степени качества, количества, пространственного положения, частоты повторяемости какого-либо явления, предмета.

С другой стороны, данные единицы не только характеризуют грамматический центр-имя, но и одновременно расширяют границы назывного предложения и увеличивают информационную емкость его.

2. Свободные (нетипизированные) структуры предложений (или ситуации-предложения)

Этот раздел включает рассмотрение образцов структур предложений типа: *Клубта јарык.* (Б. Ук.) «В клубе светло»; *Социализмнин ороондорында* (АЧ) «В странах социализма» и др., грамматико-содержательное построение которых передает мысль об элементах внешней ситуации: природной, общественной, социальной. Как видно из данных примеров, в конкретно языковой форме общения (коммуникации) внешняя ситуация выражается (передается) также и многокомпонентными конструкциями предложений [70]. Однако компоненты таких пред-

ложений не поддаются обычному синтаксическому членению в терминах главных и второстепенных членов предложений. Иными словами, специфика материального содержания и, следовательно, особенность грамматико-лексического построения их не позволяет включать данные структуры предложений в систему типизированных (глагольных) предложений, односоставных, двусоставных и т. п.

Видимо, с грамматической точки зрения целесообразно объяснить структуру данных предложений, отталкиваясь от категориального свойства части речи, обозначающей собой определенный класс, род, вид внешних явлений, объектов, находящихся в том или ином состоянии или же в пространственном положении. По грамматико-лексическому построению и содержанию такие предложения могут быть разными, а именно:

1) предложения, содержанием которых является сообщение о наличии во внешней ситуации или окружающем пространстве определенного атмосферного явления или состояния. Например: *Тышкары кар.* (Л. Кок.) «На улице снег»; *Эбире карангуй.* (Л. Кок.) «Кругом темно»; *Тышкары... салкын.* (А. Ад.) «На улице... ветер»;

2) предложения, в содержании которых сообщается об участке, отрезке пространства, занятого определенным видом деревьев, растений. Например: *Суу јарадында тонгыл-тонгыл тыттар* (П. Куч.) «На берегу реки стройные лиственницы»; *Эбире јаан-јаан чейнелер* (К. Кош.) «Кругом крупные-крупные пионы».

3) предложения, в которых сообщается о части суток, в продолжение которой происходит определенное атмосферное явление. Например: *Түниле шуурган...* (Л. Кок.) «Всю ночь вьюга...»;

4) предложения, в которых сообщается о различных общественных и прочих явлениях, наблюдаемых в населенных пунктах: городах, селах и т. п. и на их улицах. Например: *Тӧс оромдо оттор...* (Л. Кок.) «На главной улице огни...»; *Эбире... маанылы.* (Л. Кок.) «Кругом... знамена».

5) предложения, в которых сообщается о явлении в динамическом, активном состоянии. Например: *Бистин ӧрӧкыс кажы ла күн алтамда.* (АЧ) «Наша страна каждый день в движении вперед»; *Телекей тымык уйкуда.* (Л. Кок.) «Мир в безмятежном сне»; *Уулдар јир каткыда.* (Б. Ук.) «Юноши дружно хохочат» (дословно: в дружном хохоте); или же — о местонахождении: *Мен эмди Ленинград городтың јанында.* (Ј. Каинч.) «Я теперь рядом с городом Ленинградом»; *Сӱӱнер олордың ортозында.* (Ј. Каинч.) «Сююнер среди них»;

6) предложения, в которых сообщается об определенном виде постройки, здания, помещения, занятого вещами, предметами. Например: *Конторада... улустар.* (Л. Кок.) «В конторе... люди»;

7) предложения, в которых сообщают о конкретном предмете, находящемся внутри другого предмета. Например: *Суу ол ару көнөктө.* (Л. Кок.) «Вода в том чистом ведре»;

8) предложения, в которых сообщается об участии определенной группы, категории людей в конкретном событии. Например: *Бистин де ббөбөндөрис јууда* (Л. Кок.) «И наши мужья на фронте».

9) предложения, в которых сообщается об общем числе определенных предметов или же о количестве членов одной семьи, а также возраст человека (-ребёнка). Например: *Бис төрт лө өрөкө айыл.* (И. Шод.) «Нас (всего) четыре двора (дословно: дома) жителей»; *А мен јети балалу.* (Б. Ук.) «А у меня семеро детей (или: я с семью детьми); *Сен эмди 22 јашту.* (К. Төлөс.) «Ты теперь двадцати двух лет» (Теперь тебе двадцать два года).

Как показывают примеры, данные структуры служат для выражения сообщений о внешней (или внутренней) ситуации. В коммуникативном сообщении формами данных предложений акцентируются (и выявляются) предметы, явления природы, человек (или их актуализированные отдельные черты, признаки) в том или ином динамическом или статическом состоянии или же местонахождении т. п. Следовательно, данные структуры предложений в языке функционируют как отдельные ситуации-предложения в живом сообщении. Поэтому они имеют право на грамматическую самостоятельность и особое положение в общей системе назывных предложений.

ГЛАВА IV

КАТЕГОРИЯ БЕССОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ*

(Категория пространственного, временного, (внешнего и внутреннего) сферического целого)

В системе простого предложения в алтайском языке необходимо выделить особую категорию бессоставного предложения. В категории бессоставного (или, иначе, — пространственного, временного, сферического целого) предложения могут быть рассмотрены те единицы языка, которые в учении о частях речи выделены в отдельный раздел как самостоятельная категория. Речь идет о категории состояния, категории наречия (пространства, места, времени), имени числительного (количественного), местоимения (личного). Данные категории единиц языка имеют способность употребляться как отдельное предложение. Учет категориального свойства и, следовательно, специфики грамматико-семантического (категория состояния-предложения, наречия-предложения), функционально-семантического (числительные-предложения, местоимения-предложения) содержаний данных единиц оказывает прямое влияние на систему их классификации и дифференциации на следующие самостоятельные разряды предложений: категория состояния-предложения, наречие-предложение, числительное-предложение, местоимение-предложение.

1. Предложения-состояния

Единицы языка, объединяемые в категорию состояния, также могут выступать в качестве самостоятельного отдельного предложения. Содержанием предложений категории состояния могут быть самые различные реакции человека на всевозможные явления действительности, на окружающие его предметы или же оценка их.

Грамматический центр в предложении категории состояния

---

* В данной работе термин «бессоставные предложения» наполняется иным содержанием, чем в «Русском синтаксисе» проф. Б. П. Арлентова [9, 123].

может быть выражен одним словом. Например: *Амыр...* (А. Ад.) «Спокойно»; *Чеген ичериҥ бе? Соок* (А. Ад.) «Чегень будешь пить? Холодный»; *Эрикчеен* (И. Коч.) «Тоскливо»; *Јылу. Салкын билдиртпейт* (И. Коч.) «Тепло. Безветренно».

В рассмотренных предложениях грамматический центр выступает одиночно, тем самым внимание полностью концентрируется на специфике семантического содержания бессоставной категории предложения-состояния.

Однако грамматический центр предложений категории состояния может употребляться с одним (или более) пояснительным словом, но имеющим различное смысловое назначение в рамке единой категории предложения-состояния. Например: *Эбире тым* (Б. Ук.) «Кругом тихо»; *Коркушту изӱ* (Л. Кок.) «Очень жарко»; *Базарга кӱч* (J. Каин.) «Идти трудно»; *Мында соок, караҥуй...* (А. Ад.) «Здесь холодно, темно...»; *Куучындажып отурарга... јайым* (Э. Палк.) «Сидеть и беседовать... свободно».

Внутри разряда категории предложения-состояния есть практическая необходимость рассматривать также виды предложений, содержание которых имеет оценочное значение (чего-либо) или выражение согласия с предыдущим высказыванием. Например: *...Эки јылдыҥ бажында ла ойто барарга суранбагар. Јӧп пӧ?.* (Л. Кок.) «...После двух лет не проситесь увольняться. Согласны?; — *Администраторго акча берзеес кайдар?... Уйатту.* (Л. Кок.) «Если мы дадим администратору деньги?.. — Неудобно»; *Мен бодозом, колхозчылардыҥ колында турган малды астадар керек, нениҥ учун дегежин, бир кезек улус јаҥыс ла бойлорыныҥ хозяйствозын кичееп јадылар... — Чын, чын. — Тӧгӱн!* (А. Ад.) «Я думаю, что надо уменьшить (количество) скота в личном пользовании колхозников вследствие того, что некоторые люди укрепляют только личное хозяйство... — Правда, правда. — Ложь!»; *Бистиҥ уулдыҥ ӱредӱ кандый? — Баштак.* (Л. Кок.) «Как учеба у нашего мальчика? — Непоседа»

Формой категории предложения-состояния может передаваться содержание о самых разных динамических (или статических) состояниях человека (в той или иной обстановке). Например: *Коштой јаткан Аниса деп келин меге јеткен. Ый-сыгытта* «Соседка Аниса прибежала ко мне. В слезах.»; *Эмди ол пединституттыҥ ӱчини курсында* (Э. Палк.) «Теперь он в педагогическом институте на третьем курсе»; *Меге эмди одус јаш.* «Мне теперь тридцать лет».

Грамматической формой категории предложения-состояния также передается содержание о состоянии, например, страны в праздничные дни: *Ороонум эмди парадта!* (Ш. Шат.) «Родина сейчас на параде!»

Предложение-наречие

Форма бессоставных предложений с центром, выраженным наречием, сообщает об участке пространства, о радиальном направлении в пространстве, о локализации где-то. Например: — *Кайда jүрдин? — Өрө — деп, Вася ааай унчукты.* (Л. Кок.) «— Где бродил? — Наверху, — тихо проговорил Вася»; — *Бери...* (Б. Ук.) «Сюда...»; *Олор кажы тушта? — Туку анда.* (Л. Кок.) «— Где они? — Вон там»; *Слерди Николаева сакып jат. Тышкары садта.* (М. Терк.) «Вас ждет Николаева. Во дворе в саду».

2. Числительное-предложение

(Категория членного предложения)

Грамматическим центром числительного-предложения (или членного предложения) выступает имя числительное количественное: *бир* «один», *эки* «два», *үч* «три» и т. д.

Форма предложения с грамматическим центром, выраженным количественным числительным, передает семантико-понятийное содержание о чистом количестве при последовательном, беспредметном счете или с имплицацией промежутка времени. Например: — *Он... jирме... одус... төртөн...* (Б. Ук.) «Десять... двадцать... тридцать... сорок...»; — *Бүгүн он сегис число туру ине!... — Он сегис.* (Л. Кок.) «Сегодня, оказывается, уже восемнадцатое число! — Восемнадцатое»; — *Башгайлы: бир, эки, үч...* (А. Ал.) «Начали: раз, два, три...»

Однако содержание числительного-предложения может выражать единичность или же, наоборот, множественность чего-либо (предметов, вещей и т. д., поддающихся исчислению), переданное семантикой отдельного количественного числительного. Например: — *Канча отара кой артты? — Он.* (А. Ал.) «— Сколько отар овец осталось? — Десять».

Грамматическим центром числительного-предложения может выступать также и собирательное числительное в одиночном употреблении. Например: *...Бу слердиң балдараар канчу? — Төртү* (Б. Ук.) «...Сколько же детей у вас? — Четверо».

3. Местоимение-предложение

(Категория одночленного предложения)

Грамматическим центром одночленного предложения выступает местоимение личное: *мен* «я» (*бис* «мы»), *сен* «ты» (*слер* «вы»), *ол* «он», «она», «оно» (*олор* «они»).

Одночленные предложения, грамматическим центром которого выступает личное местоимение 1-го лица *мен* «я» (*бис* «мы»), передают сообщение об источнике речи, или, иначе, — заявление говорящего (т. е. человека) о самом себе. Например: — *Батыров Сарлай! — Мен...* (Б. Ук.) «— Батыров Сарлай! — Я...»; — *Нина!.. Бу сен бе? Чын эмеш пе? — Мен!* (Б. Ук.) «— Нина!.. Ты ли это? В самом деле? — Я!».

Одночленные предложения, грамматическим центром которых выступают местоимения 2-го лица *сен* «ты», *слер* «вы», передают сообщения о выделении субъекта-слушателя (собеседника); говорящий выделяет его своей живой прямой речью из внешней ситуации, окружающего пространства. Например: — *Сен... Сен... Сен... Эртен мени йредериг, эртен...* (Ј. Кашч.) «— Ты... Ты... Ты... Завтра будешь меня учить, завтра»; — *Слер буру-лу-у-у-у! Слер, слер!..* (И. Коч.) «Вы виноваты-ы-ы-ы!.. Вы, вы!..»

Местоимения *ол* «он», *олор* «они» также выступают как грамматический центр одночленного предложения. При этом слова *ол*, *олор* выполняют и назывательную, и выделительную, и указательную фукции в отношении предмета, вещи, явления и т. д., находящегося в поле зрения (или же существующего вообще). Например. *Ол. Ол ташка коштой кӧрзӧг!* (М. Терк.) «Вон. Смотри рядом с тем камнем!»; *Ол... Ол темир ине...* (Ј. Кашч.) «Он... Он же железный...» (о тракторе); *...Анкушгын ээзи бар, ол государство. — Ээзи кем? — Бис* (А. Ер.) «...У птиц и зверей есть хозяин, это — государство. — Хозяин кто? — Мы»; *Багырда јангыс бир эп јок неме бар: јаш да, јаш та кижини «сен» деп айдар.* (Э. Палк.) «У Багыра есть одна неприличная привычка: и к старому, и к малому обращаться на «ты».

ГЛАВА V

КАТЕГОРИЯ ИМЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

1. Грамматические объекты-предложения

В категорию грамматических объектов-предложений включаются сообщения об отдельном объекте, предмете (или же явлении) в том или ином состоянии (или отношении к чему-то). В языковом обозначении и выражении явление внешнего мира в отношении к чему-то другому всегда дифференцируется значением падежных аффиксов. Каждый падежный аффикс функционально специализирован, т. е. семантизирован однозначно. Поэтому имя существительное, обозначающее тот или иной тип грамматического объекта, предмета и т. п., употребляется с определенным аффиксом падежа, посредством которого конкретизируется и актуализируется положение, назначение, состояние и т. п. отдельного предмета в конкретном сообщении, т. е. в форме грамматического объекта-предложения [79].

Грамматическим объектом-предложением имя существительное выступает в форме:

1) притяжательного (родительного) падежа. Например: — *Кемнин бригадазы? — Сельбековтын* (И. Коч.) «— Чья бригада? — Сельбекова»; *Кайдан алдын? — Бойымнын...* (И. Коч.) «— Откуда взял? — Собственный...»;

2) дательного падежа. Например: — *А бу йўстўкти кемге алган, Іергелей?.. — Бир кижиге...* (Л. Кок.) «— А это кольцо кому купила, Дьергелей? — Одному человеку...»; — *Бу нени тартып алган? — Аарчы. Бригадаларга.* (И. Шиж.) «— Что это везешь? — Арчи. В бригады»; *Мен база кижи, оныи учун кижи чилеп йўрейин деп: Меге, меге...* (Б. Ук.) «— Я тоже человек, поэтому хочу поступать по-человечески: Мне, мне...»; — *Аржан, сен кайдаар барып јадын? — Школго* (И. Шиж.) «— Аржан, ты куда пошел? — В школу»;

3) винительного аффиксального. Например: *Атты сўўгем. Темир атты!* (П. Куч.) «Коня полюбил. Железного коня!» (т. е. автомобиль); — *Келей, сапогын сатсан. — Сопокты ба?* (И. Шиж.) «— Келей, продай сапоги. — Сапоги?»;

4) творительного (орудийного) падежа. Например: *Кӱрежер кӱӱним бар. Слерле...* (Л. Кок.) «Есть у меня желание побороться. С вами...»; — *Айса мени би-и-ик кӧдӱр. Адам чылап. Јаҥыс колло.* (J. Канич.) «— Или же подними меня вы-ы-соко. Как папа. Одной рукой»; — *Је бис неле кезерис? — А мынла? — Митяш карманынан томурак чыгарып сурады.* (И. Коч.) «— Но чем мы разрежем? — А этим? — Митяш из своего кармана вытащил перочинный ножик;

5) местного падежа. Например: — *Маша кайда? — Иште.* (А. Ад.) «— Где Маша? — На работе»; — *Петрович айылда ба? — Айылда.* (М. Терк.) «— Дома Петрович? — Дома».

Как показано на вышеприведенных примерах, грамматическим объектом-предложением имя существительное выступает в одиночном употреблении в форме родительного, дательного, винительного, творительного (орудийного), местного падежей.

2. Наименования-предложения

Особый класс (или подкласс) именных предложений составляют наименования-предложения. Наименования-предложения получили развитие в письменной речи алтайского языка. Этому способствует употребление специальных именных подклассов предложений в сфере наименований отдельных видов периодических изданий: газет, журналов, книг, а также заголовков газет, журнальных статей, наименований учреждений, организаций, магазинов и т. д.

Содержание наименования-предложения выражает определенную предметную мысль. Если мы читаем заглавие *«Алтайдын Чолмоны»* или *«Звезда Алтая»*, то эти надписи-наименования мы воспринимаем как законченные предложения. Поскольку надписи, наименования и т. д. даются определенному классу объектов и предметов природной или же общественно-исторической действительности (например, продуктам, результатам интеллектуального труда человека), значит, они выполняют функцию вторичного наименования явлений. Эти виды (типы) предложений должны быть сведены в самостоятельный тип эквивалентных наименований-предложений. По структуре наименования-предложения могут быть односложного строя или же сочетанием слов. Например: *Танго. Оның тымык ла токунаду мелодиязы уйкулу садтардың үстиле, оттордың, улустың үстиле јайылат* (Л. Кок.) «Танго. Его тихая и размеренная мелодия расстилалась над верхушками сонных садов, над огнями, над людьми»; *Бӱгӱн клубта кино бар: «Анна Каренина»* (Б. Ук.) «Сегодня в клубе есть кино: «Анна Каренина». Или

еще: *Орус-алтай сӧзлик* «Русско-алтайский словарь»; *Алтай тил* «Алтайский язык»; *Орус тил* «Русский язык»; *Алтай албатының чӧрчӧктӧри.* «Алтайские народные сказки». Эти наименования-предложения дают воспринимающему дифференцированную информацию.

Наименованиями-предложениями выступают названия художественных произведений — романов, повестей, поэм. Например: *«Арина», «Амаду», «Мундузак», «Туба», «Тоньукук»* и др.

3. Вокативные предложения

В алтайском языке (как в русском и других языках) функционируют типы предложений, названные акад. А. А. Шахматовым *«вокативными,* в которых главным и единственным членом является обращение, имя лица, к которому обращена речь, если это имя произнесено с особой интонацией, вызывающей сложное представление, в центре которого стоит данное лицо (разрядка наша — *Е. Ч.*); в этой мысли может быть выражен упрек, сожаление, укор, негодование» [147, 86].

Семантико-синтаксическая структура вокативного предложения строится на базе грамматической формы обращения-предложения, т. е. грамматическим центром вокативных предложений также является имя существительное со значением личного имени [отчества, фамилии (человека)], термином родства и т. д. Поэтому в живом общении содержание вокативных предложений всегда эмоционально насыщено, что достигается соответствующей структурой коммуникативной интонации (в письменной же речи фиксируется разрядкой то имя, личное или собственное, которое выступает как однословное вокативное предложение). Например: — *Ни-на-а! Се-ен кайда? Аза бердинг!* (М. Терк.) «— Ни-на-а! Ты-ы где? Не заблудись!»; *Бу ла ок ӧйдӧ кийин јанында таныш эмес кижиниг ӱни угулды: Маша...* (А. Ал.) «В это время сзади нее раздался незнакомый голос: Маша...». В последнем предложении интонация вокативного предложения умеренная, сниженная, поэтому на письме графически она акцентируется многоточием.

Содержание вокативного предложения с нейтральной нагрузкой интонации имеет коммуникативную направленность — только сообщить собеседнику (слушающему), к которому обращена речь (говорящего), о каком-либо явлении. Например: *А сен, сен сӱрекей јакшы кижи, Јолдош...* (А. Ад.) «А ты, ты очень хороший человек, Дьолдош...».

Содержание вокативного предложения может передаваться с интонацией изумления, радости, негодования, досады, т. е. с

оттенком положительной или отрицательной эмоции, экспрессии. Например: — *Ада! Бис нениҥ учун удаган уйуктаганы-быс? — айылга кирген бойынча, Адыјок тыҥ кыйгырып ийди.* (П. Куч.) «— Отец! Почему мы долго спали? — Вбежав в айил, громко спросил Адыйок»; — *Осип, Осип, сен кайда?* (Л. Кок.) «— Осип! Осип, ты где?»; — *Сениҥ адыҥ кем? — деп, ол уул нениҥ де учун ойто су алтай тилле сурады. — Мениҥ адым Сӱме. — Сӱме! — деп, ол кайкаганду айтты.* (М. Терк.) «—Как тебя зовут? — опять спросил тот парень на чисто алтайском языке. Меня зовут Сюме. — Сюме! — произнес он, словно удивляясь»; *Јок, Фирс Иванович, слердиҥ кӱӱнеерче болбос!* (Б. Ук.) «Нет, Фирс Иванович, не быть по-вашему».

В структурно-грамматическом единстве в центре с вокативом может стоять и междометие-предложение, отчленяясь от него запятой и занимая начало предложения. Например: *А-а-ай, энем, — деп, Коля сӱӱнгенине кӱлӱмзиренип ийди* (Э. Палк.) «— А-а-ай, мама! — сказав, Коля от радости заулыбался»; *Эй, уул, мен кандый кижи, билериҥ бе? — деп, Эпишке унчукты.* (К. Тӧлӧс.) «Эй, парень, я какой человек, знаешь? — спросил Эпишке»; — *Ээ, карындаш, керекти анайда этпейтен.* (М. Бед.) «— Ээ, братец, дела так не делают».

4. Олицетворение-предложение

Грамматическая форма обращения-предложения в письменной речи находит применение в специальном художественном контексте — в языке поэтических произведений. В контексте поэтической речи обращение направлено одностороние. Так как в поэзии (и в художественной прозе) поэты (и писатели) используют грамматическую форму обращения-предложения в целях художественного выражения своих внутренних чувств, переживаний и выражения эстетических импульсов, порожденных поэтическими размышлениями о различных сторонах окружающей их действительности (общественно-исторической или сугубо личной). В контексте поэтического произведения внимание поэта фиксируется на отдельном предмете, чаще всего неодушевленном, который избирает поэт в качестве «слушателя» и направляет в его адрес свои душевные излияния. Необходимо подобные семантико-синтаксические классы предложений квалифицировать грамматически как обращения-предложения. Иными словами, как поэтико-речевое явление, связанное с субъективным, внутренним, односторонним побуждением субъекта-поэта, а не как реальное языково-коммуникативное взаимоотношение между живыми участниками беседы,

разговора: непосредственного или же дистантного (через посредство письма, телефона и т. д.).

Грамматический центр олицетворения-предложения может быть выражен личным местоимением *сен* с обособленным приложением, именем существительным — одиночным или с поясняющим словом, а также и другими возможными, характеризующими его свойство, словами. Например: *Зоопарктар! Слерди кем сананып тапкан?* (П. Сам.) «Зоопарки! Кто вас выдумал?..»; *Алтын кӱс, сен кеен!* (Б. Сурк.) «Золотая осень, ты прекрасна!» *Јай... сен кандый јакшы* (Э. Палк.) «Лето... ты какое хорошее».

В грамматической структуре олицетворения-предложения может находиться междометие-предложение, вносящее определенный эмоциональный оттенок в общее содержание данного синтаксического единства, конкретного олицетворения-предложения. Например: *Эх, коронду, коронду сен, кара јол!* (К. Тӧлӧс.) «— Эх, горька, горька ты, черная (трудная) дорога!» *Э-э тӧрӧл Алтайым, сен кӧп ый кӧргӧҥ, сен кӧп комудал уккаҥ.* (П. Куч.) «Э-э родной Алтай, ты много слез видел, ты много жалоб слышал»; *Э-э-эй! Телекей! Кӱреелей!* (Ш. Шат.) «Э-э-эй! Мир! Вокруг!»

Именной центр олицетворения-предложения может принимать форму дательного субъекта с конкретизацией исходной формой другого имени существительного, находящегося в конце и отчлененного запятой от предшествующего олицетворения-предложения. Например: *Телекейде улустыҥ амадузы сеге уулалган, Москва* (И. Шинж.) «Мечтания людей на земле к тебе направлены, Москва»; *Алкыш болзын сеге, Москва!* (П. Сам.) «Благодарность тебе, Москва!»; *Јакшы ба, кӱн Алтай!* (С. Ман.) «Здравствуй, солнечный Алтай!»

5. Предложения «именительного представления»

Категорию предложения «именительного представления» нельзя отнести к собственно грамматическим явлениям языка. Это категория письменной формы речи, т. е. текста. Но поскольку она есть и действует в структуре художественного текста, письменной монологической речи, возникает необходимость зафиксировать эту своеобразную синтаксико-стилистическую единицу и попытаться дать ей некоторое освещение. В художественной речи, прозаической и поэтической, «именительный представления» используется в тех случаях, когда пишущий, думающий, воспринимающий основную причину своего настроения,

своих разбуженных чувств, воспоминаний связывает или соотносит с объектом реальной действительности, с определенным предметом, субъектом, с отдельной личностью или же со своими мыслями или размышлениями о различных явлениях или сторонах общественно-исторической действительности. Эта категория предложений используется в письменной речи, а в ней она появилась на основе речи внутренней (каждого пишущего, думающего).

Поэтому категория «именительный представления» может охватывать мысль о конкретных объектах или же об отдельных личностях и т. д., с которым повествователь — герой произведения — сталкивается, общается в повседневной общественно-практической деятельности в художественном контексте изображения. Так, в следующих примерах отмечаются внешние объекты или же явления общественно-исторической действительности, которые полностью захватывают внимание героя произведения в процессе размышления, обдумывания... Например: *Солдаттар, солдаттар...* (Л. Кок.) «Солдаты, солдаты...»; *Төрөл город... Тууларга кыстадып койгон кичинек город...* (Л. Кок.) «Родной город... Зажатый горами маленький город...»;

Содержанием предложения категории «именительного представления» могут быть не только общие понятия, представления о мире в целом, а объектом индивидуального внимания писателя бывают и отдельные явлении окружающей его действительности. Например: *Кайран кару Алтайым! Кандый јараш ол болор!* (С. Ман.) «Дорогой мой Алтай! Каким он будет красивым»; *Јол... Јол...* (А. Ад.) «Дорога... Дорога...»

Иногда содержанием рассматриваемых категорий предложений являются более отвлеченные категории, например, атрибуты материального (физического): время, пространство. Например: *О ӧйлӧр! ӧйлӧр!* (Б. Ук.) «О время!.. время!..» (дословно: О времена!.. времена!).

6. Предложения «именительного темы»

Грамматическим центром предложения «именительный темы» бывают классы имен существительных: вещественные и абстрактные, неодушевленные и одушевленные и т. д. Форма предложения «именительный темы» чаще всего используется писателями в речевой характеристике, в высказываниях героев произведения о различных явлениях, событиях, с которыми они сталкиваются в изображаемой писателем художественной действительности. Например: *Үредӱчи. Арана бу сӧсти удаган укпаган* (С. Ман.) «Учитель. Арана это слово давно не слыша-

ла»; *Шура... Ол нени айткай не?* (Л. Кок.) «Шура... Что же скажет она?»; *— Талай!... Онон бис экӱ ле...* (Л. Кок.) «— Море!... И только мы вдвоем...»; *Ол тушта Чамага удура база кем неме айтсын. Бала-барка. Карган-тижен.* (А. Ад.) «В то время кто мог против Чама что-либо сказать. Мелюзга. Старики».

В произведениях художественной литературы предложения «именительный темы» выступают как центральное звено, являющееся основой индивидуальных раздумий, переживаний или же желаний героев при художественном описании различных ситуаций, событий в их жизни. Например: *...Јангыс ла арба болзын. Арба...* (Ј. Каинч.) «...Лишь бы ячмень был. Ячмень...»; *Чылбыр... Олор экӱнин ортозынан суу ӧдӧ акпас нӧкӧрлӧр болгон* (Ј. Каинч.) «Чылбыр... Они были неразлучными друзьями»; *— Сестра, сенин јерин кайда? — Алтайда... — Алтай... А ол кайда эди, кӧӧркий? — ...Алтай Сибирский крайда... — Сибирь... Је мен анда болбогом, билбезим.* (Б. Ук.) «— Сестра, где твоя родина? — На Алтае... — Алтай... А где это, милая? — ...Алтай находится в Сибири... — Сибирь... Но я там не был, не знаю».

7. Предложения внутренней речи

Категория внутренней речи встречается в языке художественных произведений современных алтайских писателей, главным образом в прозе крупного жанра — в языке романа, повести. Категория внутренней речи является приемом, используемым для освещения внутреннего мира героев через их индивидуализированную речь.

Грамматическим центром в предложении категории внутренней речи выступают местоимения *мен* «я» и *сен* «ты» в обязательном коммуникативном контексте, т. е. в рамке повествовательного и вопросительного предложения. Например: *Мында ээ мен!* (Ј. Каинч.) «Здесь, да я!»; *Төрӧл јер...* «Родимый край...»; *А сен?.. Је неге јеттин, нени эттин?..* (Ј. Каинч.) «А ты?.. Но чего достиг, что сделал?»

ГЛАВА VI

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Односоставные предложения в первой «Грамматике алтайского языка» совсем не упоминаются. На некоторые разновидности односоставных предложений указывает алтайский языковед Т. М. Тощакова в «Грамматике ойротского языка» [131, 51]. В алтайском языке она отмечает обращение, назывные предложения, безличные предложения.

Другой исследователь алтайского языка, Н. П. Дыренкова, в своей «Грамматике ойротского языка» [57, 229] выделяет предложение, состоящее из одного основного члена, а именно сказуемого: *кел* «прийти», а также безличные предложения, как, например, *Карачкылаит* «Темнеет» (последние даются в примечании). Таким образом, в вышеотмеченных грамматиках алтайского языка об односоставных предложениях только упоминается, но они не получили системного описания и классификации.

Известно, что в общей тюркологии правомерность категории односоставных предложений в грамматическом строе тюркских языков некоторыми учеными-тюркологами оспаривалась, в частности категория безличных предложений [56, 18]. Только со второй четверти XX в. наблюдается интенсивное изучение кардинальных вопросов синтаксиса тюркских языков, в том числе описание и классификация грамматических типов односоставных предложений. В настоящее время общепризнано, что односоставные предложения — это семантико-синтаксический тип в системе простого предложения в тюркских языках.

В современных научных разработках, посвященных изучению особенностей грамматической структуры односоставных предложений, в классификации их типов на материале конкретных тюркских языков возникли также разные (неодинаковые) суждения в отношении некоторых категорий односоставных предложений, таких, как безличные, определенно-личные и т. д. Так, азербайджанские, хакасские ученые не признают

грамматической самостоятельности категорий определенно-личных предложений, а рассматривают их как бесподлежащные предложения; татарские исследователи к определенно-личным предложениям относят разнокатегориальные единицы языка, т. е. система данных категорий предложений показана значительно шире.

Однако причина разноречивости, наблюдаемой в толковании данных категорий предложений на материале разных тюркских языков, оправдывается и объясняется многосложностью природы (самих) языковых единиц, объединенных в категорию «односоставных предложений». И многие аспекты данной категории предложений ждут своего решения.

В алтайском языке односоставным называется такое предложение, в котором глагол (прошедшего, настоящего, будущего времени изъявительного наклонения) или имя существительное (в именительном падеже) является грамматическим ядром (или центром) предложения. Грамматическое ядро такого односоставного (глагольного или именного) предложения, выступая одиночно, акцентрирует тем самым языково-грамматический тип односоставного предложения. Например: *Карангуйлайт* «Темнеет» — безличное предложение; — *Слер Иван Филипычты билереер бе? — Билерим — деп, Јамануул айтты. — Јаҥы ла коридордо танышканыс* (Л. Кок.) «— Вы Ивана Филипповича знаете? — Знаю, — сказал Дьмануул. — Только что в коридоре познакомились».

Однако грамматическая форма такого предложения может наполняться другими самостоятельными единицами языка, присутствие которых в рамках единого предложения не оказывает прямого воздействия на коренное преобразование данного категориального (глагольного, именного и т. п.) типа предложения. Точнее говоря, внутри односоставного предложения, например, определенно-личного, могут находиться различные грамматические типы объекта-дополнения (дательного, винительного и т. д.), обстоятельства (места, времени и т. д.), определения (обстоятельства образа действия при определяемом глагольном сказуемом, при объекте-дополнении). Например: *Бу керекти билерим... Оныҥ учун ӧнӧтийин келдим* (П. Куч.) «Это дело знаю... Поэтому нарочно (я) и пришел...»

Односоставные глагольные предложения имеют следующие лексико-грамматические формы (типы): 1) безличные предложения, 2) неопределенно-личные предложения, 3) определенно-личные предложения, 4) обобщенно-личные предложения.

I. Односоставные глагольные предложения

А. Безличные предложения

В известных грамматиках алтайского языка первое упоминание о безличных предложениях, как мы уже указывали, встречается в «Грамматике ойротского языка» Н. П. Дыренковой. Позиция Т. М. Тощаковой и Н. П. Дыренковой в этом вопросе ясно показывает, что они, исходя из фактического материала алтайского языка, признают правомерность грамматической категории безличного предложения наряду с другими типами (односоставных) предложений в противовес доминировавшему в тюркологии определенное время ошибочному мнению, согласно которому отдельные ученые настаивали на отсутствии и не характерности безличного предложения для тюркских языков вообще [56, 18].

Такой взгляд на категорию безличных предложений, видимо, объяснялся недостаточной изученностью их языковой сущности, грамматической структуры и специфики в тюркских языках, а также объективной сложностью этого языкового (лингвистического) явления.

Из существующих тюркологических исследований в области категории безличного предложения наибольшее внимание до настоящего времени привлекают выводы А. Казем-Бека: лингвистические наблюдения и сопоставления фактов турецкого языка с аналогичными фактами в русском языке позволили ему прийти к мысли, что в турецком языке нет собственно безличных глаголов, а имеются глаголы одноличные, употребляющиеся исключительно в 3-м лице [65, 306].

В современных тюркологических работах бытует мнение об отрицательном влиянии этих выводов А. Казем-Бека на последующее изучение безличных предложений в тюркских языках. На наш взгляд, это мнение необосновано.

Мысль об одноличных глаголах впервые высказал в 30-х годах XIX в. русский грамматист Н. Греч, исходя из данных живого материала русского языка [49, 261]. Но это замечание Н. Греча не оказало сколько-нибудь отрицательного влияния на общее развитие учения о категории безличного предложения в грамматическом строе русского языка.

Выводы А. Казем-Бека были поддержаны советским востоковедом А. Н. Кононовым. В своих первых работах, посвященных турецкому и узбекскому языкам, акад. А. Н. Кононов отстаивает тезис, что в тюркских языках необходимо говорить

об одноличных предложениях (72, 247). Но предпринятая им попытка раскрыть специфику категории одноличности на материале турецкого и узбекского языков была решена ученым только в общих чертах.

Монографические исследования, посвященные категории безличного предложения, открывают новый период в истории тюркологии. Центральной проблемой изучения становится выяснение природы безличного предложения в конкретных тюркских языках. Делается попытка установить языково-грамматические типы безличных предложений в количественном выражении. Так, в хакасском языке выделяется 12 типов безличных предложений [56], в казахском — 12 [85], в киргизском — 9 [53], в якутском — 19 [100] и т. д. В этих работах безличные предложения рассматриваются в аспектах формально-грамматического построения их, а также затрагиваются особенности семантического содержания, но наблюдения показывают различие в количестве выявленных типов безличных предложений по конкретным языкам. Эти результаты также представляют определенную научную ценность. Что касается языковой сущности категории безличного предложения, то эта сторона проблемы пока остается неясной, ждет своего раскрытия.

Категория безличных предложений на материале алтайского языка не была предметом специального изучения. В этом разделе рассматриваются основные типы безличных предложений в алтайском языке. К таким предложениям относятся синтаксические построения, в которых грамматическое подлежащее не может подразумеваться по морфолого-синтаксической конструкции глагола, выступающего грамматическим центром безличного предложения.

Необходимо подчеркнуть, что это определение охватывает не все разновидности семантико-синтаксических типов безличных предложений, а только часть их. Структура безличных предложений в алтайском языке в большинстве случаев формируется из различных классов слов и, следовательно, представляет собой весьма неоднородное лексическое и лексико-грамматическое объединение, требующее к себе соответственно и более дифференцированного подхода при анализе элементов структуры каждого типа безличного предложения. Поэтому при более внимательном рассмотрении конкретно языкового материала выясняется, что грамматическая структура предложений, объединяемых общим термином «безличные предложения», нуждается в содержательной классификации. Справедливо, что термин «безличные предложения», как отмечают русские лингвисты, а вслед за ними и тюркологи, не совсем точен

и удачен. Он не раскрывает сущности обозначаемого явления и употребляется в языкознании условно — по традиции [56, 39]. Однако, не отказываясь от общепринятого термина «безличные предложения» и оставляя его в качестве заголовка отдельного раздела, автор при описании и классификации безличных предложений в алтайском языке в необходимых случаях использует отмеченный термин.

Безличные предложения в алтайском языке в зависимости от характера лексико-грамматического центра (главного члена) делятся на следующие основные структурно-грамматические формы предложения: 1) безличные глагольные предложения, 2) модально-безличные предложения, 3) безличные именные предложения*.

Безличные глагольные предложения

В безличном глагольном предложении грамматическим центром выступает глагол особого семантического содержания. Семантико-грамматическая конструкция глагола передает сообщение о действии природного явления, о динамическом процессе в атмосфере, о физическом состоянии человека и т. п.

Глагол, выступающий грамматическим центром (главным членом) безличного предложения, всегда имеет морфолого-синтаксическую форму только одного (3-го) лица. В этом заключается грамматическая особенность глагольного (грамматического) центра в безличном предложении.

Форма 3-го лица глагола (в отличие от 1-го и 2-го лица) обозначает действие, состояние как одушевленных, так и неодушевленных предметов. Такая функционально-семантическая емкость грамматической формы 3-го лица объясняется тем, что глагол в своей морфологической структуре не содержит показателя (аффикса), специфицирующего грамматически именно 3-е лицо. Грамматическим ядром безличных предложений в алтайском языке являются особые одноличные глаголы, вещественное содержание которых в системе трех грамматических лиц допускает употребление только в одном лице, т. е. в одной грамматической форме (спряжения и функции) глагола, а именно 3-го лица. Поэтому автономная форма глагола в 3-м лице представляет собой собственно грамматическую форму (языковую формулу) чисто глагольного предложения для передачи

---

* По нашему мнению, безличные предложения 2-го и 3-го разряда следует рассматривать в рамке теории семантической структуры повествовательного предложения.

того или иного типа движения, действия, процесса и т. п., протекающего обязательно в определенном грамматическом времени, но без лексико-грамматического указателя на источник, на производителя данного действия, процесса и т. д. Грамматический центр безличного предложения формируется, базируется на специальных глаголах, вещественное содержание которых выступает отдельным видом сообщения, самостоятельным семантико-грамматическим типом безличного глагольного предложения.

Все многообразные типы безличных предложений в алтайском языке различаются между собой по структуре семантического содержания глагольного ядра (главного члена). Точнее говоря, грамматическая форма (структура) безличных предложений категоризуется (типизируется) вещественным содержанием (лексическим значением) каждого типа глагола, морфолого-синтаксическая структура (конструкция) которого формирует отдельный грамматический тип безличного предложения.

По структуре безличные глагольные предложения с грамматическим центром, выраженным глаголом, могут быть односоставными. Например: *Салкындайт* «Дует» (о ветре); *Карангуйлайт* «Темнеет».

Односоставное безличное глагольное предложение может быть с расширенной структурой — с присутствием наречия направления и др. Например: *Тышкары салкындайт* «На дворе ветрит». Это односоставное безличное глагольное предложение с расширенной структурой. Исходная форма безличного предложения опиралась только на глагольную конструкцию синтетической формы *салкындайт*, включение же наречия направления *тышкары* «на дворе» расширило конструкцию исходного безличного глагольного предложения.

Грамматическая структура безличного чисто глагольного предложения *Салкындайт* изменяется за счет заполнения места подлежащего лексической единицей, однокоренной с глагольным центром данного безличного предложения, т. е. исходное безличное глагольное предложение в таком преобразовании выступает формально расчлененным, с наличием позиции подлежащего и сказуемого. Возьмем такой пример: *Салкын салкындайт* «Ветер дует» — это двучленное предложение. Субстанциональное значение слова *салкын*, выступающего в роли подлежащего, дублируется лексико-грамматической формой глагола в роли сказуемого данного двучленного предложения. Таким образом, по своей грамматической структуре безличное глагольное предложение может быть собственно односоставным, односоставным с расширением и двухчленным.

Безличные предложения с грамматическим центром, выраженным глаголом, по характеру содержания делятся на следующие самостоятельные семантико-грамматические типы предложений:

а) безличные предложения, содержание которых передает, выражает действие стихийной силы. Грамматическим центром этих видов безличных предложений выступают глаголы, лексическое значение которых передает содержание, касающееся сезонных или обычных проявлений действия природных сил. Например: *Шуурландайт* «Вьюжит» (явление, характерное для зимнего сезона); *Салкындайт* «Ветрит» (явление обычное, постоянное, не сезонное); *Ачык jерде салкындайт* «(Ветрит) дует на открытых местах» (проявление локализованное).

Содержанием этих безличных глагольных предложений удается передать только яркий динамический, переменный процесс, состояние всего многокомплексного проявления природных явлений. Как уже отмечалось, в алтайском языке содержание предложений, сообщающих о природных процессах, состояниях, может быть передано предложением формально двучленной структуры. Например: *Таң jарыйт* «Наступает рассвет». В этом предложении место подлежащего занимает имя существительное *таң* «рассвет», грамматико-лексическое значение которого обозначает часть (отрезок) суток, переходный между окончанием ночи и наступлением утра, а в более общем виде — временную субстанцию;

б) безличные предложения, содержание которых выражает состояние внешней среды. Грамматическим центром этих типов безличных предложений выступают глаголы, вещественное содержание которых передает сообщение об успокоении, умиротворении во внешней среде. Например: *Тымыды* «Стихло». В грамматической структуре такого предложения может находиться наречие места, направления. Например: *Тышкары тымыды* «На дворе стало тихо».

Содержанием указанных типов предложений, кроме того, может быть сообщение об изменении, перемене в состоянии атмосферных явлений, погоды. Например: *Айазады* «Прояснилось»; *Эңиргери айазады* «К вечеру прояснилось» (о погоде);

в) безличные предложения, содержание которых выражает осязаемые динамические воздействия внешней среды на человека, на его органы чувств. Например: *Үрдүрет* «Сквозит»; *Мында тың үрдүрет* «Здесь сильно сквозит». В этих безличных глагольных предложениях грамматическим центром выступает глагол, вещественное значение которого обозначает передачу сообщения о легком дуновении, колебании воздушного потока.

Структура этого типа безличного глагольного предложения может быть как чисто односоставной (грамматической), так может и расширяться, развертываться путем включения обстоятельства меры и степени (примеры см. выше);

г) безличные предложения, содержание которых выражает проявление природных процессов, физических состояний, не зависящих от воли человека. Грамматическим центром этих безличных предложений выступают глаголы, лексическое значение которых передает лихорадочное, рвотное ощущение, состояние субъекта (человека). Грамматический центр (главный член) может иметь при себе обстоятельство, чаще всего меры и степени, а также и другие. Например: *Сүрсөн калтырадып jат* «Очень трясет» (при лихорадке); *Коркушту кустурып jат* «Очень сильно рвет» (при тошноте);

д) безличные предложения, в которых передается сообщение о нечетком восприятии человеком чего-либо. Грамматическим центром в этих предложениях выступает глагол с переходным значением. В морфологической основе такого глагола обычно находятся аффиксы: *-дир...* — понудительного залога, *-ын...* — возвратного залога. Например: *Туманга jарт билдирбейт* «Из-за тумана отчетливо не просматривается»; *Jаашка jакшы көрүнбейт* «Из-за дождя хорошо (отчетливо) не видно»;

е) безличные предложения, передающие описание болевых и прочих физических ощущений человека, о которых сообщает сам субъект речи (говорящий). Например: *Бастыра эди-сөөгимди уужап салгандый* «Все тело болит, словно измято»; *Эдимесоок jайылат* «Мне холодно (дословно: Все тело мое морозит).

Семантико-синтаксическая структура подобных безличных предложений идиоматична, самобытна в каждом языке:

ж) безличные предложения, содержание которых выражает какое-либо психическое состояние, настроение человека. Грамматическим центром (главным членом) в таких предложениях выступает глагол, который в обычных (трудовых, производственных) условиях является выразителем, обозначением конкретного типа физического действия. Но, употребленный при описании какого-либо психического настроения человека, этот же глагол приобретает контекстуально новое функционально-семантическое содержание. Например: *Төрөл jериме тартып jат* «Тянет в родные места»;

з) безличные предложения, выражающие субъективное (мистическое) истолкование неочевидного явления. Например: *Ары jанынан билдирди* «Подсказано интуицией» [(дословно: «Подсказано с той стороны»; русский эквивалент: «Подсказано свыше» (религ.)].

В синтаксическом строе алтайского языка собственно безличных предложений немного. В проведенную выше классификацию вошли (включены) наиболее употребительные типы безличных глагольных предложений, которые связаны со спецификой грамматического материала алтайского языка.

Кроме рассмотренных грамматических типов безличных предложений, в которых структурно-грамматическим центром выступает полнозначный глагол простой формы в прошедшем, настоящем, будущем времени в изъявительном наклонении, в алтайском языке выделяются безличные предложения-конструкции, функциональным, т. е. семантико-информативным, центром которых выступают аналитические глагольные, причастные конструкции с необходимым синтаксическим окружением (т. е. заполнением мест второстепенных членов предложения).

Модально-безличные предложения (конструкции)

Модально-безличные предложения делятся на:

а) безличные предложения с грамматическим центром — глагол в настояще-будущем времени на *-ар-ер...* + слово *керек*. Структурно-синтаксическую основу данного типа безличных предложений (конструкций) составляет грамматический центр (главный член), образующийся из сочетания полнозначного глагола в форме настоящего-будущего времени на *-ар/ер...* со словом *керек* «нужный», «необходимый», «нужно», «необходимо». Подобный компонент в таком грамматическом центре, как слово *керек*, выражает собой значение категорической необходимости. Само же содержание действия заключено в вещественном значении глагола на *-ар/ер*.

Форма глагола на *-ар/-ер* не имеет ни аффикса лица, ни показателя числа. Действие, передаваемое глагольным центром на *-ар/-ер* этого безличного предложения, невозможно отнести и к 3-му лицу. Например: *Кыраны капшагай сӱрер керек* «Поле надо быстро пахать»; *Футболдон озо гимнастикага ӱренер керек.* (Л. Канч.) «До футбола надо заниматься гимнастикой»; *Аргадап билер керек.* (Л. Кок.) «Спасать надо уметь»; *Быжу кучындажар керек.* (Э. Палк.) «Надо спокойно поговорить».

Примеры показывают, что содержание действия, передаваемого в сообщении этой формой безличного предложения, отнесено не прямо к определенному грамматическому лицу (-действователю), а косвенно, опосредствованно, т. е. дано как общая рекомендация в соблюдении последовательности какого-либо вида деяния.

Глагол, выступающий как грамматический центр безличного предложения в сочетании со словом *керек*, может быть по составу, во-первых, простым. Например: *Чечектерди сугарар керек* «Цветы надо поливать»; *Кычыраачыларды залга кычырар керек* «Читателей надо пригласить в зал»; во-вторых, он может быть и сложным. Например: *Газетке бичидип алар керек* «Надо подписаться на газету»; ...*Капшай једип алар керек* (Л. Кок.) «Скорее надо дойти»; *Айылды јакшы јылулап алар керек* (И. Шод.) «Ал надо утеплить».

Таким образом, грамматический центр в безличном предложении, заключающий в себе действие, может быть выражен различными по составу глаголами (в наших примерах простые — *сугарар, кычырар;* сложные — *бичидип алар, јылулап алар).* Структура содержания действия, создающаяся отмеченными конструкциями глагола, не нарушается при завершении ее словом *керек,* посредством которого передается модальное значение — значение необходимости совершения определенного вида действия.

Негативная форма глагольного центра (главного члена) безличного предложения образуется путем присоединения к форме глагола на *-ар/-ер* аффикса отрицания *-ба/-бе* + слово *керек.* Например: *Кичинек балага серенке бербес керек* «Нужно ребенку не давать спичек»; *Јаш кижини ачындырбас керек* «Нужно пожилого человека не обижать»; *Оору кижиге чеберленер керек* «Нужно больному человеку беречься».

При глагольном (грамматическом) центре безличного предложения может стоять обстоятельство, иногда дополнение с тем или иным определением. Например: *Капшагай обоолоор керек!* «Надо скорее стоговать»; *Озо јадын-јўрўмниҥ ...аайына чыгып алар керек* (Э. Палк.) «Прежде надо разобраться в жизни...»

Наличие обстоятельства в предложении акцентрирует только характер действия глагольного центра или же содержание всего безличного предложения. В первом предложении обстоятельство образа действия *капшагай* прямо характеризует действие, переданное грамматическим центром, выраженным глаголом. Во втором предложении обстоятельство времени *озо* свое значение распространяет на содержание предложения в целом.

Имя, выступающее в роли дополнения, может иметь при себе определение, выраженное относительным прилагательным или причастным оборотом со своими компонентами. Например: *Алдындагы јўрўмди сананар керек* «Надо думать о будущей жизни»; *Јаҥы отургускан садты кичеер керек* «Надо ухаживать

за молодым садом». В этих предложениях прямые дополнения (*йўрўмди, садты*) раскрывают объектные действия, переданные глагольным грамматическим центром.

Содержание и характер действия глагольного центра конкретизируется не только обстоятельством времени, а также и аспектной формой вспомогательного глагола *бол-*, употребляющейся для выражения действия в прошедшем, настоящем и будущем времени. Например: *Бозуларга јылу кажаган тудар керек* «Надо построить теплый двор для телят»; *Критиканы сўўр керек.* (А. Ад.) «Критику надо принимать» (дословно: «любить»);

б) безличные предложения с грамматическим центром — глагол на *-арга* + слово *керек.* Грамматический центр (главный член) безличного предложения, образованный сочетанием глагольной формы на *-арга* со словом *керек*, подчеркивает необходимость совершения того или иного типа действия дательному субъекта (с точки зрения повествователя). Ср.: *Сеге ўренер керек* «Учиться тебе надо»; *Сеге ўренерге керек* «Тебе надо учиться».

В первом предложении выражено содержание, касающееся категорической необходимости совершения самого типа действия — *ўренер керек;* во-втором предложении передается содержание, говорящее об идее необходимости совершения (определенного типа) действия — *ўренерге керек.* В безличных предложениях этого типа для выражения отрицания употребляется глагол на *-арга* в отрицательной форме, т. е. в форме на *-бас-(ка)* в сочетании со словом *керек.* Например: *Айтпас(ка) керек* «Не надо говорить», или же в отрицательной форме вспомогательного глагола *бол-* (например: *Слерди тообоско болбос* «Вас невозможно не уважать»);

в) безличные предложения с грамматическим центром — глагол на *-арга* + вспомогательный глагол *јараар.* Структурно-синтаксическую основу этого типа безличных предложений (конструкций) составляет грамматический центр (главный член), который образуется из сочетания глагольной формы на *-арга* с вспомогательным глаголом *јараар* («подходить, нравиться») в его положительном (*јараар* «подойдет») и отрицательном (*јарабас* «не подойдет») аспектах.

Грамматическое своеобразие этого глагола заключается в том, что он полностью сохраняет свое лексическое значение в самостоятельном употреблении в функции глагола-сказуемого в двусоставном предложении (например: *Бу платье мсге јарап јат* «Это платье мне нравится») и приобретает способность вносить модальный оттенок («согласия, разрешения, позволения»

и т. д.) в сочетании с другими полнозначными глаголами на *-арга*. В силу этого глагол на *-арга* в сочетании с вспомогательным глаголом в функции грамматического центра безличных предложений выражает значение позволения, разрешения, допустимости совершения действия. При этом идея позволения, разрешения, допустимости (совершения того или иного действия) заключена в лексическом значении слова — глагола *jараар*, а само вещественное значение действия передается формой глагола на *-арга*. Например: *Эликги jайдын бäинде адарга jарабас* «В летнее время не разрешается стрелять оленя».

Синтаксическая конструкция, образованная из формы глагола на *-арга* в сочетании с глаголом *jараар* (в основе которого находится аффикс отрицания *-ба/-бе*), выражает значение недопустимости, запретности совершения определенного действия. Например: *Энгиргери уйуктаарга jарабас* «Спать перед закатом солнца нельзя»; *Jаан кижиле керчежерге jарабас* «Непозволительно пререкаться со старшим по возрасту»; *Мында тын куучындажарга jарабас* «Здесь громко разговаривать нельзя».

Рассматриваемый тип грамматического центра (главного члена) безличных предложений, формирующийся из сочетания глагольной формы на *-арга* с модальным глаголом *jараар*, передает сообщение о возможности совершения определенного вида действия. Значение возможности/невозможности реализации темы, идеи действия в содержании безличного предложения обозначается соответствующей аспектной формой вспомогательного глагола *бол-* (т. е. дается в положительном или отрицательном значении). Например: *Бистин инженерге кӱндӱлӱ грамота берерге jараар болор* «Наш инженер заслуживает награждения почетной грамотой»; *Эмди меге изӱ аш та ичерге jарабас болды* «Сейчас мне (стало) невозможно есть горячую пищу».

г) безличные предложения с грамматическим центром — глагол на *-арга* + вспомогательный глагол *келижер*. Структурно-синтаксическую основу этого типа безличных предложений составляет грамматический центр, образующийся из сочетания глагольной формы на *-арга* с модальным глаголом *келижер* «подходит, придется, неминуемо»; этот глагол может употребляться в положительной или отрицательной формах.

Безличные предложения, грамматический центр которых возникает из сочетания полнозначного глагола на *-арга* с вспомогательным глаголом *келижер*, служат для выражения значения неизбежности совершения действия. При этом идея неизбежности совершения того или иного действия сосредоточена

в отрицательном аспекте морфологической формы глагола *келижер*, само же вещественное (материальное) значение типа действия передается другим глаголом в форме на *-арга*, располагающегося в препозиции к модальному глаголу. Например: *Бӱгӱн олорго, байла, чӧлдӧ конорго келижер.* (Л. Кок.) «Сегодня им, наверно, придется заночевать в степи»; *Экинчи бригаданы кӱч јерге ийерге келижер* «Вторую бригаду придется послать на трудный участок».

Сочетание глагола формы на *-арга* с вспомогательным глаголом *бол-* «быть»; «стать, становиться» может придавать сообщению модальный оттенок предположительности в намечаемом к совершению действии, поступке. Например: *Районго барарга келижер болор* «Придется, наверно, съездить в районный центр»; *Бу субботто айылга барып келерге келишпес болор* «Наверно, в эту субботу съездить домой не придется».

Безличные именные предложения

В алтайском языке в безличном именном предложении в качестве грамматического центра выступают имена существительные в именительном или дательном и т. п. падежах в сочетании со словом *керек*:

а) содержание предложения, грамматическим центром которого является имя существительное в именительном падеже в сочетании со словом *керек*, выражает актуальную необходимость в определенном (отдельном) предмете, объекте, общественном явлении и т. д., идея необходимости, нужды в котором конкретизируется лексико-семантическим значением слова *керек*. Например: *Аш керек* «Хлеб нужен»; *Физик керек* «Физик нужен»; *Секретарь керек* «Секретарь нужен». В таких предложениях акцентируется потребность в названной, эксплицированной категории предметов, общественных явлений;

б) дательный падеж субъекта в качестве грамматического центра именного безличного предложения является конкретным показателем адресования (куда-то), нужды (в чем-то). Например: *Кижиге јӱзӱн-башка курсак керек* (Аб) «Человеку нужна разнообразная пища»; *Јаш ӧлӧҥгӧ јааш керек, јаш балага эрке сӧс керек* «Молодому растению нужен дождь, маленькому ребенку нужна ласка» (пословица).

В конкретно речевом общении центр заявления, направления (куда-то), нужды, потребности (кого-то в чем-то) передается отдельной формулой предложения с косвенным падежом субъекта-лица. Например: *Шоферлор биске керек — деп, Александр Никонович айтты.* (Л. Кок.) «Шоферы нам нужны, — сказал

Александр Никонович»; *Биске качы керек.* (Л. Кок.) «Нам нужен учитель»; *Албатының чӱмдӱ ооc творчествозы биске сӱрекей керектӱ* (М. Терк.) «Нам очень нужно устное народное творчество».

Б. Неопределенно-личные предложения

Неопределенно-личными называются такие предложения, грамматический центр которых базируется на глагольной конструкции в форме 3-го лица. Эта форма глагола, выступая грамматическим центром неопределенно-личного предложения, может стоять в единственном и во множественном числе, в прошедшем, настоящем, будущем времени изъявительного наклонения. Например: *Заводты капшагай шитедерге јат.* (К. Тӧлӧс.) «Хотят быстрее пустить завод в эксплуатацию»; *Клубта лекция кычырарлар* «В клубе прочитают лекцию»; *Мени јуунга алдырткандар* «Меня вызвали на собрание».

Как показывают данные примеры, неопределенно-личное предложение передает сообщение о действии (в настоящем, прошедшем, будущем времени), производитель которого не обозначен, не определен.

Неопределенно-личное предложение занимает важное место в ряду односоставных глагольных предложений и представляет собой специальную семантико-синтаксическую конструкцию предложения. Раскрытие своеобразия и специфики семантико-синтаксической формы и фукции неопределенно-личного предложения отвечает как научно-практической, так и теоретической потребности при школьном и вузовском преподавании алтайского синтаксиса.

Грамматической конструкцией неопределенно-личного предложения передается содержание действия, которое производит какое-либо лицо или несколько (группа) лиц, чьи имена не называются вследствие их неопределенности. Кроме того, неопределенно-личные предложения используются и тогда, когда важно указать только на то, что действие кем-то (или чем-то) производится, совершается, но не имя производителя действия, то есть подчеркивается сам факт действия.

Поэтому грамматический центр такого типа предложения всегда выражается глагольным комплексом 3-го лица (ед. и мн. числа, изъявительного наклонения), потому что 3-е лицо по сравнению с 1-м и 2-м лицом глагола обладает большим объемом обобщенности в алтайском языке (как и в других тюркских языках). Только поэтому семантико-синтаксическая конструкция формы 3-го лица глагола приобретает способность

выступать как вещественное ядро, грамматический центр в структуре неопределенно-личного предложения.

При этом неопределенность лица деятеля в неопределенно-личном предложении может быть обусловлена разными причинами. В одних случаях значение неопределенности лица зависит от характера общего содержания сообщения. Например: *Сени Ойрот-Гурада, Барнаулда да билип јадылар.* (П. Куч.) «Тебя знают в Ойрот-Туре и даже в Барнауле»; *Јаманууллга јаңы квартира бердилер* (Л. Кок.) «Дьаманууллу дали новую квартиру»; *Оныҥ учун ол баланы Табыш деп адагандар* (И. Шод.) «Поэтому (тому) ребенку дали имя Табыш».

В этих неопределенно-личных предложениях важным является содержание определенного вида действия и тех грамматических явлений (дополнения, обстоятельства и т. д.), которые включаются в сферу данного действия. Грамматический центр — глагольный комплекс — осложнен пояснительными словами, а что касается действующего лица, то оно остается словесно не обозначенным во всех этих предложениях. Однако контекст (или ситуация) также в общем плане указывает место, время, обстоятельства действия-события, в то же время не выделяя, не индивидуализируя самих производителей действия. Другие примеры: *Эркелейди былтыр колхозный курска ибгендер.* (П. Куч.) «Эркелея в прошлом году направили на колхозные курсы»; *Баштапкы суракты узак шўўштилер.* (Л. Кок.) «Первый вопрос обсуждали долго»; *Комсомолдыҥ јуунында оны комсомолго алдылар.* (Ч. Чуниж.) «На комсомольском собрании его приняли в комсомол»; *Городко орой энирде јеттилер* (Л. Кок.) «До города добрались поздно вечером».

Из содержания каждого приведенного выше примера выясняется, что субъектом (производителем) действия выступают или отдельный коллектив (колхоз) или организация (комсомол), или же группа людей (собрание).

Структурно-грамматическая форма неопределенно-личного предложения используется в алтайском языке как в устной, так и в письменной форме речи в тех случаях, когда необходимо сконцентрировать внимание слушателей на характере содержания вещественного действия, исходя из внутреннего контекста предложения.

Форма неопределенно-личного предложения может быть использована еще в следующих типичных случаях.

✓Например: а) когда акцентируется сам факт действия (каких-либо лиц), а имена последних не называются. Например: *Совхозко болужарга јөпсингендер* «Дали согласие помочь совхозу»; *Сенилеҥ куучындажарга келгендер* «Пришли поговорить

с тобой»; *Оны Борис Терентьевич деп адагылайт* (М. Терк.) «Его зовут Борисом Терентьевичем»;

б) когда нет большой необходимости в конкретном указании на отдельное действующее лицо вследствие обычности определенного вида действия (или отношения) для данного национального коллектива людей. Например: *Алтай албатыда суу сураган кижиге чеген сузуп беретендер* «У алтайцев просящему напиться воды наливают чегень» (квашеное молоко);

в) когда требуется выразить убежденность, уверенность в поступке, оценке других людей. Например: *Адымды ундыбастар* «Имя мое не забудут»; *Оскӱсти ачындырбастар* «Сироту не обидят».

Особо можно отметить, что в алтайском языке акцент на многократность повторения содержания какого-либо сообщения в отношении тех или иных динамических сторон в явлениях действительности передается синтаксической конструкцией, построенной на основе глагола *де-* «говорить» (с показателем совместности на *-ш* или многократности на *-гыла...*). При этом предложение-сообщение находится в препозиции данного глагольного комплекса, формируя с последним внутрение неоднородную синтаксическую конструкцию. Например: *Төмӧн айылдардан база кемдер де келген дежет.* (Л. Кок.) «Из домов нижней стороны тоже пришли, говорят»; *Јуун божогон дежет.* (Л. Кок.) «Собрание окончилось, говорят».

Форма деепричастия на *-п(де + п)* от глагола *де-* употребляется при передаче содержания сообщения о том или ином типе действия (производителем которого выступает человеческий коллектив, обязательно связанный с описываемыми событиями), входя в состав простого предложения и эксплицируя собой присутствие повествователя. Приведем несколько примеров из алтайского фольклора: *Баланыҥ адын Кӧрӧгӧш деп адагылаган* «Ребенку дали имя Корогош»; *Эјен-Боодонныҥ угузузын Калданга јетирдилер* «Ответ Эјен-Боодона сообщили Калдану» (ААЧС); *Шибеениҥ эки учына бууддый таш чоктылар* (ААЧС) «По обеим сторонам укрепления навалили кучу (как стог) камней».

Таким образом, своеобразие семантико-грамматической структуры неопределенно-личного предложения заключается в том, что при неопределенности производителя действия результат и обстоятельство совершения отдельного типа действия даны в рамке конкретно данного предложения.

В. Определенно-личные предложения

Определенно-личными называются такие предложения, грамматическое ядро (центр) которых образуется глагольной конструкцией с соответствующим показателем грамматического лица, числа и наклонения (изъявительного и т. д.).

Односоставность определенно-личного предложения создается грамматической конструкцией глагола в качестве единственного центра в нем. Поэтому определенно-личное предложение с грамматическим ядром в форме глагола изъявительного наклонения передает сообщение о том или ином типе действия, процесса, состояния в прошедшем, настоящем, будущем времени. Однако наличие второстепенных членов в нем преобразует глагольное (грамматическое) ядро определенно-личного предложения в глагольный грамматический центр, т. е. глагольный центр может иметь при себе обстоятельство образа действия, дополнение и т. д.

Структурно-грамматические разновидности определенно-личного предложения разграничиваются соответственно показателю (синтаксического) лица в морфологической форме глагола — грамматического ядра — 1-го, 2-го, 3-го лица единственного и множественного числа.

Определенно-личные предложения в алтайском языке выступают в следующих разновидностях.

Первый вид — это определенно-личное предложение с грамматическим ядром в форме глагола с аффиксом 1-го лица (ед. и мн. числа). Например: — *Келбезим...* — *деп, Јамануул кыҥыранды.* (Л. Кок.) «— Не приду... — пробурчал Дьамануул»; *Јаба једип болбой калдым.* (J. Каинч.) «Не смог нагнать»; — *Је, бараак!* (Л. Кок.) «Ну, пошли!»

В определенно-личных предложениях, грамматическим ядром которых выступает самостоятельная форма глагола, передается сообщение о том или ином типе действия, которое исходит от 1-го лица единственного и множественного числа (т. е. от говорящего лица, речевого деятеля). В рамке такого предложения могут находиться второстепенные члены предложения: дополнения, обстоятельства времени, места и т. д.: *Ол кыраны эҥ ле озо ӱрендегенис.* (А. Ад.) «(Мы) то поле раньше других засеяли»; *Бӱгӱн келериҥ бе? — Келерим. Је эмди меҥдеп турум* (А. Ад.) «Сегодня придешь? — Приду. Но сейчас тороплюсь»; *Бу кайттыҥ? — Кызылгатагам* (К. Тӧлӧс.) «Что случилось с тобой? — Я ходил за кислицей (красная смородина)».

Второй вид — это определенно-личные предложения с грамматическим центром в форме глагола с аффиксом 2-го лица

(ед. и мн. числа). В таких предложениях передается сообщение о том или ином типе действия, поступка, совершение которого связывается со 2-м лицом. Например: *Туркары кокурлабаганча jӱрбей jадын.* (П. Куч.) «Не обходишься без шутки»; *Чын. Колхозында иштеп jадын? Иштеп jадын.* (Б. Ук.) «Верно. В родном колхозе работаешь? Работаешь.»; *Тидинип болбозоор* (Б. Ук.) «Не осмелитесь».

Третий вид — это определенно-личные предложения с грамматическим центром в форме глагола с аффиксом 3-го лица единственного и множественного числа. В таких предложениях передается сообщение о том или ином типе действия, которое совершает 3-е лицо. Например: *Государство кӧп балдар учун болужат па? — Болужып jат...* (Л. Кок.) «А государство за многодетность помогает? — Помогает...», *Бир кезекке саканып отурды.* (П. Куч.) «На некоторое время (он) задумался»; *Чӧймӧшкӧ jаңы пальтоны кийе сокты... Чабдарды минип алды. Бурт ла эдип калды.* (J. Канич.) «Чеймешке надел новое пальто... Сел на игреневую лошадь... Умчался»; *Тогусовты алдыртканыс. Келбеген.* (А. Ад.) «Мы вызывали Тогусова. (Он) не пришел».

Кроме того, внутри группы определенно-личных предложений выделяется особая структурно-синтаксическая форма предложения с грамматическим ядром (центром) в форме глагола 2-го лица повелительного наклонения. В таком предложении передается повеление 2-му субъекту-лицу к совершению того или иного вида действия. Например: *Ӯрен. Бойынгын школынды ундыба.* (Л. Кок.) «Учись. Родную школу не забывай»; *Је, jӱгӱр!* (Л. Кок.) «Ну, беги!»; *Аттарга кӧп артынчак этпегер.* (Б. Ук.) «На лошадей много не навьючивайте»; *Је,... ӱредӱми баштайлы. Онногор бери jууктай отурыгар. Тӧс шӱӱлтелерди бичип алыгар...* (А. Ад.) «Ну,... начнем занятие. Все садитесь поближе. Главную мысль записывайте».

В определенно-личном предложении грамматический центр также может выражаться глаголом в форме повелительно-желательного наклонения. Такое предложение передает повеление 2-му лицу совершить определенный вид действия с оттенком вежливости, просьбы. Например: *Кайда, колдорын экелзен. Бу ак чаазынның ӱстине сал. Jурап кӧрӧк* (К. Тӧлӧс.) «Ну, вытяни руки. Положи на эту белую бумагу. Попытаемся рисовать»; *Је токтозон. Угуп турун ба?* (Э. Палк.) «Ну, хватит. Слышишь?»; *Бери келзеер.* (К. Тӧлӧс.) «Подойдите сюда».

Для выражения в сообщении категоричности, решительности и т. п. в поступке субъекта действия также употребляется данный грамматический тип предложения с дополнительной

опорой на эмоциональный оттенок в интонации. Например: *Кемеерден де коркыбазым.* (А. Ад.) «Никого не боюсь (из вас)»; *Залда отурган улус кичинек те табыш этпезин.* (А. Ад.) «Сидящие в зале пусть не шумят»; *...комнатадан чыксындар.* (А. Ад.) «... из комнаты пусть выйдут».

Таким образом, грамматической формой (или грамматико-лексической структурой) определенно-личного предложения осуществляется передача сообщения о том или ином типе материального действия (в прошедшем, настоящем, будущем времени изъявительного наклонения). Непосредственным реализатором, исполнителем последнего выступает определенное грамматическое лицо (1-е лицо — говорящий, 2-е лицо — слушающий, 3-е лицо — присутствующий или же отсутствующий и т. п.), т. е. грамматический субъект действия, синтаксически дифференцируется через отдельный аффикс лица в морфологической форме глагола (*-м* — 1-го лица, *-н* — 2-го лица, ∅ (нуль) — 3-го лица и т. д.) — грамматического ядра данного типа предложения.

Г. Обобщенно-личные предложения

Обобщенно-личными называются такие предложения, грамматический центр которых основывается на глагольной конструкции в форме 2-го лица единственного числа главным образом повелительного наклонения.

В обобщенно-личном предложении о действующем лице конкретно не говорится и передаваемое сообщение о семантическом содержании действия в таких предложениях в равной мере относится к любому, всякому лицу (или к группе лиц и т. д.). Наиболее типичной формой грамматического центра в обобщенно-личном предложении выступает конструкция глагола 2-го лица повелительного наклонения, обусловленная общепринятой речеязыковой — языково-грамматической — формой контакта участников речевой коммуникации (говорящего и слушающего).

Именно грамматическая конструкция глагола 2-го лица повелительного наклонения с имеющимся окружением второстепенных членов приобрела в алтайском языке свойство аккумулировать и передавать сообщение о действии в обобщенно-личном значении. Иными словами, это — форма предложения, семантико-грамматическое содержание которого не констатирует отдельный факт действия, а включает в себя поучительную ситуацию; применительно к данному речевому контексту эта конструкция используется как средство (или источник) позна-

вательного, художественного, эстетического воздействия на слушателя. Поэтому в обобщенно-личном предложении глагол (семантико-грамматический центр предложения) может находиться как в положительной, так и в отрицательной форме. Грамматические средства отрицания в морфологической форме глагола оказывают прямое влияние на нормативный аспект в семантической структуре содержания конкретного обобщенно-личного предложения. Например: *Кижини јамандаба, бойынды ајыктан* «Не осуждай другого (человека), на себя посмотри» (пословица); *Бурулуны мактаба, актуны каралаба* «Виноватого не оправдывай, на честного не наговаривай» (пословица); *Отло ойнобо* «Не шути с огнем» (пословица).

В этих обобщенно-личных предложениях как грамматический центр выступает глагол 2-го лица повелительного наклонения и с обязательным синтаксическим окружением — второстепенными членами: прямыми и косвенными дополнениями, но сам глагол стоит в отрицательной форме.

В рамке обобщенно-личного предложения наряду с грамматическим центром — с глаголом 2-го лица в единственном числе повелительного наклонения — может также находиться и деепричастный оборот. Например: *Атка минбей јадып, јоругын мактаба* «Прежде чем сесть на лошадь, не хвали ее бег» (пословица); *Ашты јибей јадып, амтанын айтпа* «Не отведав пищи, не говори о ее вкусе» (пословица).

В обобщенно-личном предложении грамматический центр может быть выражен также глаголом 2-го лица условного наклонения. Глагол бывает в положительной и отрицательной форме. Например: *Алтынды канча кире карартсаҥ, кара болбос* «Сколько золото ни черни, черным не станет» (пословица); *Балыктап болбос болзоҥ, суу чайбалтпа* «Если не умеешь ловить рыбу, не мути воду» (пословица).

Обобщенно-личное предложение с грамматическим центром в форме глагола 2-го лица единственного числа будущего времени в изъявительном наклонении передает сообщение об идее, касающейся определенного действия. При отрицательной форме глагола (грамматического центра) в сообщении акцентируется невозможность осуществления, исполнения того или иного вида действия без определенных условий, намерений для его реализации. Например: *Амаду јокко тӧргӧ дӧ јетпезиҥ* «Без цели и до переднего угла не дойдешь» (пословица); *Темирди изӱге тапта* «Куй железо, пока горячо» (пословица).

В обобщенно-личном предложении грамматическим центром является конструкция глагола чаще всего повелительного (скорее, побудительного содержания), условного, должен-

ствовательного наклонений с обязательным наличием второстепеных членов предложения: дополнения, обстоятельства. Таким образом, обобщенно-личное предложение характеризуется самостоятельной (грамматико-лексической) структурой и, следовательно, должно классифицироваться как полноценное. Особенностью содержания, которое передается этой семантико-грамматической формой предложения, являются не немедленные результаты прямого познания отдельных сторон явлений действительности, а только указание на возможные сложные ситуации, обстоятельства, необходимость преодоления или соблюдения которых исходит из общественно-исторического опыта, культурной традиции. Знание последних вытекает, в свою очередь, из семантического содержания конкретного обобщенно-личного предложения.

2. Двусоставные глагольные предложения

Собственно двусоставное предложение

Взаимоотношение подлежащего и глагольного сказуемого непереходного свойства образует структуру собственно двусоставного глагольного предложения. В собственно двусоставном предложении подлежащее и сказуемое образуют замкнутую структуру. В таком предложении подлежащее и сказуемое находятся в координационной (двусторонней) связи. Особенно это ярко проявляется при сказуемом, выраженном непереходным глагольным сказуемым. Например: *Күс келип јат.* (Л. Кок.) «Осень приближается»; *...Кар јаады* (J. Маск.) «...Выпал снег»; *Салкын тынтйт* (К. Кош.) «Ветер усиливается»; *Трактор јўре берди* (J. Канич.) «Трактор ушел».

Как показывают примеры, в собственно двусоставном предложении подлежащее выражает предмет мысли (*күс, кар, салкын, трактор*), а глагольное сказуемое выражает процессуальный или динамический признак подлежащего в определенном грамматическом времени: прошедшем, настоящем, будущем. То есть в собственно двусоставное глагольное предложение попадает структура только такого предложения, в котором ни форма подлежащего, ни форма (глагольного) сказуемого не обладают дополнительными информативными показателями, кроме того, что подлежащее — имя существительное в именительном падеже, сказуемое — простой глагол в прошедшем, настоящем, будущем времени изъявительного наклонения.

Таким образом, структура собственно двусоставного глагольного предложения образует замкнутое построение: подле-

жащее обозначает предмет мысли (в широком смысле), а сказуемое, выраженное непереходным глаголом, выражает признак подлежащего в определенном грамматическом времени. Иными словами, подлежащее предполагает сказуемое и, наоборот, сказуемое функционирует во взаимодействии только с подлежащим [105]. Однако структура двусоставного глагольного предложения подвержена изменению, развитию.

Появление соответствующих морфологических показателей в синтаксической форме подлежащего или глагольного сказуемого с непереходным значением обусловливает внутреннее (интенсиональное) развитие или усложнение компонентов структуры собственно двусоставного предложения: синтаксической формы подлежащего или же сказуемого. Ср.: *Кыстар каткырышты.* (А. Ад.) «Девушки засмеялись»; *Улус унчугушпады.* (Л. Кок.) «Люди молчали».

В первом предложении подлежащее *кыстар* выражено именем существительным в форме абстрактной множественности (*-тар*), во втором предложении — именем существительным со значением собирательной множественности *улус*. И форма глагольных сказуемых — *каткырышты, унчугушпады* — соответственным образом координируется с подлежащим посредством аффикса *-ш/ыш*, указывающего на оттенок интенсивного действия.

Аффиксы принадлежности в синтаксических формах подлежащих также конкретизируют отношение предметов, выраженных подлежащими, с тем или иным (внешним) субъектом-лицом. Например: *Таадам келген* «Мой дедушка пришел»; *Фонари күйүп jат* (Р. J.) «Фонарь его горит».

Как показывают данные примеры, структура собственно двусоставного предложения подвергается внешнему развитию. Кроме аффиксов принадлежности, важным преобразователем структуры двусоставного глагольного предложения выступает дополнение.

С включением третьего члена [110, 7; 157, 8] в структуру (собственно) двусоставного глагольного предложения образуется новая форма предложения — трехсоставное глагольное предложение (или двусоставное глагольное предложение с тем или иным типом дополнения и т. д.) [2].

Позицию третьего члена, кроме дополнения (прямого или косвенного), могут занимать определение, приложение, обстоятельство, т. е. члены предложения, традиционно называемые второстепенными. Второстепенные члены предложения внутри двусоставных (или односоставных) предложений обязательно бывают связаны с главными членами грамматически и по смыс-

лу (или с организующим главным членом предложения, или с содержанием предложения в целом). В структуре односоставного и двусоставного глагольного предложения они имеют самостоятельное функционально-семантическое, следовательно, информационное значение.

Перспектива структурно-грамматического изменения собственно двусоставного предложения вызывает необходимость дать научное описание и грамматико-содержательное объяснение особенностей типов двусоставного глагольного предложения с учетом наличия того или иного второстепенного члена предложения.

3. Трехсоставные глагольные предложения

Дополнение вообще имеет важное синтаксическое значение в составе двусоставного глагольного предложения. Как правило, появление дополнения в таком предложении обычно связывается со свойством глагольного сказуемого управлять тем или иным типом дополнения (или же вызывать к синтаксической связи тот или иной зависимый член предложения).

Дополнение как синтаксическая категория передает в предложении мысль об абстрагированном внешнем (реальном) объекте, название которого в глагольном предложении обозначается в форме прямого (или косвенного) дополнения (объекта-дополнения). И, следовательно, эти дополнения выражают характер воздействия на него (объект-дополнение) подлежащего (активного деятеля или носителя признака и т. д.) или, наоборот, обратное их воздействие на субъекта (предмета или подлежащего и т. п.). Например: *Јарат сууга ырылган* «Берег размыт водой (рекой)».

Двусоставные предложения с прямым дополнением

Прямое дополнение в структуру двусоставного предложения вводится посредством переходного действия глагольного сказуемого. Поэтому структура двусоставного предложения с прямым дополнением может быть рассмотрена с двух сторон: а) с точки зрения развития и б) с точки зрения расширения.

Значение интенсионального развития заложено в самом вещественном содержании глагольного сказуемого, а конкретнее — в свойстве переходности. Свойство переходности глагольного сказуемого выражает направленность действия деятеля-подлежащего вовне (за пределы чего-нибудь). Например: *Курачы јип салган ба?* (Л. Кок.) «Курачы съел?»; *Умсуур*

урды. (Э. Палк.) «Умсуур налила чаю»; *Эjеҥ мени көрбөгөн эмес.* (Э. Палк.) «Тетка твоя меня знает».

Как видим на примерах, благодаря свойству переходности глагольного сказуемого в предложении осуществляется взаимосвязь подлежащего с прямым объектом (или же дополнением) непосредственно *(Эjеҥ мени көрбөгөн эмес),* ориентированно *(Умсуур чай урды)* или же в сообщении актуализируется определенный тип действия-состояния *(jип салган ба?).*

Поскольку позиция прямого дополнения в глагольном предложении предопределяется свойством переходности глагола-сказуемого, конкретное содержание которого в свою очередь обусловливается характером взаимодействия подлежащего с прямым дополнением, в этом случае уместно говорить о структурном развитии двусоставного предложения третьего члена (прямого дополнения и т. п.); бесспорно, имеет место момент расширения его рамками предложения; при этом прямое дополнение является (как бы) вторым предметным центром предложения [143; 8; 3, 74]. Но несмотря на это, прямое дополнение в алтайском предложении невозможно квалифицировать как (третий) главный член предложения. Роль прямого дополнения в двусоставном (или односоставном) глагольном предложении специализирована.

Двусоставные предложения с прямым дополнением в нулевой форме

В тюркологии давно отмечено, что направленность действия глагола-сказуемого на прямое дополнение в предложении в тюркских языках реализируется двумя функциональными формами дополнения: безаффиксальной (неоформленной) и аффиксальной (оформленной).

Вопросу раскрытия причин бытования двух функциональных форм прямого дополнения при переходном глагольном сказуемом в предложении в тюркских языках было уделено не мало внимания учеными-тюркологами как в дореволюционный период, так и в советскую эпоху.

Авторы «Грамматики алтайского языка» отметили причину употребления «неоформленного прямого дополнения» в «способе представления» [45, 139]; тем самым они положили начало для дальнейшей творческой детализации в объяснении рассматриваемого тюркского языкового явления последующими поколениями тюркологов на материалах различных тюркских языков. Например, формулировку «личного взгляда говорящего или

пишущего» при объяснении этого явления мы встречаем в трудах П. М. Мелиоранского [90].

Иной характер объяснения в отношении причины употребления «неоформленного прямого дополнения» можно встретить в грамматических исследованиях современных ученых-тюркологов. Например, тюрколог Н. К. Дмитриев и авторы татарского синтаксиса указывают, что если «прямое дополнение выражает предмет, о котором упоминается впервые, оно обязательно находится рядом с господствующим членом и не принимает никакого аффикса» [55; 123, 130]. Ряд тюркологов причину употребления двух форм прямого дополнения видят в категории определенности /неопределенности [44, 285], определяющий языковое выражение прямого дополнения. Эти высказывания верные, но не исчерпывающие.

Первичная причина функционирования прямого дополнения без аффикса (т. е в *нулевой* форме) при переходном действии глагольного сказуемого коренится, надо полагать, в законах отражения (и отображения) явлений мира в языковом мышлении носителя конкретного тюркского языка. Это отмечалось и составителями первой «Грамматики алтайского языка», и было зафиксировано в формуле «способ представления» (45, 139).

В процессе общения носитель языка в своей мысли и речевой деятельности выделяет образ того или иного (реального) внешнего объекта, предмета, который в предложении с переходным глагольным сказуемым грамматикализуется нулевой формой прямого дополнения в винительном падеже. Свойство переходности действия глагольного сказуемого связывает этот внешний объект, предмет (объект-дополнение) с производителем действия (деятелем; подлежащим). Такое дополнение несет в себе словесное выражение понятия (идеи; темы) об отдельном названии (класса, рода и т. п.) объекта материального мира, предмета, явления, события, процесса.

До сих пор нет единодушного мнения среди тюркологов и в отношении квалификации формы прямого дополнения без аффикса винительного падежа.

Некоторые исследователи видят в безаффиксальном прямом дополнении формы «основного (именительного) падежа» [120, 81], выделяют «безаффиксальный винительный падеж» [102, 42], «прямое дополнение в форме абсолютного (основного) падежа» [108, 44] или употребляют термин «неоформленный падеж» [137, 122], а другие — обе (безаффиксальные и аффиксальные) формы прямого дополнения рассматривают как функциональные формы винительного падежа [45, 140; 57, 245; 131, 50].

В наши дни в тюркологии на основании лингвистических

идей авторов «Грамматики алтайского языка», ученых Н. Ф. Катанова, Н. К. Дмитриева, А. П. Поцелуевского, Э. В. Севортяна, Е. И. Убрятовой, В. М. Насилова, Ф. Г. Исхакова, Р. Расулова и многих других выкристаллизовался новый взгляд, согласно которому отстаивается падежная самостоятельность формы имени в роли прямого дополнения без падежного аффикса. Это утверждение принадлежит тувинскому ученому А. Ч. Кунаа. Он говорит: «Мы в работе использовали термин неоформленный, исходя из того соображения, чтобы, во-первых, показать самостоятельность этого падежа (он — не разновидность винительного) и терминологически разграничить от именительного и винительного падежей, хотя некоторые тюркологи именуют этот падеж основным; во-вторых, чтобы показать исторический путь развития падежей, т. е. он один среди *косвенных* падежей не имеет специальной формы, так сказать, не успел оформиться, совпадает с именительным падежом; в-третьих, чтобы данным названием раскрыть специальную синтаксическую роль этого падежа; поэтому сохранен в данной работе традиционный термин — неоформленный падеж, введенный в тувинское языкознание Н. Ф. Катановым» [76].

Мы разделяем идею А. Ч. Кунаа по поводу падежной самостоятельности формы имени в роли прямого дополнения без падежного аффикса, но не можем согласиться с таким истолкованием этого вопроса, а именно с высказыванием, что неоформленный падеж «...один среди косвенных падежей не имеет специальной формы, так сказать, не успел оформиться, совпадает с именительным падежом» [76, 34].

Прямое дополнение в нулевой форме внешне схоже с именами в форме именительного падежа, которые выполняют роль подлежащего. Дополнение (второстепенный член) и подлежащее (главный член) базируются на общих грамматических категориях, на категориях имен, обобщенно выражающих предметы, факты, явления, события, процессы объективного мира. Но не может быть никакой речи о тождественности падежных форм этих членов предложения потому, что подлежащее является главным, неуправляемым членом предложения, а дополнение — управляемым. Естественно, что имя, стоящее в именительном (падеже), и имя в винительном (неоформленном) падеже при информационной необходимости (в другой речевой ситуации) обратимы по синтаксической функции в предложении в силу своей категориальной общности.

В данной работе мы вслед за авторами «Грамматики алтайского языка» рассматриваем употребление винительного падежа прямого дополнения в двух фуникциональных формах: не-

оформленной (безаффиксальной) и оформленной (аффиксальной).

Если аффикс винительного падежа при прямом дополнении не употреблен, то имя, стоящее в винительном падеже, по форме совпадает с формой имени основного (именительного) падежа. Однако эту форму прямого дополнения нельзя считать формой основного падежа, так как она по содержанию и по выполняемой синтаксической функции отличается от формы и функции имени в основном (именительном) падеже.

С морфолого-синтаксической точки зрения имя выступает в предложении в качестве подлежащего лишь в грамматически независимой форме именительного падежа и непосредственно координируется с глаголом-сказуемым как выразителем признака подлежащего во времени и пространстве. Когда же признак-действие подлежащего выходит за пределы его субстантного пространства, то в синтаксическую связь с ним (подлежащим) вводится прямое дополнение. В связи с этим не следует забывать об исключительной важности свойства переходности действия глагольного сказуемого в двусоставном предложении. Лишь благодаря свойству переходности действия глагольного сказуемого на прямое дополнение (объект вообще), возможно установление синтаксической связи между прямым дополнением и подлежащим. Однако форма дополнения без показателя винительного падежа не может считаться формой именительного падежа. Эта форма дополнения в рамке двусоставного предложения сочетается только с переходным глагольным сказуемым. Отсюда следует, что функция прямого дополнения в нулевой форме как член предложения в конкретном предложении зависит от свойства переходности глагольного сказуемого, семантико-синтаксическое содержание которого в свою очередь обусловлено характером взаимодействия деятеля-подлежащего с объектом-дополнением.

Прямое дополнение может обозначать такой объект, на который действие направлено непосредственно или обозначает только отдельное понятие, идею, тему объекта. В связи с этим различием прямое дополнение выступает в двух формах винительного падежа: нулевой и аффиксальной. Значит, прямое дополнение (винительного падежа) имеет внутрипадежную оппозицию фуикциопальных форм: прямую (абсолютную; нулевую) и косвенную (обусловленную, аффиксальную).

Мы предпочитаем термин «нулевой», исходя из тех соображений, что термин «нулевой» всегда скрыто заключает в себе указание на стадию понятийного (а затем и — нейтрального) бытования предметного, (непредметного) явления в речи и язы-

ке, а также в предложении. Традиционный термин неоформленный (безаффиксальный) обобщает лишь морфологическое состояние в явлениях языка [145].

Перейдем к рассмотрению конкретного языкового материала. Прямое дополнение в нулевой форме бывает тогда, когда идеальный образ реального (внешнего) объекта (действия) в предложении, в речи передается словесно в форме понятия, идеи, темы об отдельном типе объекта вообще. Например, *Киндик айылына улус јуун алган* (М. Мунд-Эд.) «Киндик собрал у себя народ»; *Бис ого орус сыргалјын таап берерис* (М. Мунд.-Эд.) «Мы ему найдем русскую невесту». В приведенных примерах прямым дополнением в нулевой форме винительного (падежа) стоят словоформы *улус, сыргалјын*, передающие значение категорий лиц: народ, невеста.

Еще примеры: *Төрт кижи төө көдүрет* (загадка) «Четыре человека поднимают верблюда»; *Күски кар ан көреүзер* (пословица) «Осенний снег покажет (следы) зверя»; *Јалбак өбөгөн јер јалайт* (загадка) «Плоский старик лижет землю»; *Кезикте Јалаа деремнеге сводка јетирип јүрген Шурала база курсак берип ийет* (Э. Палк.) «Иногда Дьалаа передает еду и через Шуру, приезжающую в деревню со сводкой».

Прямое дополнение в нулевой форме может иметь при себе определение: *...јеригердек бөкө кижи бедреер* (ААИС) «...На своей родине найдите сильного человека».

В приведенных примерах определение при прямом дополнении в нулевой форме не изменило его функциональной формы, потому что определение как член предложения подчеркивает в прямом дополнении лишь какой-либо структурный элемент (признак в явлении) и потому его присутствие не изменило грамматической формы прямого дополнения.

Прямое дополнение в нулевой форме может быть с показателем абстрактного множества (*-дар..., -лар...*): *Ол Сүмеге книгалар сыйлап берди* (К. Төлөс.) «Он подарил Сюме книги»; *Мен барып өркөлөр ададым* (К. Төлөс.) «Пойду-ка я стрелять сусликов».

Как показывают примеры, показатель абстрактной множественности не вызывает аффиксальную форму прямого дополнения.

Слово *бир*, выступая в качестве определения перед прямым дополнением в нулевой форме, привносит следующие семантические особенности:

а) при употреблении слова *бир* выделяется объект из ряда однородных предметов и явлений: *Сен меге бир журнал экел* «Принеси мне (какой-нибудь) журнал»; б) слово *бир* выража-

ет неосведомленность говорящего об объекте и в) неопределенность объекта: *Кече мен јараш бир кыс бала көрөбм* «Вчера я видел одну очень красивую девушку». Из примера видим, что местоположение определения в форме слова *бир* в более тесном сочетании с определяемым словом, чем другие определения. А если слово *бир* в функции определения отделяется от определяемого наличием других определений между ними, то значение его меняется — оно (слово *бир*) выражает не неопределенность, а г) количество: *Ол бир таар кулур, талима бөс экелди* (Ч. Чуниж.) «Он привез один мешок муки, плотной ткани»; *Тыдыков оның терлү алакандарына бир уши мөңүн уруп берди* (А. Копт.) «Тыдыков насыпал горсть серебряных монет в его потную ладонь».

Во всех случаях применения прямого дополнения в нулевой форме переходный глагол-сказуемое выступает без собственного определения (обстоятельства образа действия). Это положение является основным грамматическим (синтаксическим) условием в утверждении имени в функции прямого дополнения в нулевой форме винительного падежа, управляемого переходным глагольным сказуемым в двусоставном (или односоставном) предложении алтайского языка.

Двусоставные предложения с прямым дополнением в аффиксальной форме

В алтайском языке аффиксом винительного падежа обязательно оформляют следующие группы слов, выступающие в роли прямого дополнения в двусоставном глагольном предложении.

1. Личные имена, прозвища, псевдоним, клички животных. Например: *Бу сен Аланды бүгүн не торсуктап турун?* (Э. Палк.) «Что же ты сегодня Алана донимаешь?»

2. Личные местоимения. Например: *...меним черүүм тышкары мени сакып јат* (Л. Кок.) «...моя команда на улице ждет меня»; *Бис олорды (турналардың балдарын) школдо азырап өскүрерис* (И. Коч.) «Мы их (птенцов журавлей) будем кормить и держать в школе»; *Сен мени алдадып јадың* «Ты меня разыгрываешь».

3. Слова, оформленные аффиксом принадлежности. Например: *Сен база ла менин тельняшкамды кийип алган ба?* (Л. Кок.) «Ты опять надел мою тельняшку?»; *Мен адамның мылтыгын алып јүредим* (Э. Палк.) «Я буду носить отцовское ружье»; *Кайран энемниң талканду чайының татузын мен ол тушта санангам* (С. Ман.) «Я тогда вспоминал, как вкусен чай

с толокном милой моей мамы»; *Олор Төрөлин барып корыыр, өскөн јерин сананар* (С. Манитов) «Они будут охранять свою Родину и будут скучать по родным местам»; *Ол... озогызын коскорот* (С. Ман.) «Он рассказывает о старой жизни».

4. Когда подлежащее и прямое дополнение в двусоставном предложении выражается однокоренным словом, дополнение обязательно передается аффиксальной формой винительного падежа (данным средством подчеркивается его подчиненная, регламентированная синтаксическая функция). При этом понятие общего выражено в форме (имени существительного) подлежащего, а понятие отдельного, или конкретного — в форме прямого дополнения с показателем винительного падежа. Например: *Бөрү бөрүни јибес* (пословица) «Волк волка не съест»; *Киске кискеден коркыбас* «Кошка кошку не боится».

5. Аффиксальное прямое дополнение встречается чаще всего в начале предложения в текстах пословиц, поговорок, загадок. Здесь особо подчеркивается предметно-понятийная значимость содержания прямого объекта-дополнения. Сказанное покажем на ряде следующих примеров: *Јерди ак кебис бүркеди* (загадка) «Земля покрылась белым ковром»; *Кара көлди мың кижи карады* (загадка) «В черное озеро заглянула тысяча людей»; *Кижи эткен ишти кем де ишпеп салар* (М. Мунд.-Эд.) «Каждый может выполнять работу, которую делает другой» (человек).

Как известно, пословицы, поговорки, загадки обобщают (наблюденный) исторический опыт человечества о тех или иных специфических явлениях, природных и общественных, повторяющихся во времени и пространстве. Поэтому прямое (объект-) дополнение в языке пословиц, поговорок и загадок бывает чаще всего оформлено; этим самым каждому члену определенного языкового коллектива как бы напоминается его собственный опыт в знании того или иного предмета действительности, о котором сообщается пословицей (т. е. содержанием пословицы).

6. Аффиксом винительного падежа оформляется прямое дополнение, имеющее при себе определение с количественным значением типа *ончо, бастыра* «весь, все». Например: *Јаан јалкынду, күкүрттү јаңгыр ончо улусты ойгоскон* (Э. Палк.) «С яркими молниями и раскатом грома дождь разбудил всех людей»; *Бригадир бастыра малды јууды* «Бригадир собрал весь скот»; *Бастыра пионерлерди физзарядкага чыгардылар* «Всех пионеров вывели на физзарядку».

7. Если при одном переходном глагольном сказуемом имеется два разнопадежных дополнения — прямое и косвенное, то

прямое дополнение выступает в аффиксальной форме и может находиться дистантно от сказуемого предложения. Например: *Мен книганы слерге бергем* «Я книгу дал вам». Дополнение *книганы* «книгу» — прямое, *слерге* «вам» — косвенное в форме дательного падежа.

8. Прямое дополнение с уточняющими словами типа *ол* «тот», *бу* «этот», *туу, туку* «вон» имеет аффикс винительного падежа: *Сен бу атты минериг* «Ты сядешь на эту лошадь»; *Мен ол бичикти кычырып салдым* «Я прочитал ту книгу».

Имена существительные (обозначающие предметы, делящиеся на части) в форме исходного падежа в сочетании с переходным глагольным сказуемым выражают значение прямого объекта, который лишь частично подвергается прямому воздействию субъекта. Здесь мы видим «замену» формы винительного падежа исходным в дополнении, ибо речь идет лишь о части целого предмета, на который переходит действие глагола-сказуемого. Обычно такой предмет бывает в наличии. Например: *Эттен јишисен* (Э. Палк.) «Поешь мяса»; *Кузуктан алып черттим»* (Я) пощелкал кедровых орех».

Итак, ясно прослеживается синтаксическая близость винительного и исходного (прямого) дополнения. Разница лишь в том, что в винительном падеже в синтаксической роли прямого дополнения выступает объект, прямо и целиком подвергающийся воздействию, форма же исходного падежа дополнения подчеркивает, что действие переходит лишь на часть (наличного, разделимого) предмета.

Проф. Е. И. Убрятова отметила это грамматическое смещение значения прямого дополнения в форме исходного падежа имени существительного при переходном глагольном сказуемом в предложении ряда тюркских языков [137, 134]. Наблюдения Е. И. Убрятовой подтверждаются фактами древнетюркских памятников [7, 14].

Материал алтайского языка выявляет важнейшую роль прямого дополнения в структуре двусоставного предложения; он занимает в нем третье место. Прямое дополнение — лексико-грамматический выразитель абстрагированного внешнего объекта, на который переходит действие подлежащего, или, наоборот, оно само оказывает то или иное воздействие на подлежащее. Кратко о синтаксической роли прямого дополнения в структуре двусоставного предложения можно отметить следующее: прямое дополнение — важный второстепенный член предложения, выражающий внешний объект (одушевленный, неодушевленный и т. д.), с которым подлежащее находится в тех или иных семантико-синтаксических отношениях; и в каждом част-

ном случае это отношение реализуется переходным глагольным сказуемым, выбор семантического содержания которого в свою очередь зависит от «рода деятельности» подлежащего (активного деятеля, человека). В новейших синтаксических исследованиях наблюдается тенденция рассматривать прямое дополнение в ранге главного члена предложения наряду с подлежащим [157, 10; 130]. По нашему мнению, этот вопрос нуждается в специальном исследовании не только в собственно лингвистическом плане на материале разносистемных языков, но и в плане философии языка.

Двусоставные предложения с косвенным дополнением

В организации двусоставного предложения большая роль принадлежит и косвенному дополнению. Косвенное дополнение выражает объект (как правило, не прямого воздействия), с которым подлежащее находится в различных семантико-синтаксических отношениях.

В косвенных дополнениях прежде всего выступают имена существительные одушевленные, охватывающие категорию лиц в языке, личные местоимения, личные имена людей в форме дательного, творительного, местного и исходного падежей. Разнообразие падежных форм косвенных дополнений обеспечивает различие их синтаксических функций в структуре двусоставного глагольного предложения и специфику их содержания.

В грамматическом плане все типы косвенных (как и прямых) дополнений рассматриваются в группе глагольного сказуемого, и только через него осуществляется связь подлежащего с косвенным дополнением. Объектное отношение рассматривается в группе глагола не случайно, так как характер частного отношения конкретизируется семантическим содержанием глагольного сказуемого, в конечном счете реализующего взаимодействие подлежащего-субъекта и объекта (-дополнения) во времени и пространстве.

Двусоставные предложения с дополнением в дательном падеже

Дополнение в дательном падеже, как правило, обозначает объект адресата, к которому направляется субъект-подлежащее или на который ориентировано его действие. Такое дополнение выражает разнообразные смысловые отношения с подлежащим. Конкретизация этих отношений всегда падает (преимущественно) на глагольные сказуемые, имеющие значение *берер* «да-

вать», *барар* «направляться», *айдар* «говорить» и т. д., причем подлежащее и дополнение выражаются словами, семантическое содержание которых обозначает категорию людей, отдельного лица-субъекта. Например: *Энем слерге чай-тус берип ийген* (А. Ер.) «Мама передала для вас чай и соль»; *Мен Федор Ивановичке айткам* (Р. Ј.) «Я говорил Федору Ивановичу; *Слер меге болужып болбозыгар* (*Р. Ј.*) «Вы не сможете мне помочь».

Косвенное дополнение в дательном падеже может выражать самые различные семантические отношения с подлежащим двусоставного предложения:

1. Дополнение со значением пункта назначения. Например: *Нина Горно-Алтайскка энергери јеткен* (К. Төлөс.) «Нина в Горно-Алтайск приехала к вечеру»; *Бис фермага јууктап келедирис* (*К. Төлөс.*) «Мы подходим к ферме».

2. Дополнение со значением причины состояния другого явления, выступающего подлежащим. Например: *Айдың јарыгына туранын ичи јарык* «От лунного света в доме светло»; *Кочегарканын кара түдегине кардын үсти кара* «От черного дыма кочегарки снег грязный» (дословно: «черный»).

3. Дополнение со значением источника процесса, воздействующего на изменение подлежащего. Например: *Мөнүн татка јидирбейтен* (пословица) «Серебро не подвергается ржавчине»; *Агаш јаашка үрелип јат* «Дерево портится от действия дождя»; *Таш салкынга үрелип јат* «Камень разрушается от действия ветра».

4. Дополнение со значением внутреннего состояния субъекта-подлежащего. Например: *Јаанам уйкузына бастырып јат* «Сон одолевает мою бабушку»; *Нөкөрим сагышка түжүп калган отурган* «Друг мой сидел задумчив».

5. Дополнение, выраженное именем действия, которое отмечает процесс, достигающий определенного предела в отношении явления, занимающего позицию подлежащего. Например: *Сүт кайнаарына јеткен* «Молоко дошло до кипения»; *Аш быжарына јеткен* «Хлеба дошли (дословно: хлеб дошел) до созревания».

6. Дополнение со значением объекта какого-либо желания, стремления или интереса, которые обнаруживаются в подлежащем. Например: *Уулым кижи алырга сагышту* «Мой сын хочет жениться»; *Топчы көктөнөргө күүндү* «Топчы любит шить».

Многообразные значения дополнения в дательном падеже исходят как от семантики слов, находящихся в синтаксической зависимости от глагольного сказуемого, так и от содержания последнего; вследствие неоднозначного содержания сказуемого дополнение приобретает свое синтаксико-смысловое назначение в данном падеже.

Двусоставные предложения с дополнением в творительном падеже

Дополнение в творительном падеже в зависимости от значения имени, значения управляющего глагола и подлежащего, а также общего смысла предложения может иметь различные функционально-семантические значения.

1. Творительный дополнения со значением орудия. Например: *Болговой шӱнеле колым кадап алдым* «Нечаянно я наколол палец иглой».

2. Творительный дополнения со значением средства поощрения и т. п. Например: *Обком областьтын ат-нерелӱ малчыларын кӱндӱлӱ грамоталарла кайралдады* «Обком доблестных скотоводов области наградил почетными грамотами».

3. Творительный дополнения со значением средства передвижения. Например: *Мен Москвадан самолетло келдим* «Я из Москвы прилетел самолетом»; *Ол книгаларды посылкала ийди* «Он отправил книги посылкой».

4. Творительный дополнения со значением вещественного содержания или положительной/отрицательной оценки другого явления (подлежащего). Например: *Бастыра флягалар сӱтле толо* «Все фляги молоком полны»; *Јакшы кижи јакшызыла бай ижиле макталат* «В наше время человек славен хорошей работой».

Двусоставные предложения с дополнением в местном падеже

Имя существительное, имя прилагательное, местоимение и т. д., оформленные показателем местного падежа, выступают косвенными дополнениями, находящимися в объектно-пространственном отношении с подлежащим (субъектом) двусоставного предложения. Например: *...Бир кезек туралардын кӧзнӧктӧринде оттор мызылдажып кӱйе берди* (А. Ад.) «...В некоторых домах зажглись и засветились огни в окнах»; *Алтайдын кырларына кыш эрте тужуп јат* (Б. Ук.) «В горах Алтая зима наступает рано».

Двусоставные предложения с дополнением в исходном падеже

Дополнение в исходном падеже выражает разнообразные объектные отношения с подлежащим, выступая началом, источником для различного рода деятельности или познания (субъ-

екта-человека). Глагол-сказуемое может быть в любом синтаксическом времени.

1. Дополнение со значением отделения от группы (или массы) предметов (или людей) какого-либо количества и т. д. Например: *Бистиҥ группадаҥ ӱч кижини колхозко лекция кычырарга ийип јат* «Троих из нашей группы посылают в колхоз читать лекции».

2. Дополнение сравнения. Например. *Мен олордоҥ коомой эмес* «Я не хуже их».

3. Дополнение в исходном падеже обозначает подлежащее, которое выведено из какого-нибудь (физического) состояния; оно уточнено семантикой глагольного сказуемого. Например: *...Улустар уйкузынаҥ ойгонгон* (С. Ман.) «Люди проснулись».

4. Дополнение со значением причины, препятствующей реализации подлежащим того типа действия, о котором сообщается в глагольном сказуемом. Например: *Орой келгениҥнеҥ таадаҥа сен туштап болбодыҥ* «От того, что ты приехал поздно, не смог повидать деда»; *Кичинек балачак ойыннаҥ арыганына курсак јип болбой отурган* «Мальчик, утомленный игрой, сидел не в силах есть что-либо».

5. Дополнение со значением причины внутреннего состояния подлежащего. Например: *Бала ӧскӧ кижидеҥ уйалып јат* «Ребенок стесняется постороннего человека».

6. Дополнение со значением пространственного расположения кого-либо или чего-либо по отношению к другому предмету (человеку), а иногда и направление действия. Например: *Бала јааназыныҥ кийнинеҥ јӱгӱрип турды* «Ребенок бежал за бабушкой; *Аҥчы бӧрӱниҥ кийнинеҥ мылтыкла јык ла берди* «Охотник выстрелил в волка».

7. Дополнение обозначает отправной пункт (или какое-либо исходное начало в зависимости от аспектной формы глагольного сказуемого). Например: *Сен айылдаҥ ыраба* (К. Тӧлӧс.) «Ты от дома далеко не уходи»; *Бу алтан јети јылдыҥ туркунына мен Коо-Четтиҥ ичинеҥ айрылбаган кижи* (Э. Палк.) «За шестьдесят семь лет я из Коо-Чета не выезжавший человек».

8. Дополнение со значением выхода откуда-нибудь или схода с какой-либо поверхности. Например: *Пожарниктер машинаныҥ ӱстинеҥ тӱрген-тӱрген тӱшкӱлеп ийди* «Пожарники быстро-быстро соскочили с пожарной машины»; *Уулчак кичинек велосипединеҥ тӱшти* «Мальчик слез с велосипеда».

9. Дополнение со значением источника выявления характерного признака, действия. Например: *Оскӧ јердиҥ улузы кылыктарынаҥ билдирет* «Приезжие люди распознаются по их поведению».

Двусоставные предложения с послеложным дополнением

Дополнение в форме косвенных падежей выражает прежде всего пространственную локализацию объекта по отношению к субъекту (подлежащему). На семантическое содержание того или иного типа послелога переносится коммуникативная нагрузка актуализовать оттенок отношения подлежащего к типу послеложного дополнения. Внешний объект в выражении послеложным дополнением в рамке двусоставного предложения выступает как предельный, целевой, конечный или исходный и т. д. для определенного направления движения, действия подлежащего (-деятеля и т. п.), конкретизованного семантическим содержанием глагольного сказуемого в любом грамматическом времени.

Формами дополнения в прямом и косвенных падежах не исчерпывается передача всего многообразия существующих отношений между явлениями, фиксируемыми специальными грамматическими средствами языка. Поэтому роль послеложных дополнений в значительной степени возрастает для выражения таких отношений или оттенков, которые невозможно выразить формами дополнения в прямом и косвенном падежах. В труде исследователя турецкого языка А. Н. Кононова этот тип дополнения зафиксирован термином «относительное дополнение». В данной работе используется традиционный термин — «послеложное дополнение», как это принято в «Грамматике алтайского языка» [45, 119]. Мы ограничиваемся констатацией наличия данного типа дополнения и кратко касаемся его структуры при сочетании с послелогами.

Послеложное дополнение имеет три особенности в сочетании с разными типами послелогов:

1. Дополнение, сочетающееся с тем или иным послелогом, может выступать чистой основой имени + послелог *јаар* «к, по...», *кайра* «за, назад», который также не принимает никаких показателей: Например: *Олор экӱ айыл јаар баскылады* (П. Куч.) «Они вдвоем направились к дому»; *Эки јыл кайра мен институт божотком* «Два года назад я окончил институт».

2. Дополнение, сочетающееся с послелогами *озо* «раньше», *јетире* «до...», *јуук* «около» и др., обязательно стоит в форме соответствующего падежа, а послелог не изменяет своей формы. Например: *Сен менен озо келген* «Ты пришел раньше меня»; *Ол мене јуук јадып јат* «Он живет недалеко от (около) меня».

3. Дополнение, сочетающееся с послелогами *орто* «в середине», *ӱст* «на...» и т. д., всегда стоит в форме притяжательного падежа. Послелог принимает аффикс (принадлежности) и по-

казатель соответствующего падежа. Например: *Агаштын ортозында кушкаштар сўўнчилў чыркыражат* «Среди деревьев весело щебечут пташки»; *Колымныҥ ўстине тамчы тўшти* «На руку мою упала капля (дождя)».

Двусоставные предложения с определением

Определение выражает внутренние или внешние признаки, которые органически присущи материальным предметам, определяемому, выступающему в предложении главным или второстепенным членом (подлежащим, дополнением, прямым и косвенным). Определение имеет строго фиксированное (закрепленное) место. Оно стоит непосредственно перед своим определяемым (хотя может быть отделено от него другим определением) и образует с ним тесное смысловое и интонационное единство.

Определение в алтайском языке не согласуется с определяемым в числе и остается неизменным при любых падежных изменениях определяемого. Его подчиненность определяемому выражается только синтаксическим приемом, т. е. постановкой его перед определяемым.

Отношение определения с определяемым осуществляется тремя способами синтаксической связи: примыканием, притяжательным сочетанием и izafetным отношением.

Двусоставные предложения с примыкающим определением

Примыкание в алтайском языке является одним из наиболее интенсивно используемых способов выражения синтаксических связей, что объясняется отсутствием четко выраженной морфологической дифференциации между именем существительным и именем прилагательным, между именем прилагательным и наречием.

Четкой грани различия между рассматриваемыми частями речи нет, видимо, вследствие их генетической общности. В силу этого значительный класс слов получает возможность служить характеристикой как предмета, так и действия, т. е. подобные слова, не меняя формы, выступают в качестве определения как при именах (определение), так и при глаголах-сказуемых (например, обстоятельство образа действия).

Имена прилагательные по своей категориальной природе служат в предложении прежде всего в качестве определения при имени существительном. В соответствии со значением прилагательного определение этого вида обозначает разнообразные признаки предметов. Поэтому качественные (и относитель-

ные) прилагательные являются наиболее типичными примыкаемыми определениями.

Определение, выраженное качественными прилагательными, обозначает свойства и качества предметов, выступающих в предложении в роли подлежащего или дополнения, а также внутренние или внешние особенности их. Например: *Кара булут актын үстинен бдб берди.* (П. Куч.) «Черная туча пронеслась над открытым полем»; *Ымжак энир бүк јерлерге түжүп келген.* (П. Куч.) «Мягкий вечер спустился к низинам»; *Көк-чанкыр Кадын шуулап јадат.* (А. Ер.) «Шумит сине-голубая река Катунь»; *Ылу эзин согот.* (Э. Палк.) «Веет теплый ветер (-ок)».

Когда акцентируется качественный признак предмета, то определением выступает качественное прилагательное в форме интенсива. Например: *Сап ла сары јалбырактар... кейде айланыжат.* (А. Ер.) «Желтые-желтые листья ... кружат в воздухе».

Определения, выраженные относительными прилагательными, характеризуют предметы через указание на их отношение к другим предметам, обозначенным словом, от которого образуется относительное прилагательное.

Определение, данное в форме относительного прилагательного, может обозначать темпоральные и другие признаки подлежащего или дополнения. Например: *Бүгүнги энир Тойчының јүрүминде сырангай ла уур, күч энир болды.* (П. Куч.) «Сегодняшний вечер в жизни Тойчи был самым трудным, самым тяжелым» (вечером); *Эртен комсомольский јуун болор* (Л. Кок.) «Завтра будет комсомольское собрание»; *Јаскы күн тымык турды* (А. Ад.) «Был спокойный весенний день»; *Кышкы түн койылды* (П. Куч.) «Зимняя ночь сгустилась (дословно: загустела)».

Определение, переданное относительным прилагательным, характеризует предмет, выступающий главным или второстепенным членом предложения, обладающий тем предметом или качеством, который выражен исходной основой имени существительного + аффикс *-лу..., -ту...*. Например: *Карлу јааш јаады* (И. Коч.) «Шел дождь со снегом»; *Оның кийгени чачакту бөрйк болгон* (П. Куч.) «На нем была шапка с кисточкой».

Определение, выраженное относительным прилагательным на *-дагы*, может указывать на локализацию предмета, обозначенного подлежащим или дополнением. Например: *Тойчы көнөктөги сууны јес чөйгөнгө уруп ийди.* (П. Куч.) «Тойчы воду из ведра налила в медный чайник».

Определение может быть выражено относительным прилагательным, заимствованным из русского языка. Заимствованные прилагательные из русского языка в алтайском языке

сохраняют только одну форму употребления — форму на *-ый, -ий, -ой*. Например: *Онок резиновый плащы јалтырада јунулып калган кижи кирип келди* (А. Ад.) Затем вошел человек, резиновый плащ которого был вымыт (дождем) до блеска»; *Ол городской... костюмду* (Б. Ук.) «Он в городском... костюме».

В алтайском языке, как и во всех тюркских языках, имя существительное часто выступает в функции относительного определения в своей исходной форме, не принимая каких-либо специальных показателей. В этом случае примыкание является единственным синтаксическим средством утверждения существительного в синтаксической функции определения. Надо подчеркнуть, что примыкающие определения, выраженные именами существительными, являются специфической чертой тюркских языков. Такого рода определения характеризуют предметы, которые выступают в предложении в функции подлежащего или дополнения, отмечая в них конкретный материал (сырье), из которого они изготовлены: *Колхозчылар бир тушта сууны алтын айактан ичип турар.* (П. Куч.) «Колхозники когда-нибудь будут пить воду из золотой чашки»; *Ол... јалтыркай ишл көзин сабардын бажыла араай тийдирип көрди.* (П. Куч.) «Он... кончиком пальца осторожно потрогал его (т. е. автомобиля) блестящие стеклянные глаза» (фары); *Чөлдө кош тартып јүрген улус сууны берзент каптарында алып јүрет.* (П. Куч.) «Люди, возящие грузы в степи, набирают воду в брезентовые мешки»; *Удабас ондо јаңы кийис кереги айыл болор.* (П. Куч.) «Скоро там будет новый войлочный айыл»; *Түлкү бычкак бөрүгин көзинен ӧрӧ көдүрип ийерде, оны улус јаңы ла таныды* (Э. Палк.) «Когда он приподнял с глаз шапку из лисьих лапок, люди узнали его».

При одном существительном может быть несколько разнородных определений. При этом определения, выраженные (качественными) прилагательными, будут отделены от определяемого субстантивным определением, выражающим материал. Например: *Кызыл торко маанылар кызыл јалбыштый јайылыптыр.* (П. Куч.) «Кумачовые шелковые знамена развеваются, словно красное пламя»; *Чаңкыр элбек тенериде ума јок кой бууктар.* (А. Ер.) «На голубом просторном небе ума барашковых облаков».

В этих предложениях определения *кызыл* «красный», *торко* «шелковый», *чаңкыр* «голубой», *элбек* «просторный» выражают разнообразные признаки определяемого. Определение, указывающее на специфические признаки предмета *торко* «шелковый», *элбек* «просторный», тесно примыкает к определяемому, другие же виды определения — *кызыл* «красный», *чаңкыр*

«голубой» — занимают дистантное положение по отношению к определяемому.

Определение, данное именем существительным, может относиться к определяемому как название вида и название рода. Например: *Колхозто јалан меринос койлор.* (П. Куч.) «В колхозе все овцы мериносной породы»; *Бис кой малды тайгаларга ыкгарып салдыс.* (П. Куч.) «Мы овец перегнали в горы».

Имя существительное в функции определения другого имени может указывать на количественный признак. Например: *Бир ууртсуу да јок.* (П. Куч.) «Ни глотка воды».

Кроме того, существительное, выступающее в функции определения, может быть оформлено аффиксом (-ча). Подобные определения дают характеристику по величине и количеству. За объект уподобления обычно берется внешняя форма предмета. Например: *Ол јанар алдында айыл эзэзине алаканча бир кўскў сыйлаган.* (П. Куч.) «Перед отъездом он подарил хозяину дома зеркало размером с ладонь».

Примыкающее определение может быть выражено порядковыми, количественными, а также разделительными и приблизительными числительными.

В алтайском языке подлежащее и дополнение, имеющие при себе определение в форме числительного, чаще всего употребляются в единственном числе. Но бывают случаи, когда эта норма нарушается.

Определения, выраженные количественными числительными, обозначают количественный признак определяемого предмета. Например: *Бир баарчык балдарын азырап, бир ле кўнге сегис мун курт-конгус тудуп јат.* (Б. Ук.) «Чтобы прокормить своих птенцов, один скворец за целый день ловит до восьми тысяч червяков и жуков».

Примыкаемое определение может быть дано в форме местоимения. Чаще всего фуикцию определения несут указательные, определительные, притяжательные, вопросительные местоимения. Указательные местоимения по своим значениям могут быть применены чаще с именами существительными. Например: *Бу Алтайда меним баспаган јер бар эмеш пе.* (Ш. Ял.) «На (всем) Алтае нет места, где бы я ни был»; *Ол кўн Јаанбаш торт ло... санааркап јатты* (Ш. Ял.) «В тот день Дьаанбаш... ходил озабоченный».

В этих примерах местоимения *бу* «этот», *ол* «тот» определяют имена существительные в первом случае в синтаксической функции обстоятельственного дополнения *(Бу Алтайда)*, а во втором — в функции обстоятельства времени *(Ол кўн)*, уточняя стержневое слово в данном словосочетании *(кўн)*. При

этом определения, выступающие как указательные местоимения, помимо общей функции обобщающего (конкретизирующего) указания, дают представление о пространственном нахождении определяемого предмета, о степени временной близости или отдаленности того, о чем сообщается.

Указательные местоимения в роли определения обобщенно обозначают свойства и признаки предмета. Например: *Биске андый неме кайдаҥ келетен эди.* (П. Куч.) «Откуда у нас возьмется такая вещь»; *Андый кылык кылынбас.* (А. Ад.) «Такой поступок не совершают»; *Мындый агаштар бистиҥ јерде база ӧзӱп јат.* «Такие деревья также растут в наших краях».

Широко распространены в алтайском языке определения, выраженные причастием. Причастие в силу своей специфики в синтаксической роли определения обозначает процессуальный и результативный признаки предмета, функционирующего в предложении в качестве подлежащего или дополнения: *барган инженер* «уехавший инженер», *уккан кижи» услышавший человек»* — процессуальные признаки; *јазылган бала* «выздоровевший ребенок», *оорыган уулчак* «больной (заболевший) мальчик» (результативный признак).

В роли определения в алтайском языке чаще всего употребляются причастия на *-ган, -атан, -гандый, -й, -гелек, -ар* — или одиночные, или в сочетании с пояснительными словами. Они в равной мере определяют как подлежащее, так и дополнение. Например: *Мындый кыйгастаныжатан эје-сыйындарды мен кӧрбӧдим.* (П. Куч.) «Я не видела таких сварливых сестер»; *Јыгылган Кӱртӱк билдирбейт.* (И. Саб.) «Свалившегося тетерева трудно обнаружить»; *Слердиҥ уйуктайтан тӧжӧк-јастыктар база ончозы белен.* (П. Куч.) «Ваша постель, на которой вы будете спать, тоже готова»; *Сен кӱчиҥ јеткедий ишке болуш!* (П. Куч.) «Ты помогай в посильной для тебя работе»; *Слер экӱде Кажагайга тӱҥдегедий бир де чийӱ јок эмтир.* (П. Куч.) «У вас у обеих нет ни единой черты для сравнения с Кажагаем».

Двусоставные предложения с притяжательным определением

Определение, выраженное родительным падежом личного местоимения + имя существительное, снабженное аффиксом принадлежности, образует особую определительную группу, в которой находит выражение значение принадлежности одного предмета другому. Такие сочетания слов образуют отдельное именное предложение. Например: *Мениҥ балдарым су-кадык па?* (П. Куч.) «Дети мои здоровы?»; *Оныҥ кара кӧстӧри ырысту*

кӱӱй чыкты. (А. Ад.) «Ее черные глаза счастливо загорелись» (т. е. засверкали).

Вместо личного местоимения в функции определения с тем же значением может выступать родительный падеж местоимения *бой-* с аффиксами принадлежности.

В отдельных случаях определяемое при определении — родительном падеже личных местоимений — может не принимать аффикса принадлежности. Это, видимо, бывает возможно тогда, когда необходимо акцентировать внимание на личном притяжательном определении, а не на определяемом, причем, как правило, тогда, когда в качестве определения выступают притяжательные местоимения, образованные от личных местоимений множественного числа. Например: *Бистин кыстар сени комсомолго аларга кӱӱнзегилеп јат.* (П. Куч.) «Наши девушки хотят принять тебя в комсомол»; *Бистин айылга кирип јӱр* (А. Ад.) «Заходи в гости в наш дом»; *Слердин сӧс кӱмӱштен баалу.* (П. Куч.) «Ваши слова дороже серебра».

Изафетное определение

Изафетное определение возникает на основе обозначения отношения (сочетания) двух имен существительных, первое из которых является определением, выступающим в форме родительного падежа, второе — определяемым, имеющим притяжательный аффикс. То есть оба члена сочетания (изафета) имеют особые морфологические приметы. Такое сочетание имен существительных образует полный изафет.

Полное изафетное сочетание весьма употребительно в алтайском языке, так как посредством него передается выражение грамматического отношения одного предмета к другому или части к целому и т. д.

Определение, выраженное именем в родительном падеже, чаще всего занимает место перед определяемым. При отсутствии других определений члены изафетного сочетания стоят рядом. Например: *Агаштардын кӧлӧткӧлӧри там ла узундап турган.* (А. Ад.) «Тени деревьев все более удлинялись»; *Карчаганын санаазына... айдары јок ыраак ла айдары јок јуук кижинин сӧстӧри кирип келди.* (А. Ад.) «В памяти Карчага... возникли слова очень далекого и очень близкого человека»; *Аттардын басканы кандый да араай угулат.* (Э. Палк.) «Топот лошадей слышится очень глухо».

Определяемое может быть отделено от изафетного или притяжательного определения другим определением, выраженным одним словом или несколькими словами. Например: *Акардын*

эки кып туразы ару (јарык) (Э. Палк.) «Двухкомнатный дом Акара чистый, светлый»; *Оныҥ јаҥыс уулы энезиниҥ јӧби јогына кайда да барбас.* (П. Куч.) «Ее единственный сын никуда не поедет без согласия матери»; *Бу ыраак јастыҥ элчизи кенетийин кайдаҥ келди?* (А. Ад.) «Откуда неожиданно появился этот вестник далекой весны?»

Определение, выраженное формой родительного падежа имени существительного (а также любого субстантивированного имени), характеризует определяемое по признаку принадлежности. Принадлежность может иметь различные источники и проявления.

1. Принадлежность, в частности, может основываться на отношении части к целому. Например: *Эркейдиҥ койу кара чачын салкын ары-бери ӱрпейте согуп турды* (А. Ад.) «Ветер развевал в разные стороны густые черные волосы Эркея»; *Ол кыстыҥ кӧзи айас теҥеридий* (П. Куч.) «Глаза той девушки, как ясное небо» (т. е. голубые); *Машинаныҥ моторы кенетийин согулбай барды* (П. Куч.) «Вдруг мотор машины перестал работать».

2. Принадлежность может указывать на естественные связи предметов. Например: *Тыттыҥ бӱри салкынга кыймыктанып турды* (П. Куч.) «Хвоя лиственницы шевелилась от ветра»; *Ыйлаҥкай кӧстиҥ јажы кургабас* (пословица) «У плаксивых глаз слезы не просыхают».

3. Принадлежность может отмечать отношение родства. Например: *Максаныҥ бир аказы черӱдеҥ бу јуукта ла јанып келген* (П. Куч.) «Один брат Максы недавно вернулся из армии»; *Эмил ле Мариниҥ энези быјыл колхозто база ла ударник.* (А. Сар.) «Мать Эмиля и Марины в этом году в колхозе снова ударница».

4. Принадлежность указывает на отношение дружбы, товарищества. Например: *Шиҥениҥ ончо ӱӱре-јелелери мында болды* (Э. Палк.) «Все подруги Шине были здесь».

5. Принадлежность отмечает отношение какого-либо явления и указывает на его источник. Например: *Аркада бугул тартып турган балдардыҥ чыҥырыжы, аттардыҥ бышкырыжы... угулды* (А. Ад.) «На склоне горы были слышны визг ребят, свозивших копны сена, фырканье лошадей»; *Кичемкейдиҥ санаазы теҥеридеги јылдыстардый ок јайыла берди* (П. Куч.) «Мысли Кичемкея рассеялись, как звезды на небе» (дословно: мысль... рассеялась).

Форма изафета оказалась удобной для выражения самых разнообразных семантических отношений между предметами. Например: *Ол обкомныҥ качызыныҥ куучынын сӱрекей јилбир-*

кеп укkан эди. (А. Ад.) «Он с большим интересом слушал речь секретаря обкома»; *Бойдон бош кижиниң јолында не ле болуп турбай* (Э. Палк.) «На пути холостого свободного человека что-нибудь случается»; *Колхозтың председатели уткуул сөс айтты* (П. Куч.) «Председатель колхоза выступил с приветственной речью»; *Комсомолдор бойының комудалын... райком комсомолдың баштапкы качызына бойлоры апарып бергендер* (А. Ад.) «Комсомольцы свою жалобу... сами принесли первому секретарю райкома комсомола»; *Машинаның јанында школдың балдары турдылар* (П. Куч.) «Около машины стояли школьники».

В неполном изафетном сочетании первый член изафета выступает без аффикса родительного падежа; определяемое же имеет аффикс принадлежности. Неполный изафет возможен тогда, когда слово, выступающее первым членом изафета, выражает общее понятие; при этом логически акцентируется значение слова, функционирующего как определение при определяемом с аффиксом принадлежности. Поэтому форма слова, выступающего как определение в изафетном сочетании, не имеет аффикса притяжательного (родительного) падежа. Например: *Бистиң төс ижибис јер ижи эмес, а мал ижи* (А. Ад.) «Наша основная работа не земледельческая, а скотоводческая»; *Бир катап Монгол јеринең ойто јанып келеткем* (П. Куч.) «Однажды я возвращался из Монголии»; *Агаштар (јажыл, сары тондорын чечип, күнге изидингилеп) шуулажып турат* (А. Ад.) «Деревья, сняв свое зеленое, желтое убранство (дословно: пальто), греясь на солнце, шумят».

Двусоставные предложения, главный или второстепенный член которых имеет при себе приложение

Вопрос о приложении является одним из не разработанных в алтайском языкознании вопросов. До недавнего времени даже само наличие такой грамматической категории, как приложение, в тюркских языках ставилось под сомнение. Некоторые тюркологи прямо отрицали категорию приложения в тюркских языках и считали, что данная грамматическая категория привнесена «извне» (в частности, из русского языка). Это положение, конечно, ошибочно.

О бытовании приложения в языке древних тюрков свидетельствуют памятники древнетюркской письменности, в тексте которых часто можно встретить приложения, обозначающие родственные отношения, воинские и гражданские чины и пр.

За последние годы в тюркологии наблюдается интерес к

проблеме приложения, и появилось несколько монографий, специально посвященных раскрытию данного вопроса на языковом материале татарского языка (в сопоставлении с русским), казахского и других тюркских языков. В этих исследованиях подробно рассматриваются семантические группы приложений, но фуикция приложения приравнивается к фуикции определения.

Несколько иной оттенок понимания роли приложения в отношении того члена, с которым оно связано в предложении, мы находим в новейших тюркологических трудах: в «Грамматике азербайджанского языка» [44, 319], в кн. «Современный татарский литературный язык» [123, 146], где приложение раскрывается как уточнитель, пояснитель определяемого. Сразу обнаруживается терминологический разнобой. Наметившиеся терминологические расхождения выявляют и степень теоретического осмыслений этой важнейшей проблемы в синтаксическом строе тюркских языков. Раскрытие данного вопроса значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд, и, естествено, он нуждается в самостоятельном исследовании.

Проблема приложения в синтаксисе алтайского языка вообще не поднималась. В связи со сказанным и обусловливается характер раскрытия двусоставного предложения, главный или второстепенный член которого имеет при себе приложение.

При подходе к рассматриваемому синтаксическому явлению необходимо исходить из того положения, что приложение нельзя идентифицировать с обычным определением, так как приложение обладает такими свойствами, которые не характерны для обычного определения (например: постпозиция к определяемому, а отсюда и тяга к сло изменению).

Приложение — это определитель члена предложения, выраженного именем существительным, местоимением, прилагательным и причастием, связь которого с определяемым словом является только соположением. При этом приложение может стоять впереди или после своего определяемого в зависимости от семантической характеристики приложения.

Говоря «определитель», мы можем подчеркнуть, что приложение не является грамматическим определением, хотя синтаксически в одном случае (препозиции) его функция близка к функции определения — оно раскрывает, конкретизирует (или, наоборот, обобщает), поясняет, уточняет значение субстантивного члена предложения, не только по позиции (примыканием или же обособлением). Но вместе с тем приложение обладает некоторыми чертами, которые не характерны для грамматического определения.

Приложение может быть как в препозиции, так и в постпо-

зиции, а определение — только в препозиции; постпозитивное приложение принимает аффиксы словоизменения, тогда как грамматическое определение никогда не принимает их, они всегда присоединяются к определяемому.

Думается, что формулировка, данная в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо [89, 234], очень точно определяет синтаксическую функцию приложения в предложении: «Член (или часть) предложения, стоящий в том же положении, что и другой член (или часть), по отношению к которому он играет роль определителя, причем этот определитель не имеет особого грамматического выражения». Взгляд Ж. Марузо гармонирует с положением Е. И. Убрятовой относительно роли приложения, изложенным в труде «Исследования по синтаксису якутского языка» [137, 214].

Имя, выступающее приложением, по сравнению с определением (качественным или относительным) обладает предметной самостоятельностью. Смысловая самостоятельность обеспечивает приложению возможность функционировать в качестве определителя, уточнителя члена предложения, данного не только в форме существительного, но и личным местоимением. Более того, первоначальную причину возникновения приложения в языке надо, видимо, искать в потребности раскрытия, конкретизации значения личных местоимений предметными существительными. Это прежде всего касается личных местоимений (1-го и 2-го лица ед. и мн. числа, а также и 3-го лица ед. и мн. числа).

В алтайском языке выделяется две группы приложений в зависимости от позиции по отношению к тому члену предложения, определителем которого приложение является: препозитивное приложение и постпозитивное приложение. Эти группы разнятся и в семантическом отношении.

Препозитивное приложение

В качестве препозитивного приложения выступают имена собственные или названия месяцев, дней недели и т. д. Приведем несколько примеров: *Кече «Красный пахарь» колхозтың јууны болгон* (Э. Палк.) «Вчера было собрание колхоза «Красный пахарь»; *Бастыра март ай јылу турган* (Э. Палк.) «Весь март месяц было тепло»; *Је суббот күнде јшит улус кайда ла болуп турбай* (Э. Палк.) «Но в субботний день молодые люди (парни и девушки) бывают всюду».

Постпозитивное приложение

Определенные трудности представляет истолкование функции личных имен при названии людей по профессии, родственным отношениям и т. д. В одних случаях здесь, несомненно, конкретизатором, уточнителем выступает имя собственное. Например: *Семетей акабыс эмдиге јӧбин айтпады* (А. Ад.) «Семетей, наш брат, до сих пор не дал своего согласия»; *Паланка эјем јетеннен ашкан* «Тетке Паланке перевалило за семьдесят».

Но в других случаях языковая интонация заставляет связывать функцию определителя не с именем собственным, а с именем нарицательным. Это, возможно, объясняется тем, что в небольших (или же официальных общественных) коллективах людей при общении первым по употребительности является имя человека, и в отдельных случаях возникает необходимость в уточнении, конкретизации этого названия, личного имени (человека). Например: при выборе из нескольких лиц, носящих одно и то же имя, при необходимости подчеркнуть профессию человека, его социальное положение, национальную принадлежность и т. п. А поскольку и в этих случаях имя собственное стоит на первом месте, здесь мы имеем дело с постпозитивным приложением. Примеры: *(Је, байла) Игнат моторист машиназын кыймыктадып болбой турган болбой кайсын* (А. Ад.) «(Но, наверно) Игнат моторист не может завести свою машину»; *Маша фельдшер мене укол тургускан* «Фельдшер Маша мне сделала укол».

К постпозитивным приложениям относится возвратное местоимение *бой-*, употребляемое с аффиксом принадлежности при личных местоимениях или личных именах. Оно фактически не уточняет, не раскрывает значение личного местоимения, а только акцентирует субстанциональность действователя (субъекта или объекта). Например: *А сен бойын не бичиведин?* «А ты сам почему не написал?»; *Алан бойы база эјӧксына берди* (Э. Палк.) «Алан сам почувствовал неловкость».

Особо следует сказать о сочетаниях типа *инженер-механик, инженер-строитель* и т. д. Формально один из этих компонентов тоже можно было бы рассматривать как приложение, но думается, что более правильно признать их семантически не членимыми на алтайской (языковой) почве, поскольку они в готовом виде были заимствованы из русского языка.

Как можно было видеть из приведенных выше примеров, при словоизменении аффикс словоизменения принимает лишь второе слово, будь оно приложением или словом, определителем которого выступает приложение.

Приложение может употребляться обособленно, не изменяя своих семантико-синтаксических функций. Выступая определителем другого имени, оно квалифицирует его коммуникативно-общественную ценность, значимость. Вместе с тем обособленное приложение характеризуется рядом специфических черт:

1. Обособленное приложение, как правило, выражается словосочетанием (хотя не исключается возможность выражения и одиночным словом). Приложение, выраженное словосочетанием, внутри себя может вычленять другое приложение.

2. Обособленное приложение всегда употребляется постпозитивно.

3. Словоизменительный показатель принимает как обособленное приложение, так и слово, по отношению к которому оно является определителем.

Проиллюстрируем сказанное примерами: *Бис, Лениннин јаш ўйези, тӧрӧлисте ле јер ўстинде социализмди бўдўрип саларыс* (А. Сар.) «Мы, молодое поколение ленинцев, построим социализм в нашей стране и на земле»; *Бис, эр улус, чыгалы* (П. Куч.) «Мы, мужчины, выйдемте»; *Мен, орус кижи, орустыйыла ок слерге бўгўн айдып турум* (П. Куч.) «Я, русский человек, говорю с вами по-русски»; *Слерле орус кижи, Иван Пантелеевич, куучындаарга туру* (П. Куч.) «С вами будет говорить русский человек, Иван Пантелеевич»; *Ўўрези, зоотехник Аня Кузнецова, база зоотехник алтай уулга барган* (А. Сар.) «Ее подруга, зоотехник Аня Кузнецова, вышла замуж за парня-алтайца — тоже зоотехника».

Последний пример иллюстрирует тот случай, когда обособленное приложение внутри себя вычленяет другое приложение: в словосочетании *«зоотехник Аня Кузнецова»* в качестве приложения выступает собственное имя — *Аня Кузнецова* и препозиционное — *зоотехник*.

Еще примеры: *Бир конгон кийнинде бистиҥ айлыска карган эјебис, Јамануулдыҥ энези, келиптир* (А. Ад.) «Через сутки в наш дом пришла наша старая тетушка, мать Дьамануула»; *Бисти, эки карындашты, Балчактыҥ уулы Манзу согуп болбос* (П. Куч.) «Нас, двоих братьев, сын Балчака Манзу не сможет побить»; *Бу Экчебейдиҥ сыйынын, Тананы, кижи база чек таныбас болуп калган* «Младшая сестренка Экчебея Тана тоже стала совершенно неузнаваемой» (для человека, кто ее раньше знал).

В последнем предложении приложение — тот частный случай, когда оно выражено одиночным словом.

Обособленное приложение выступает как бы в виде микропредложения (в предложении), поэтому в приложении некото-

рыми исследователями усматривается предикативность, что кажется нам верным. Но обособленное приложение в значительной степени нейтрализует свое «предложенческое свойство», потому что оно (имя-приложение) не констатирует наличие, существование предмета, явления, лица и т. д. во времени и пространстве (что характерно для самостоятельного, скажем, номинативного, предложения), а выступает лишь как семантический определитель (выделитель) общей мысли в отношении того (имени и) члена предложения, с которым оно связано по смыслу.

Двусоставные предложения с обстоятельством

В двусоставном предложении главные члены — подлежащее и сказуемое — находятся не только в объектно-атрибутивных отношениях с второстепенными членами предложения. Они могут быть связаны с последними также и обстоятельственными отношениями.

Наличие обстоятельства в предложении имеет специальное назначение. Обстоятельство распространяет структуру предложения и служит для характеристики действия по качеству или интенсивности его проявления, для указания способа, причины или цели совершения действия, а также для конкретизации признака чего-либо или фиксации пространственной локализации или временного фона действия. Поэтому изучение функциональной связи обстоятельства с другими членами предложения также имеет важное значение. В предложении обстоятельство в одних случаях непрерывно бывает связано со сказуемым. Такое обстоятельство акцентирует, уточняет содержание того действия, состояния, признака, которые сообщаются сказуемым. Здесь имеются в виду обстоятельства образа действия и способа совершения действия. А в других случаях обстоятельство относится ко всему содержанию предложения. В этом случае обстоятельство выражает многообразные семантические отношения: внутренние, пространственные, причинно-следственные и целевые.

Двусоставные предложения с обстоятельством со значением качества (или количества)

Качественное обстоятельство ставится непосредственно перед сказуемым, если выражает внутреннее качество последнего. Оно имеет в предложении определенное значение, т. е. характеризует действие-признак самого сказуемого двусоставного предложения, в свою очередь актуализирующего тот признак в под-

лежащем, который необходимо выразить в предложении (высказывании).

Обстоятельства, определяющие качество действия, состояния или признака подлежащего, выражаются:

а) наречиями образа действия. Например: *Огородтын коштойында кара шӱт тым јатты (К. Тӧлӧс.)* «Черная собака спокойно лежала у огорода»; *Лектор бисти араай, јобош ајыктайт* (С. Маи.) «Лектор тихо и спокойно посматривает на нас»; *Энезин кижи канайын ундыыр!* (К. Тӧлӧс.) «Как может человек забыть мать!»; *Адам анайда јууга атанган* (К. Тӧлӧс.) «Так отправился отец на фронт»; *Нина кожондоы јазап тыңдай берди* (К. Тӧлӧс.) «Нина внимательно стала слушать песню»; *Мен ӱйге кийдире јӱгӱрип барган эмтирим* (К. Тӧлӧс.) «Я, оказывается, вбежал в комнату»;

б) обстоятельствами способа совершения действия. Например: *Бир јаашту кӱнде энемле экӱ јойу јанган эдис* (К. Тӧлӧс.) «Однажды в дождливый день мы с мамой вдвоем шли пешком»; *Иженин энези јеринде јаан ушыла кожо јадып јат* (Э. Палк.) «Мать Ижена живет на прежнем месте в семье старшего сына»; *Айана бут бажында туру* (К. Тӧлӧс.) «Айана стояла» (дословно: на ногах);

в) обстоятельствами меры и степени. Обстоятельства меры отмечают количественные признаки действия или состояния. В их состав входят обстоятельства, обозначающие: меру времени, меру пространства, меру (выражение) количества.

Обстоятельства со значением меры времени выражаются сочетанием количественных числительных с именами существительными, как правило, обозначающими временные значения — как в форме основного падежа, так и в косвенных формах (падежей): *Адам эки айга зоотехниктердин курстарына барган* «Мой отец уехал на два месяца на зоотехнические курсы».

В идентичном значении употребляется сочетание имени существительного с временным содержанием с послелогом отсчета *сайын* «еже-», «каждый», «через». Например: *Нинаның келер бӧйи јууктаган сайын олор там ла энчикпей турдылар* (Э. Палк.) «С приближением времени приезда Нины они все более не находили себе места».

Обстоятельства, обозначающие меру чего-либо, выступают также как местоименные и наречные слова: *тӱгезе, ончо, бастыра, бӱткӱл, ӱзе* «полностью», «все», «целиком», «без остатка»; *Мен ӱзе укkам, ӱзе билерим* (К. Тӧлӧс.) «Я все слышала, все знаю».

Встречаются такие обстоятельства, которые характеризуют действия чисто с количественной стороны. Для указания на ко-

личественную сторону действия или состояния числительные непосредственно или при помощи (нумеративного) слова сочетаются с глаголом-сказуемым: *Бис эки-ӱч кондыс* (К. Тӧлӧс.) «Мы два-три дня ночевали».

Обстоятельства, обозначающие меру пространства, выражаются существительными со значением меры длины в сочетании с количественными определителями в случае точных измерений и с присоединением в конце сочетания послелога *кире, йӧук* «около», «приблизительно»: *Бис бӧгӧн он километр кире йоӧу басканыбыс* «Мы сегодня прошли (пешком) около десяти километров».

Обстоятельства, обозначающие меру веса, меру объема, меру площади, стоимости и т. д., употребляются в сочетании с соответствующими нумеративными существительными. Например: *«Мен бу книганы экнге (эки салковойго) алдым* «Я эту книгу купила за два рубля».

Для выражения повторяемости какого-либо действия употребляется обстоятельство, выраженное наречием меры *катап, катап ла: Эмди меге качан да катап сендий эне болбос йӧрӧмде* (С. Ман.) «Теперь у меня никогда не будет снова такой мамы, как ты»; *Адамды мен ас-мас ла билерим* (К. Тӧлӧс.) «Отца я помню смутно»; *Мен тог ло андый йаман эмезим ле!* (Э. Палк.) «Я уж не такой плохой!»

Двусоставное предложение с обстоятельством, выражающим фоновые (внешние или внутренние) признаки действия или состояния, характеризует содержание предложения в целом.

С грамматической точки зрения обстоятельственные отношения, указывающие на явление, событие, лицо, о котором сообщается в предложении, лексически передаются обстоятельствами места, времени, причины, цели, орудия и средства совершения действия.

Обстоятельства данных семантических разрядов характеризуют не сам признак протекания действия (или же действия-состояния), а те условия, в которых этот признак-процесс происходит или возникает. Характер таких условий может быть весьма различным. В одних случаях они касаются и внешней обстановки, где происходит действие, или указывают на различные внешние состояния явлений (обстоятельства места и времени), в других — включают причинно-следственные связи данного действия или состояния (обстоятлельства причины, цели); в третьих — выражают орудие и средства действия, частично соприкасающиеся здесь с обстоятельством образа действия.

Обстоятельства, обозначающие направление движения субъ-

екта-подлежащего, употребляются при глагольных сказуемых, указывающих на значение движения, и отмечают только общее направление. Обстоятельство места в предложении алтайского языка выражается в первую очередь наречиями места: *Бис... кобыны өрӧ болорыс* (С. Маи.) «Мы пойдем вверх по ложбине»; *Студенттер... ӱредӱзине ойто аганып јаткан* (К. Тӧлӧс.) «Студенты снова возвращаются на занятия;» *Эбирип ойто мен келдим* (С. Маи.) «Я снова вернулся назад». *Јиркиреп јиттер эбире отурат* (С. Маи.) «С шумом молодежь рассаживается вокруг»; *Кайран јерим ынчукпай кайда да анда артып калат* (С. Маи.) «Милый край мой тихо остался где-то там»; *Кайда да ол јанында кыйгы, каткы башталган* (С. Маи.) «Где-то на той стороне начались крики, смех».

Наречное местоименное обстоятельство широко функционирует в роли обстоятельства места в предложении алтайского языка, в частности для указания общего направления движения: *ары-бери* «туда-сюда», *анаар* «туда», «*мынаар* «сюда» и др. Например: *Карабаш тельняшказын чечпей, јараттын кырыла ары-бери баскындап турды* (Л. Кок.) «Карабаш, не снимая своей тельняшки, ходил туда и обратно по берегу»; *Кижи ары-бери барбаста ла билбейтен турбай* (К. Тӧлӧс.) «Не выезжая никуда, человек ничего не знает»; *Темир јол анаар баргалак* (С. Маи.) «Железная дорога туда еще не дошла»; *Кузьма Петрович койчыларды јыргалга алдырарга анаар барып јӱрген* (К. Тӧлӧс.) «Кузьма Петрович ходил туда, чтобы пригласить овцеводов на праздник».

Обстоятельства со значением конечного пункта движения или какого-либо предела в действии выражаются именами существительными в форме дательного падежа с послелогом *јетире, јаар* «до, к»; «по направлению».

Обстоятельства места могут быть представлены в составе предложения формой творительного падежа имени существительного, имеющего значение космического или земного пространства или пути движения. Например: *Тенгериниг тӱбиле булуттар тӱрген јылыжып, неге де мендеп бараттылар* (К. Тӧлӧс.) «По небу тучи, быстро плывя, к чему-то спеша, проходили»; *Бир катап Коля ла Сӱме садла баскылап браатты* (К. Тӧлӧс.) «Однажды Коля и Сюме прогуливались по саду».

Обстоятельства времени в алтайском языке выражают самые разнообразные варианты временных отношений и указывают, в пределах какого промежутка календарного времени осуществляется действие подлежащего (субъекта).

Временное обстоятельство с указанием прошедшего момента действия, состояния выражается наречием времени.

Кече «вчера»: *Кече сенле не болгон?* (С. Ман.) «Вчера что было с тобой?»; *Балам кече оорыган* «Мой ребенок вчера заболел»; *Кече Куманын койлоры јайлузына көчүп келген* (К. Төлөс.) «Вчера овцы Кумы переведены на летние пастбища».

Башкүн «позавчера»: *Башкүн ярмарка ачылган* «Позавчера открылась ярмарка».

Байа; байа ла «недавно; не так давно» и т. д.: *Байа сени адан бедирип јүрген* «Недавно искал тебя твой отец»; *Мен байа ла анда эжингем* «Я не так давно там купался»; *Тенгери эртезинде де боро турган* (Э. Палк.) «Небо и на следующий день было пасмурным».

Былтыр «прошлый год». Например: *Былтыр бис Алтын-Көлгө барып јүргенис* «В прошлом году мы побывали на Телецком озере».

Башјыл «позапрошлый год»: *Бистин балдар үренерге башјыл баштаган* «Наши дети начали учиться с позапрошлого года».

Кроме того, временное обстоятельство выражается именными сочетаниями:

Озодон бери «с давних пор»: *Бис бу јерде озодон бери јуртап јадыс* «Мы в этой местности живем с давних пор».

Байадан бери «с этого момента»: *Олор сизди байадан бери сакып јат* «Они вас до сих пор ждут».

Туку качан «давным-давно»: *Јурттын јиит кыстары туку качан јазанғылап алган* «Юные девушки нашего поселка давно принарядились».

Временное обстоятельство со значением прошедшего момента выражается также сочетанием формы родительного падежа имени существительного, имеющего значение названия единиц времени, с существительным *туркун* «состояние, положение» в дательном падеже» *Бир јылдың туркунына мен энемди көрбөдим* «В течение целого года я не видела мамы».

Обстоятельства времени, указывающие на данный момент развития действия (познания, состояния; выявление признака чего-либо), представляются наречиями:

Эмди, эмди ле «сейчас», «теперь», «сейчас же», «вот-вот»: *Эмди олор чек көрүнбей калды* (К. Төлөс.) «Теперь они совсем не видны»; *Эмди классный час болор* (Ч. Чуниж.) «Сейчас будет классный час»; *Эмди ле јаңы јүрүмниң јарт билдирди јакшызы* (С. Ман.) «Теперь только ясна прелесть новой жизни»; *Обого эмди-эмди ле учала берер* (К. Төлөс.) «Стог вот-вот завершится».

Бүгүн «сегодня»: *Бүгүн концертке барарыс* «Сегодня идем на концерт».

Быjыл «нынешний год»: *Быjыл тайгада тийин көп»* «В нынешнем году в тайге много белок»; *Бис быjыл да институтка кирерге конкурстарда туружар эдис* (Э. Палк.) «Мы бы и в нынешнем (этом) году могли участвовать в конкурсе для поступления в институт».

Внутри обстоятельства времени выделяется вид обстоятельства со значением указания на длительность действия: *чӱрче, тургуза ла* «сию минуту», «немедленно»: *Сен мыны чӱрче кычырып ий* «Ты прочти за минуточку (вот) это»; *Шуулай эмеген тургуза ла бӧдӱгимди шингдей берди* (К. Тӧлӧс.) «Тетушка Шуулай тут же начала осматривать мою обувь».

Обстоятельство времени со значением указания на наступающий при совершении действия в ближайшем будущем отрезок времени выражается наречиями времени:

Эртен «завтра»: *Эртен экскурсияга атанарыгар* «Завтра поедете на экскурсию»; *Эртен слер келеригер* (К. Тӧлӧс.) «Завтра вы приходите».

Сонзун «послезавтра»: *Бис сонзун районого барарывыс* «Мы послезавтра пойдем в районо».

Сондо «позже, потом»: *Сондо бу кижи сенile куучындажар* «Потом этот человек поговорит с тобой».

Удабас «сейчас, в скором времени» — отрицательная форма причастия на *-ар*. Например: *Айдарда, уулым черӱден удабас ла jанатан эмтир* (К. Тӧлӧс.) «Значит, мой сын в скором времени вернется из армии».

Обстоятельство с характеристикой продолжительности действия во времени выступает в форме наречий: *узак* «долго», *jаантайын (ла)* «всегда, постоянно». Например: — *Сен кайда болгон мындый узак?* — «Где ты была так долго?»; *Кузьма узак кожондоды* (К. Тӧлӧс.) «Кузьма долго пел»; — *Сен узакка келдиң бе?* (К. Тӧлӧс.) — «Ты надолго приехал?»; *Jай jаантайын ла мындый туратан болзо* (Э. Палк.) «Если бы лето всегда было таким».

Более продолжительное действие подчеркивается обстоятельством в повторной форме типа *узак-узак*. Например: *Олор кезик ӧйлӧрдӧ узак-узак көрӱшпейт* (К. Тӧлӧс.) Они иногда долго не видятся».

Обстоятельства также могут передавать значение неопределенности установления времени совершения действия. Таковыми обычно выступают наречия, сочетания имен существительных (с семантикой времени) с другими словами. Например: *Мен канча ла катап эрте-эрте тургам* (К. Тӧлӧс.) «Я сколько

раз рано-рано вставала»; *Санат эртен тӱште биске келер* «Завтра днем к нам придет Санат»; *Энемле экӱ айлыска туку ла бозом энирде јеткенис* (К. Тӧлӧс.) Мы с мамой вдвоем домой пришли поздно вечером»; *Јӱрегим кӱнӱг ле јаҥыны бедирейт* (С. Ман.) «Сердце каждый день ищет новое».

Обстоятельство цели акцентирует преднамеренность того поступка, действия, о котором сообщается в предложении. Основными средствами выражения обстоятельства со значением цели выступает небольшое число наречий, косвенные формы падежей субстантивированных причастий (главным образом на *-ар, -р*).

Обстоятельство со значением цели в алтайском языке выражается лишь одним наречием *бӧгӧйин* «намеренно», «преднамеренно», «специально». Например: *Ол бу письмоны бӧгӧйин бичиген эмтир* (К. *Тӧлӧс.*) «Она это письмо написала намеренно»; *Мен сеге амадап бӧгӧйин келгем* (С. Ман.) «Я специально пришел к тебе».

В аналогичной функции может использоваться слово *тегин* «напрасно», «зря» или сочетание слов *тегин јерге, тегин ле* «напрасно, зря», «без надобности». Каждое из этих слов вносит в содержание предложения оттенок, противоположный ожидаемому. Например: *Слер мени тегин јерге кычырганыгар* «Вы напрасно меня пригласили»; *Мен кырга ангдап ол эмеле тегин ле чыгатам* (К. Тӧлӧс.) «Я на гору поднимаюсь на охоту или просто так».

Отсутствие многообразия наречий цели восполняется в предложении алтайского языка другими средствами выражения, в основном деепричастием на *-ып/-п*. Например: *Сыйыным сонуркап кӧрӧт меге* (С. Ман.) «Моя сестренка смотрит на меня с любопытством»; *Бир катап колхозтыҥ председатели ӧлӧн тартарына болуш эдип Иженди ийген* (Э. Палк.) «Однажды председатель колхоза отправил Ижена помочь возить сено».

Еще одно выражение наречий цели — это сочетание причастия на *-ар/-р* с формой деепричастия на *-п* от глагольной основы *-де* «говорить», «сказать». Например: *Је бис ӱчӱ институтка барар деп шӱӱжип алганыс* (Э. Палк.) «Мы трое решили идти учиться в институт».

Встречается в роли обстоятельства цели и сочетание основы глагола в повелительной форме третьего лица единственного числа с деепричастием на *-п* (от глагола *де* говорить...). Например: *...Учурал Шинени бригадага иштешсин деп ийген* (Э. Палк.) «Учурал послал Шине в бригаду, чтобы работать».

Причастия в форме дательного падежа интенсивно выступают в качестве обстоятельства цели. Например: *Ол сеге кӧрӱнерге келген* (Э. Палк.) «Она пришла показаться тебе».

В предложении могут быть и обстоятельства причины. Обстоятельства причины расширяют рамки предложения и в то же время вносят информативную специфику в содержание предложения в целом. Однако алтайский язык мало располагает специальными знаменательными словами в виде наречий для выражения обстоятельства причины. Обычно в качестве обстоятельства причины выступает одиночная словоформа *өчөшкөн* с показателем местного падежа *өчөшкөндө* «специально», «наперекор», «назло». Например: *Мен сеге өчөшкөндө институт божодорым* «Я тебе назло закончу институт».

Продуктивным способом выражения обстоятельства причины является причастие прошедшего времени на *-ган* в форме дательного или исходного падежа. Например: *Бис экӱни ондобой турганына ачыкып та, каткырып та јӱретенис* (К. Төлөс.) «Мы то сердились, то смеялись над тем, что нас не понимают»; *Јиңји оның сӱӱнип турганына бойы да сӱӱнип, кӱлӱмзиренет* (Э. Палк.) «Дьиңди, из-за его радости сама радуясь, улыбается»; *Оның јымжак отура бергенинең Аланның јӱрегине кандый да јылу јайылды...* (Э. Палк.) «От того, что она плавно присела, по сердцу Алана разлилась какая-то теплота»; *Эмдик ӱредип турганынаң оның сӱӱнип јӱрени јарт* (Э. Палк.) Ясно, что он радовался тому, что объезжал неприрученную лошадь».

Итак, основным грамматическим назначением обстоятельства в составе двусоставного глагольного предложения является выражение локальных, темпоральных (временных), причинных, целевых и прочих факторов или условий, сопутствующих тем или иным явлениям или событиям, о которых сообщается в предложении.

Заканчивая описание раздела «Двусоставное глагольное предложение», констатируем, что описанные разновидности структурно-грамматических форм двусоставного (так же, как и трехсоставного) глагольного предложения интенсивно употребляются в алтайском языке вследствие четкой функционально-семантической специализации второстепенных членов в структуре глагольного предложения (будь то односоставного, двусоставного, трехсоставного). Они синтаксически зависимы от главных членов — подлежащего и сказуемого — или от содержания предложения в целом. Присутствие второстепенных членов в структуре двусоставного, трехсоставного и т. п. предложения выводит подлежащее из рамок его собственных признаков (статических или динамических), выражаемых сказуемым, и вовлекает в пространственно-временные и объектно-обстоятельственные отношения с другими членами предложения.

Таким образом, вышеописанные структуры собственно двусоставных, трехсоставных и т. п. предложений служат языково-грамматической формой передачи структуры сложной мысли об объектах или предметах и их признаках, статических или динамических; кроме того, они служат формой выражении сообщения о человеке (активном деятеле) и его деятельности, о его отношении к чему-то (к кому-то) и т. д., об обстоятельствах, в которых находится деятель-подлежащее, или о его целях, его стремлениях и т. п. В письменной форме выражения структуры мысли о сложных сторонах, чертах и т. п. объектов, природных явлений или же об общественно-исторических, культурных и других событиях, фактах также передаются вышеописанными структурно-грамматическими формами *целых* предложений.

Однако система разрядов (классов) языково-грамматических (т. е. структурно-грамматических) форм предложений, выражающих своим конкретным содержанием типизированный, повторяющийся или же новопознанный «фрагмент» реальной действительности в языковом выражении и сообщении, в тюркских грамматических исследованиях пока не дается. Это объясняется, несомненно, громоздкостью многоаспектного подхода при таком характере (или методе) описания языковых явлений [47; 13; 150].

ГЛАВА VII

ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ДВУСОСТАВНОГО ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблема главных и второстепенных членов предложения — совершенно не исследованная область алтайского языкознания.

При подходе к проблеме синтаксического членения алтайского предложения мы также руководствовались общей лингвистической традицией, используемой в языках номинативного строя при грамматико-синтаксическом анализе компонентов предложения письменной формы речи в различных аспектах, а главным образом — разносторонней традицией общей тюркологии, русского языкознания и т. д. с учетом специфики структуры предложения алтайского языка. Поэтому дальнейшее описание категории простого предложения алтайского языка направлено на лингвистическое описание темы: главные члены двусоставного глагольного предложения.

Свойство расширения структуры центральных компонентов (главных членов) двусоставного глагольного предложения вызывает научную и практическую потребность описать отдельно (т. е. препарированно) основные способы выражения как подлежащего, так и сказуемого.

А. Подлежащее

Подлежащее — это один из двух главных членов предложения, обобщающий позицию и обозначающий активного деятеля (т. е. человека, субъекта познания), а также предмет, событие и т. д. Подлежащее в алтайском предложении присутствует во всех двусоставных глагольных предложениях. Типичной грамматической формой подлежащего выступает имя существительное в именительном падеже. Это основной морфологический признак, указывающий на независимость подлежащего-существительного. В подлежащем предложения обобщено грамматическое значение предметности в самом широком смысле слова. И поэтому в каждом случае выражения подлежащего-существи-

тельного оно имеет значение либо конкретного предмета (например: *Јааш јаады* (Л. Кок.) «Шел дождь»; либо отвлеченного понятия (например: *Јадын-јӱрӱм јаранды* «Жизнь улучшается»).

В качестве подлежащего могут выступать прежде всего имена существительные (нарицательные и собственные, одушевленные и неодушевленные и т. п.), а также категории слов, относящиеся к другим частям речи (имена прилагательные, имена числительные, местоимения и т. д.). В роли подлежащего они употребляются в субстантивированном (предметном) значении. Имя существительное свою функцию подлежащего в конкретном предложении актуализирует лишь в синтаксической взаимосвязи с глаголом-сказуемым. Подлежащее и сказуемое двусторонне связаны сказуемостным (предикативным) отношением.

Способы выражения подлежащего

Подлежащее, выраженное именем существительным

В качестве подлежащего выступают следующие имена существительные:

а) нарицательные имена существительные, охватывающие названия различных классов явлений реальной действительности. Например: *Кӱн ашты* (И. Саб.) «Солнце закатилось»; *Јаңмыр токтой берди* (И. Саб.) «Дождь прекратился»; *Ортөктөр уча бердилер* (И. Коч.) «Утки улетели»; *Олбг ӧсти* «Трава выросла»;

б) также нарицательные имена существительные, содержащие названия различных классов и видов предметов общественно-исторической действительности. Например: *Машина мактап клеет* (П. Куч.) «Машина мчится»; *Крейсер клеет* (И. Кач.) «Крейсер приближается» (дословно: «идет»); *Репетиция башталды* (Л. Кок.) «Репетиция началась»;

в) нарицательные имена существительные, подразделяющие название людей по признаку пола. Например: *Уулчак биске деремнеге бараткан јолды көрсӱзип берди* «Мальчик указал нам дорогу в деревню»; Узун кангзалу эр кижи кирнестеде тангкылап турган «Мужчина с длинной трубкой курил на крыльце». *Јиит ӱй кижи биске ак пладыла узак јаңып калган* «Молодая женщина долго махала нам своим белым платком».

В этих предложениях подлежащие, выраженные существительными *уулчак, эр кижи, јиит ӱй кижи*, называют людей по их принадлежности к определенным группам (по возрасту, полу);

г) имена существительные, являющиеся разными названиями людей по социальному положению, по профессии, по роду занятий. Например: *Городко райондордон агрономдор областной совещаниеге келгендер* «В город из районов приехали агрономы на областное совещание»; *Јай сайын студенттер совхозко јаан болуш јетирип јат* (АЧ) «Каждое лето студенты оказывают большую помощь совхозу»; *Уренчиктер јайгы каникулга таркап јат* «Ученики расходятся на летние каникулы»; *Көп туристтер бистин јерге келип јүрет* «Много туристов посещают наши места»; *Крайдан концерт көргүзерге артисттер келди* «Из края с концертом приехали артисты»;

д) имена существительные, выступающие в функции подлежащего, которые могут иметь пространственные и временные значения. Например: *Телекейдин учы јок* «Вселенная бесконечна»; *Ай божоды* «Месяц окончился» (месяц убыл); *Јыл учына јетти* «Год подошел к (своему) концу»;

е) имена существительные, которые в роли подлежащего имеют значение вещественности, собирательности. Например: *Бензин капшагай от алынат* «Бензин быстро воспламеняется»; *Кижинин байлыгы — оның билгири* «Богатство человека — его знание»;

ж) имена существительные с абстрактным, отвлеченным значением. Например: *Јадын-јүрүм јаранды* «Жизнь наладилась»; *Су-кадык не де немеден баалу* «Здоровье дороже всего»;

Особо надо отметить, что в алтайском языке есть несколько существительных, которые употребляются в отвлеченно-обобщенном значении. Это слова *керек* «дело», «занятие», *неме* «вещь», «предмет», *не* «что», *тынду* «животное». Например: *Кожо алатан немелер белен* «Необходимые вещи готовы»; *Алтайдың тууларында јүзүн-јүүр тындулар бар* «В горах Алтая много разных животных».

Подлежащее, выраженное именем прилагательным

Прилагательное в роли (или же позиции) подлежащего приобретает предметное значение. Однако категориальная семантика прилагательных не исчезает во всех случаях использования их в роли подлежащего, а поэтому такие подлежащие имеют как бы двойное значение: и качественное и предметное [14].

В роли подлежащего выступают прилагательные, которые приобретают значение предметности лишь в определенной речевой ситуации, когда предмет называется или по его признаку, или по качеству, или по манере действия. Например: *Күүнзек*

айылчыларды кӱлӱмзиреп уткыыр «Хлебосол (хлебосольный человек) гостей встречает с улыбкой»; *Санааркак амыр билбес* «Заботливый не знает покоя» (пословица); *Керишчеҥ айылдаштарыла јарашпай јат* «Скандалист не уживается с соседями»; *Карам карды да карамдаар* «Скупой и в отношении снега жадничает» (пословица);

При субстантивации прилагательные-подлежащие приобретают способность присоединять показатели словоизменения существительных — иметь при себе аффиксы множественного числа [*-дар...*, *-лар...*] и принадлежности [-зы-зи...]. Например: *Тюльпан чечектердиҥ каразы эҥ кыймат* «Из тюльпанов черные самые редкие»;

В отдельных случаях субстантивированные прилагательные-подлежащие обозначают не предмет по его признаку, качеству, а «опредмечиваемое» качество. Например: *Агы агастый, каразы килиҥдий...* «Белизна его — (как у) горностая, чернота — (как у) бархата» (пословица).

Подлежащее, выраженное именем числительным

В роли подлежащего выступает чаще всего количественное числительное. Например: *Он тӧрт экиге ӱлелип јат* «Четырнадцать делится на два»; *Бежен алты јетиге ӱлелип јат* «Пятьдесят шесть делится на семь»; *Тӧртӧн беш тогуска ӱлелип јат* «Сорок пять делится на девять»; *Ӱч катап ӱч тогус* «Трижды три девять»; *Сегис катап тӧрт одус эки* «Восемью четыре тридцать два».

Как видно из примеров, слова, обозначающие математические целые в положении делимого и множителя, выступают в качестве подлежащих в предложении.

Подлежащими бывают также собирательные числительные (с аффиксом *-у*). Например: *Ӱчӱ столды эбире отурып ийдилер* (А. Ад) «Трое сели вокруг стола»; *Тӧртӱ туристический лагерьдеҥ јаҥы ла келди* «Четверо только что вернулись из туристического лагеря»; *Алту улуска барып болужыгар* «Шестеро пойдите и помогите пожилым».

Порядковые числительные бывают подлежащими значительно реже, чем количественные или собирательные. В этом случае происходит субстантивация их. Например: *(Айылчылардыҥ) ӱчинчизи оройтып јат* «Третий (из гостей) запаздывает».

Только в субстантивированной форме употребляются собирательные числительные на -ӱле + аффиксы притяжательности

(*-эш/-зы...*). Например: *Бежйлези — менин балдарым* «(Все) пятеро — мои дети».

Итак, имена числительные, когда они выступают в функции подлежащего приобретают и значение предметности, сохраняя вместе с тем значение количества, порядка, собирательности в соответствии с грамматической природой данной части речи.

Подлежащее, выраженное местоимением

В роли подлежащего очень часто употребляются местоимения.

Возвратно-определительное местоимение *бой-*, употребленное с аффиксами принадлежности, может выступать в фуикции подлежащего. Например: *Кийимди бойы кöктöп јат* «Одежду шьет сама».

Личные местоимения могут выступать в роли подлежащего и в сочетании с определительными местоимениями *ончо* «все; всё», *бастыра* «все; всё; полностью», которые оформлены аффиксами притяжательности Например: *Олор ончозы јакшы шитеген* «Они все хорошо работали»; *Эртен бис бастырабыс мешкелеп барарывыс* «Завтра мы все идем за грибами».

В роли подлежащего часто употребляются и указательные местоимения *бу, ту*. Разумеется, семантика такого подлежащего неопредмечена. Например: *Бу бистин клуб* «Это наш клуб»; *Ол менин адам* «Тот мой отец»; *Ту менин турам* «Тот мой дом».

В роли подлежащего функционируют также вопросительные местоимения *не* «что», *кем* «кто», если неизвестным оказывается действующее лицо или предмет, о котором запрашивается формой вопросительного предложения. Например: *Не мында?* «Что здесь?»; *Кем келди?* «Кто пришел?».

Вопросительные местоимения *кем, не* в роли подлежащего могут быть употреблены в форме множественного числа: *Ол анда нелер јадыры?* «Что там лежит?»; *Кемдер атанды районный конференцияга?* Кто уехал на районную конференцию? Форма множественного числа рассматриваемых местоимений предполагает раздельное перечисление лиц или предметов при ответе.

В функции подлежащего может также выступать и вопросительно-относительное местоимение с вещественным значением *неме* в форме множественного числа. Например: *Алмарда артыкту немелер бар.* (П. Куч.) «В амбаре есть запасные вещи».

Однако роль вопросительного местоимения не ограничивается указанием на неизвестное лицо или предмет. В ряде случаев в сочетании с энклитикой *де* местоимения *не, кем,* выполняя функцию подлежащего, указывают на неопределенное лицо или пред-

мет. Например: *Не де одылды* «Что-то разбилось»; *Кем де кыйгырды* «Кто-то крикнул».

Характерной особенностью неопределенных местоимений в алтайском языке (как и в других языках) по сравнению с соответствующей (эквивалентной) семантической группой местоимений в русском языке является то, что они употребляются не только в утвердительных и вопросительных предложениях, как было показано выше, но и в предложениях отрицательных. Например: *Трактордын табыжынан не де угулбай јат* «Из-за шума трактора ничего не слышно»; *Туман өткүре не де көрүнбей јат* «Сквозь туман ничего не видно»; *Карангыда неме билдирбей јат* «Из-за темноты ничего не видно». Примеры показывают, что неопределенные местоимения, *кем де, не де* и *неме* в роли подлежащего выражают значение отрицательных местоимений лишь при отрицательной форме глагола-сказуемого.

Слово *кижи* в положении подлежащего при положительном или отрицательном аспекте сказуемого может передавать значение, свойственное сочетанию *кем де*, выступающему подлежащим при отрицательной форме глагола-сказуемого: *Мени кижи сурады ба?* «Меня кто-нибудь спрашивал?»; *Сени кижи сурабады* «Тебя никто не спрашивал».

Подлежащее, выраженное причастием

Подлежащее выражается также некоторыми формами причастия. При этом причастие может быть в форме множественного числа или в притяжательной форме (при изафетном сочетании) или иметь при себе управляемое слово. Подлежащими бывают чаще всего причастия прошедшего времени на *-ган*, будущего времени на *-атан* и реже причастия на *-ар/-ер, -аачы*. Например: *Јуунга келгендер гостиницага түштилер* «Приехавшие на совещание остановились в гостинице»; *Барнаулга докладту баргандар јанды* «Уехавшие с докладом в Барнаул вернулись»; *Кадын бажына бараткандар јолго белетенип јат* «Собираются в дорогу отъезжающие на Белуху»; *Чынын айтардын најылары көп* «У говорящего правду друзей много».

Причастие на *-аачы* в функции подлежащего выражает значение активного деятеля. Например: *Кычыраачылар конференц-залда јууды* «Читатели собрались в конференц-зале».

Подлежащее, выраженное именем действия

В роли подлежащего могут употребляться также имена действия. Имя действия в положении подлежащего сохраняет свой-

ства исходного глагола: оно может иметь при себе управляемые слова (-члены предложения). Например: *Бешјылдыктын планын өйүнде бүдүрери јаан учурлу болуп јат* «Выполнение плана пятилетки в срок имеет большое значение»; *Урокто тым отурары — кажы ла үренчиктин молјузы* «Сидеть спокойно на уроке — обязанность каждого школьника»; *Тату аш түүнери түрген* «Вкусная пища быстро съедается».

Подлежащее, выраженное сочетанием слов

Подлежащее может выражаться также словосочетаниями в назывном значении. Например: *Горно-Алтайский автономный областтын төс јери — город Горно-Алтайск* «Центр Горно-Алтайской автономной области — город Горно-Алтайск»; *Л. В. Кокышевтин «Арина» деп романы — алтай тилле бичилген баштапкы роман* «Роман «Арина» Л. В. Кокышева — первый роман, написанный на алтайском языке».

Б. Сказуемое

Теоретически в функции сказуемого могут выступать единицы языка — слова, относящиеся к различным частям речи В положении сказуемого активно используются глагол и его функциональные формы и имена существительные, что послужило грамматическим основанием для выделения двух обширных групп сказуемого: именного и глагольного.

Именное сказуемое может быть простым, сложным и составным. Глагольное сказуемое может быть простым и непростым.

Именное сказуемое

1. Простое именное сказуемое

Простое именное сказуемое может быть выражено любой частью речи, кроме глагола.

Сказуемое, выраженное именем существительным

В предложении имя существительное нередко выполняет роль простого именного сказуемого. В положении сказуемого всякое название предмета — имя нарицательное или имя собственное «добавляет» к своему предметному, исходному значению функциональный оттенок выражения признака, которым дается

оценка, характеристика той или иной стороне, индивидуальности активного деятеля (человека) или деятельного предмета, выступающего в функции или позиции подлежащего.

Простое именное сказуемое может быть выражено:

а) одиночным именем существительным. Такое именное сказуемое отмечает профессию, специальность и т. д. деятеля (т. е. человека), выступающего подлежащим в именном (двукомпонентном) предложении. Например: *Мен поэт* (П. Сам.) «Я поэт»; *Сен ишчи* «Ты рабочий»; *Ол йредйчи* «Он учитель»; *Бис студенттер* (Л. Кок.) «Мы студенты»; *Слер йренчиктер* «Вы школьники»; *Олор агрономдор* «Они агрономы»; *Коён — тынду* «Заяц — животное»;

б) парным именем существительным, указывающим на признак различного явления (в природе и обществе). Например: *Жер йстинде жадын-жйрймнин жебрен керечизи — ар-бйткен* «Вечный свидетель жизни на земле — природа»; *Телекейде ырыстын тёзёёзи — амыр-энчй* (АЧ) «Основа счастья на земле — мир».

Как видим, способом различения одинаковых по форме имен в разных синтаксических функциях выступает словопорядок. Именное сказуемое своей семантикой подчеркивает лишь внешние особенности в подлежащем (предмете, носителе определенного признака, субстанции).

Существительное в позиции именного сказуемого может выступать и в косвенной форме:

а) притяжательного падежа. Например: *Тайак — апшыактын* «Костыль — старика»; *Какпак — чёйдённин* «Крышка — чайника». Такой тип сказуемого функционирует в контексте предложения, в котором важно констатировать факт принадлежности предмета к (тому или иному) лицу (владельцу) или части к целому;

б) дательного падежа. Например: *От очокко* «Огонь для очага»; *Ок мылтыкка* «Пуля для ружья» (пословица).

В первом предложении предметная сущность слова *от* «огонь» в роли подлежащего обозначает предназначение его другому предмету. В свою очередь слово, выступающее в роли сказуемого — *очокко* «для очага», — выражает сферу применения данного свойства предмета, воплощенного в семантике слова *от*, действующего в качестве подлежащего. Аналогично — и во втором примере;

в) местного падежа. Например: *Кийиктин кёзи кырда, кижинин кёзи кижиде* «У оленя глаза (смотрят) на гору, у человека — на человека» (пословица), т. е. животное обитает в природе, а человек — в обществе людей; *Аш кылгада, бала јашта* «Хлеб при всходе, ребенок в малолетстве» (познается) (пословица)

(дословно: как хлеб нуждается в хорошем уходе, так и ребенку необходимо получать воспитание с первых дней жизни).

г) творительного (орудийного) падежа. Например. *Агын суунын салла* «Текучую реку (переплывают) при помощи плота»; *Ас улус јӧплӧ* «Малый (малочисленный) народ (живет) взаимопомощью, взаимосогласием» (пословица);

д) исходного падежа. Например: *Кийик тӱгинен* «Зверь (ценится) по (качеству) шкурки»; *Кижи кылыгынан* «Человек (ценится) по поступкам».

Характерная черта в предмете является источником оценки или характеристики его достоинства.

Сказуемое, выраженное именем прилагательным

Простое именное сказуемое, выраженное прилагательным, характеризует предмет, вступающий как подлежащее, в отношении различного его состояния.

Именное сказуемое, выраженное качественным прилагательным: *Јер-телекей јараш* «Вселенная красива»; *Јайгы тӱн кыска* (М. Терк.) «Летняя ночь короткая»; *Ээн јер эрикчил* «Необитаемая земля унылая»; *Мактанчактын таманы јукачак* (пословица) «У хвастуна подошва (опора) тонка»; *Кедер ат чанакка коомой* (пословица) «Норовистая лошадь в санях плохая»; *Кедер кижи јонго коомой* «Упрямый человек для народа плох».

В приведенных предложениях именное сказуемое отмечает в подлежащем тот или иной признак или качество как присущее ему вообще. Так, в первом предложении сказуемое *јараш* оттеняет эмоциональное воздействие сущности природного явления, воплощенного в значении имени существительного *јер-телекей* (выступающего в данном предложении как подлежащее); во втором — сказуемое *кыска* подчеркивает свойство, присущее явлению, которое в предложении представлено именем существительным *тӱн* (в роли подлежащего); в третьем — сказуемое *эрикчил* выражает внутреннее состояние человека (субъекта), которое называется внешним видом местности, переданное словосочетанием *ээн јер* (выступающим также как подлежащее); и в последних предложениях сказуемые *јукачак* и *коомой* отмечают отрицательную сторону в объекте речи, т. е. в подлежащем (*ат; кижи*).

Именным сказуемым являются также качественные прилагательные в форме интенсива. Например: *Апшыйактын бажы боп-боро* «Голова деда совершенно седая»; *Кырадагы кӱнкузук сап-сары* «На полях подсолнечник ярко-желтый»; *Быјыл тӱшкен кар кап-калын* «В этом году снег очень глубокий».

Именные сказуемые *боп-боро, сап-сары, кап-калын* — интенсивные формы качественных прилагательных *боро, сары, калын*.

Относительное прилагательное в позиции простого именного сказуемого раскрывает тот или иной характерный признак в подлежащем с оттенком пристрастия, склонности к чему-либо. Например: *Јалку кижи айылзак* (пословица) «Ленивый человек любит в гости ходить». Рассматриваемое прилагательное отмечает полезность (или ценность) чего-либо: *Чын сöс баалу* «Правдивое слово очень дорого».

Сказуемое, выраженное именем числительным

Имя числительное в функции сказуемого используется сравнительно редко. В позиции именного сказуемого числительное бывает тогда, когда требуется выделить количество или ограниченность предметов, вещей и т. д.:

а) в количественном обозначении. Например: *Экспедицияга барган студенттер одус беш* (кижи) «Студентов, уехавших в экспедицию, тридцать пять (человек)».

Количественное числительное выступает в функции простого сказуемого также путем прибавления к основе слова, передающего значение какого-либо числа, аффиксов *-ту/ду..., -лу...*, выносящих оттенок неполного счета, например времени. *Мен эки јаш јарымду* (И. Шниж.) «Мне два с половиной года».

б) в порядковом расположении. Например: *Мынан менин айлым јетинчи* «Отсюда мой дом седьмой».

в) в собирательном значении. Например: *Бис экӱ ле* (К. Тöлöс.) «Нас только двое»; *Конференцияга барган улустын тоозы төртӱ* «Людей, уехавших на конференцию, четверо».

г) в разделительном исчислении. Например: *Бу яблоктын килограммы бир салковой беженнек* «Килограмм этих яблок стоит один рубль пятьдесят копеек».

Сказуемое, выраженное местоимением

Именным сказуемым нередко являются местоимения личные, указательные, вопросительные, определительные.

А. А. Шахматов говорил, что «Местоимения-существительные не могут быть сказуемым, так как, в противоположность существительным, они не выражают сами по себе каких-нибудь признаков» [147, 188]. Верно, местоимение не называет номинально (индивидуально) предметы, а лишь указывает на них. Так, например, личные местоимения указывают на уже известные дейст-

вующие, упомянутые лица. Это же свойство относится и к указательным местоимениям. В противоположном случае они не могли бы быть коммуникативны, информативны.

Использование местоимения в качестве простого именного сказуемого носит характер определенного своеобразия. Например: *Бу бир катап берилген јӱрӱмниҥ эзи — мен* (Л. Кок.) «Единственный хозяин данной судьбы — я»; *Аҥ куштыҥ эзи — сен* (А. Ер.) «Хозяин зверей и птиц — ты».

Личные местоимения *мен* «я», *сен* «ты» в функции простого именного сказуемого отмечают, к какому грамматическому лицу (и одновременно числу) относят тот признак, название которого в предложении фигурирует в положении главного члена предложения — подлежащего.

Местоимения *бу* «это», *ол* «то», *ту* «вот, то» обладают указательным значением и в функции простого именного сказуемого. Например: *Ойто келгеним бу* «Мой обратный приход это»; *Іериме једип келгеним эмди бу ба?* «Это ли мое возвращение на родину?»; *Кӱстиҥ келгени бӱ (туру)* (Э. Палк.) «Это приход осени».

Вопросительные местоимения в функции сказуемого служат для выяснения, к категории каких предметов относится подлежащее (вопросительное местоимение). Например: — *Адыҥ кем?* — *Мундузак.* — *Сӧӧгиҥ не?* — *Мундус* (Ч. Чуниж.) «— Как тебя зовут? (дословно: «Имя твое кто?»). — Мундузак. — Из какого рода (племени)? — Из мундусов»;

Вопросительно-определительное местоимение в функции сказуемого запрашивает о таком признаке в подлежащем, значение которого обязательно должно быть выражено в содержании ответного предложения в конкретном или в общем виде посредством относительного местоимения, чаще всего без вопросительной интонации. Например: *Обӧкӧӧр кандый?* (П. Куч.) «Как ваша фамилия?»; *Эди кандый, мӱни андый* «Какое мясо, такой (же) бульон».

Итак, простое именное сказуемое выступает без морфологического показателя лица. Связь подлежащего и именного сказуемого устанавливается собственно синтаксическими средствами — порядком слов и смысловым соотношением.

Кроме того, простое именное сказуемое отмечает такой признак в явлении, который вообще не укладываетя в рамки какого-либо синтаксического времени (например: *Бу јӱстӱк кӱмӱш* «Это кольцо — серебряное») или совпадает с настоящим временем (*Ол кайчы* «Он сказитель»).

Сказуемое, выраженное наречием

Наречия также выполняют функцию простого, именного сказуемого. Это наречия места, времени, образа действия, меры и степени. В зависимости от разряда наречное сказуемое может обозначать различные обстоятельственные значения, с которыми взаимодействует подлежащее в предложении. Так, сказуемое, выраженное наречиями времени *эртен, сонзун, узак*, обозначает определенный временной отрезок предстоящего явления (подлежащего). Например: — *Сен узакка ба?* «Ты надолго?»; *Фестиваль эртен* «Фестиваль завтра»; *Чаначылардың областной мөрөйи сонзун* «Областное соревнование лыжников послезавтра»...

Наречия меры: *Јер үстинде амыр-энчү күүнзеген улус көп* «Людей, любящих мир на земле, много»; *Ороонывыста биик туулар көп* «На нашей родине высоких гор много».

В вышеприведенных предложениях сказуемые, выраженные неопределенно-количественными словами-наречиями, показывают состояние подлежащего в неопределенно-количественном отношении.

Наречия *мында, төмөн*, выступая как именные сказуемые, указывают на местонахождение, пространственное положение предмета или лица, выступающего подлежащим в данных предложениях. Например: *Санай Маратович мында* «Санай Маратович здесь»; *Јаанам јатқан јурт төмөн* «Поселок, где жила моя бабушка, там, внизу».

2. Сложное именное сказуемое

Сложное именное сказуемое выражается сочетанием более чем из двух слов. Стержневым, главным словом в этих словосочетаниях выступают именные части речи (существительные, прилагательные, числительные). Сложное именное сказуемое встречается только в предложениях, где оно выражает признак подлежащего, не связанного с определенным грамматическим временем. Например: *Оның коркушту өкпөринкей кижи* (Л. Ад.) «Оный же очень обычный человек»; *Сен сүрекей јакшы ул!* (А. Ад.) «Ты очень хороший парень!»

3. Составное именное сказуемое

Составное именное сказуемое образуется на конструктивной основе простого и сложного именного сказуемого путем сочетания их при помощи вспомогательных глаголов, выражающих различные грамматические значения.

Именной частью составного именного сказуемого выступают имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, которые выражают основное смысловое значение. Каждое из имен может иметь при себе определителя. Составное сказуемое характеризует качественный признак, свойство и другие стороны действующего лица или предмета, выраженного подлежащим в именном предложении.

В образовании составного именного сказуемого могут принимать участие разные вспомогательные слова. Это прежде всего вспомогательные глаголы *бол-* и *э-* (*эт-*), которые несут роль выразителя абстрактно-грамматического значения.

Слово *бол-* имеет самостоятельное синтактико-семантическое значение «быть», «становиться». Например: *Бүгүн мында солун тушташ болор* (У. Сад.) «Сегодня здесь состоится интересная встреча»; *Тушташ болгон. Эрмек-куучын узак өткөн* (У. Сад.) «Встреча состоялась. Беседа длилась долго».

Глагол *бол-*, сочетаясь с именной частью составного именного сказуемого, указывает на то или иное состояние субъекта в плане прошлого, будущего или настоящего (в положительной и отрицательной форме). Например: *Калас иш болды* (И. Саб.) «Была напрасная работа»; *Сен завтракта болбогон* (Л. Кок.) «Ты не был на завтраке».

В качестве связки могут употребляться и перифрастические формы глагола *бол-*, выражающие предположительность, сомнение или желательность. Например: *Эмди кереги кату болор болбой* (А. Ад.) «Теперь его дела, наверно, усложнятся»; *Слер армияда командир болгон болбойыгар?* (Л. Кок.) «Вы в армии были командиром?».

Сказуемое, выраженное качественным или относительным прилагательным со связкой *бол-* в форме (причастия) настоящее-будущего времени на *-ар...* и на *-атан...*, констатирует постоянное качество или свойство подлежащего. *Тегериниң өңи чаңкыр болор* «Цвет неба бывает голубой»; *Көп кычырып турган кижи јаан билгирлүү болор* «Много читающий человек будет много знать», *Күнниң чогы изү болор* «Луч солнца бывает горячий».

Глагол *э-* в форме на *-ди* (прошедшего времени) в сочетании с именем существительным обозначает состояние подлежащего в настоящем времени. Например. *Бу јуртта кем үредүчи эди?* «Кто учитель в этом поселке?»; *Бу јуртгың үредүчизи мен эдим* «Я учитель этого поселка»; *Каранын энези шитенкей үй саачы эди* (Л. Кок.) «Мать у Кара — трудолюбивая доярка».

Сказуемое, выраженное именем числительным, количественным, порядковым и др., в сочетании с глаголом *бол-* или со связкой *э-* обозначает количество, связанное с подлежащим или по-

рядковое его положение. Например: *Бүгүн арифметикала алган темдегим беш эди* «Оценка, которую я получил сегодня по арифметике, пять»; *Чаначылардың мөрбәшинде мен үчинчи болгом* «На лыжных соревнованиях я был третьим (на третьем месте)».

Слова *бар* и *јок* могут выступать составным именным сказуемым в сочетании с глаголом *бол-* (в различных причастных формах *-ган... -ар... -атан... -гадый* и т. д.) и со связкой *э-*, выступающих в форме прошедшего времени. Например: *Менде андый книга бар болгон* «У меня была такая книга»; *Карабашта коомой темдек јок эди* (Л. Кок.) «У Карабаша нет плохой отметки».

Глагольное сказуемое

1. Простое глагольное сказуемое

Глагольный тип сказуемого является наиболее употребительным. То, что чаще всего именно глаголы являются сказуемым в двусоставном, трехсоставном глагольном предложении, объясняется их семантикой, позволяющей им обозначать различные действия, процессы и состояния в самых необычных или неожиданных отношениях не только к производителю действия (лицу или предмету), но и к другим предметам и явлениям реального мира. Короче говоря, глагол — единственная часть речи, которая может передать содержание о процессе проявления того или иного динамического признака предмета-подлежащего во времени и пространстве. Итак, личный глагол — наиболее широко используемая форма сказуемого в глагольных предложениях.

Простое глагольное сказуемое указывает на действие или состояние подлежащего в плане прошлого, настоящего или будущего времени. Такое сказуемое выражается так называемой окончательной формой глагола [57, 234]. Подобная форма глагола имеет самостоятельное семантическое содержание и употребляется во всех временах, наклонениях, лицах, числах.

Простое глагольное сказуемое в форме прошедшего категорического времени (на *-ды*) в изъявительном наклонении обозначает завершенное действие подлежащего. Например: *Кайчыны улус аламашшкир ашла кӱндӱледи* (ААЧС) «Сказителя люди угощали вкусной едой»; *Кыстар ончозы Эжер јаар суракту көрдилер* (А. Ал.) «Все девушки вопросительно посмотрели на Эжера».

Рассматриваемое сказуемое в форме настоящего-будущего времени на *-ар/ер* обозначает действие, ожидаемое в будущем. Например: *Башгактың бажы јарылар* «У шалуна голова разбивается»; *Кериш-согуш јакшыга башгабас* «Ссора к хорошему не приводит»; *Фирс оны билер* (Б. Ук.) «Фирс знает его».

Сказуемое, выраженное формой причастия на *-галак*, обозначает ожидаемое, но не совершающееся в момент речи действие; на русский язык переводится отрицательной формой глагола с частицей *еще*. Например: *Јас келгелек* «Весна еще не наступила»; *Мен институтка киргелегим* «Я еще не поступил в институт»; *Энемнен бичик алгалагым* «От мамы письмо пока не получила».

Сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени на *-т* или *-адыры, -едири*, обозначает действие или состояние подлежащего, которое совершается в момент речи. Например: *Кайыр каскактарга курчаткан суу көрүнет* «Виднеется вода (река), окруженная крутыми, каменистыми склонами»; *Агаш кунукчыл шуулайт* «Грустно шумит лес»; *Карда јаңы таканың изи јадыры* «На снегу лежат следы от новых подков».

Сказуемое, которое выступает в причастной форме на *-ганча...*, обозначает действие, начавшееся в недалеком прошлом и продолжающееся в настоящем времени. Например: *Карабаш эмдиге ле газет јураганча* (Л. Кокышев) «Карабаш все еще оформляет (разрисовывает) газету».

Простое глагольное сказуемое, выраженное формой повелительно-желательного наклонения, в зависимости от семантики глагола может передавать смысловые оттенки просьбы, совета, наставления. Например: *Амыр артыгар!* «Счастливо оставаться!»; *Ойто јаныгар!* «Возвращайтесь!»; *Кайран Алтай, јакшы болзын!* «Милый Алтай, до свидания»; *Ге, эзен болзын!* «Ну, будьте здоровы!»; *Албаты-јон јакшы јатсын* «Пусть народ живет хорошо».

Сказуемое, выступающее в 1-м лице единственного (или множественного) числа повелительно-желательного наклонения, обозначает желание действующего лица (подлежащего) совершить то или иное действие: *Мен үлгер кычырайын* «Я прочитаю-ка стих».

Сказуемое во 2-м лице единственного или множественного числа повелительно-желательного наклонения выражает категорическое повеление совершить действие, обращение к собеседнику: *Бу кичинек кызычакка јурук јура* «Этой маленькой девочке нарисуй рисунок»; *Стенгазетке заметканы слер бичигер* «В стенгазету напишите заметку вы».

Сказуемое в 3-м лице единственного (или множественного) числа указывает на желание как на косвенное повеление, обращение к тому лицу (предмету или явлению), которое выражено подлежащим. Например: *Балдарыгар јакшы јүрзин* «Пусть ваши дети будут здоровыми»; *Советский албаты аргалу јатсын* «Пусть советский народ живет в достатке».

Сказуемое, выступающее в форме глагола условного накло-

нения, в простом личном предложении обозначает не условие, а просьбу или даже приказание. Например: *Айылдап келген айылчыларды аламыр-шикирле кӱндӱлезегер* «Прибывших гостей угощайте же сладостями»; *Таадаҥ сыйлаган сыйды алзаҥ* «Возьми же подарок (своего) деда».

В качестве сказуемого используются многочисленные причастные формы алтайского языка. Поскольку в них, в отличие от обычного простого именного сказуемого, выражается лицо деятеля, мы эти формы относим к конечным формам глагола (вербум финитум). А сказуемое, когда оно дано в этих причастных формах, фигурирует в качестве простого глагольного сказуемого.

Сказуемое, соединяющее форму на *-ган*, может обозначать состояние предмета или лица, выраженного подлежащим, в плане недалекого или более отдаленного прошлого. Например: *Кече тӱжиле јаҥмыр јааган* «Вчера весь день шел дождь»; *Јаскыда кӱкӱрт тыҥ кӱзӱреген* «Весной гром сильно гремел»; *Јааштаҥ сууныҥ јарады тыҥ ырылган* «Дождь сильно размыл берег реки».

Указанное сказуемое может обозначать действие, совершенное в прошлом, безотносительно к определенному времени. Например: *Јирме беш кижи аргадагам* «Я спас двадцать пять человек»; *Шураны анчадала чайык тыҥ санандырган* (Э. Палк.) «Наводнение особенно сильно обеспокоило Шуру»; *Быјыл колхозчылар јааштаҥ улам ӧлӧҥ орой чапкылаган* «Ныне колхозники из-за дождя поздно приступили к сенокосу».

Из примеров мы видим, что причастие на *-ган* в роли сказуемого отмечает лишь факт действия, не завершенного во временном протяжении, как бы предполагая повторение аналогичного действия в настоящем или будущем времени.

Сказуемое, выраженное причастием на *-атан, -йтан*, обозначает постоянное состояние в прошлом или намечаемое действие в будущем, о котором говорят в настоящем. Например: *Чытылдай Карчааны јаантайын мактайтан* (А. Ад.) «Чытылдай всегда хвалил Карчаа»; *Эртен айылчылар кычыратам* «Завтра позову гостей»; *Роман аҥчы ийдин коркушту сӱӱйтен* «Роман очень любил свою охотничью собаку»; *Алан энезиле јаантайын Согонолу кырдыҥ ары јанында Маргалуныҥ ичинде јайлагылайтан* (Э. Палк.) «Алан с матерью всегда проводили лето в долине Маргалу по ту сторону горы Согонолу».

Причастие на *-гай*, выступая в качестве сказуемого, указывает на действие, исполнение которого желательно как для говорящего, так и для его собеседника или третьего лица вообще. Например: *Эртен ле ишке чыгайын* «Завтра же выйду на работу»; *Балтырганду кобыда бригадага баргайыҥ* «Ладно, пойдешь в

бригаду в ложбине Балтырганду»; *Армиядан јаңы келген кижи јер көрөбй* (Э. Палк.) «Человек, недавно вернувшийся из армии, пусть познакомится с землей» (с местностью).

2. Составное глагольное сказуемое

Составное глагольное сказуемое также выражает действие или состояние субъекта в различных грамматических временах. Оно образуется из сочетания деепричастной формы глагола с окказионально-вспомогательным глаголом в форме одного из времен изъявительного (желательного и т. д.) наклонения.

Составные глагольные сказуемые указывают на действие или состояние подлежащего в настоящем, будущем или прошедшем времени. Составные глагольные сказуемые по способу образования можно разделить на четыре типа. Такое их разделение зависит от роли вспомогательных глаголов, которые выполняют функцию выразителя формально-грамматических значений и вносят различные (видовые) оттенки в содержание предложения, указывая на начало или конец, на законченность действия.

В составных глагольных сказуемых основной компонент, несущий вещественное значение, может стоять в деепричастной форме на *-ып* или на *-а/-й*, а вспомогательный глагол выступает в спрягаемой форме.

а) Составные глагольные сказуемые, образованные посредством вспомогательных глаголов *јӱр* «ходить», *тур* «стоять», *отур* «сидеть», *јат* «лежать», указывают на длительность действия или состояния. Основной компонент в них выступает в деепричастной форме на *-ып*... Например: *Карды бӱркенген јурт куйун өткӱре ле көрӱнип турат.* (Л. Кок.) «Сквозь пургу едва виднеется поселок, занесенный снегом»; *Пионерлер карыган эмегеннин айлына јаантайын кирип јӱредилер* «Пионеры постоянно приходят в дом старой женщины»; *Уйкузы чыкпаган Коля айакта чегенди јастыра калбактап отурды.* (Л. Кок.) «Еще не совсем очнувшийся ото сна, Коля черпал чеген мимо чашки»; *Деремнеде бир де туранын оды көрӱнбей турды* (Л. Кок.) «В деревне не было видно ни одного дома с освещенным окном».

В примерах составного глагольного сказуемого *көрӱнип турат, кирип јӱредилер, калбактап отурды, көрӱнбей турды* обозначают непрерывность действия и состояние подлежащего или в прошлом или в настоящем времени.

б) Составные глагольные сказуемые, образованные посредством вспомогательных глаголов *сал-, кой-* «положить», *кал-* «оставаться», *ий-* «отправляться», *кон-* «останавливаться», *сок-* «бить», обозначают мгновенность или законченность действия в

одном из трех времен изъявительного наклонения. В качестве основного компонента выступает деепричастная форма на *-ып* или на *-а(-е)-й*. Например: *Арина уулчагының бажын кату ала-кандарыла араай сыйман шйди* (Л. Кок.) «Арина загрубевшими ладонями тихонько погладила голову сына»; *Энези курсакты кайнадып салды* «Мать его приготовила ему еду»; *Салкын айыл-дың эжиги ача сокты* «Ветер распахнул двери аила»; *Эркечи талдардың ортозында көрүнбей калды* «Эркечи исчез в зарослях тальника»; *Сапыр уйку аразында тура конды* «Сапыр соскочил с постели во время сна»; *Атпай караганды јарат јаар ыраак ме-геден шйди* «Атпай далеко бросил харпуса на берег».

Из примеров видно, что сказуемые, основной компонент которых выражен деепричастной формой на *-ып*, в сочетании с вспомогательными глаголами *салды, шйди, калды* указывают на законченность действия в прошлом. А сказуемые, основной компонент которых стоит в деепричастной форме на *-а*, в сочетании с вспомогательными глаголами *сок-, кон-* передают мгновенность действия также в прошедшем времени.

в) Составные глагольные сказуемые, образованные посредством глаголов *түш-* «падать», *көр-* «смотреть», *башта-* «начать», *чык-* «выходить», *божо-* «кончать», выражают начало действия, а также внезапность или законченность его. Основной компонент в них выступает чаще всего в деепричастной форме на *-ып*. Например: *Карамай адазының мылтыгынан тангма адып көрди* «Карамай из отцовского ружья пострелял в мишень»; *Јаан јагы ла божоды* «Дождь только что прекратился»; *Параганың алды-нан меге удура кичинек кара шйдичек үрүп чыкты* «Из-под ворот мне навстречу залаяла маленькая черная собачка»; *Эки карын-даш сууның јарадында јаан ташгардың јанына тура түштилер* «Два брата остановились на берегу у больших камней» (сказка).

В предложении, где вспомогательным словом является глагол *башта-*, сказуемое обозначает начало действия, так как в самом глаголе заложено значение «начинать». Противоположное семантическое значение имеет глагол *божо-* «кончать» и в функции вспомогательного слова указывает на законченность действия. Глаголы *чыкты, түшти* выражают мгновенность и неожиданность.

г) Составные глагольные сказуемые, образованные при помощи вспомогательных глаголов *ал-* «взять», *бер-* «дать», *бар-* «идти», *кел-* «приходить», выражают действия, направленные на само действующее лицо, или указывают на направление движения вообще. Основной компонент в этом виде сказуемых употребляется в деепричастной форме на *-ып* или на *-а(-е)-й*. Например: *Айылга Муйна кирип келди.* «В айыл вошел Муйна»; *Оттогы*

чөйгөн шуулай берди «Закипел чайник, стоящий на огне»; *Сүнүш јаңы саап экелген сүттен ичип алды* «Сюнюш напился свежего молока»; *Агын сууга јүзүп алдым* «Я поплавал в реке».

Данные примеры показывают, что составные глагольные сказуемые, в которых в качестве вспомогательных выступают глаголы *берди, барды, келди,* выражают действие или состояние подлежащего. Вспомогательный глагол *алды* указывает на действие, осуществляемое со стороны действующего лица, являющегося подлежащим.

Формальное уподобление форм подлежащего и сказуемого

Формальное уподобление (согласование) главных членов двусоставного глагольного предложения — эта грамматическая координация форм подлежащего и сказуемого.

Внешне сходное с согласованием уподобление отличается от него в главном — при согласовании осуществляется связь слов, одно из которых является зависимым, а другое подчиняющим, при уподоблении же осуществляется связь слов равноправных (взаимообусловленных) в организации структуры собственно двусоставного глагольного предложения.

Синтаксическая взаимосвязь и функция двух главных членов — подлежащего и сказуемого — способствуют формированию и выражению дальнейшего развернутого высказывания о тех или иных явлениях (объективного) мира, потому что подлежащее знаменует собой предмет или носителя (свернутой) динамики или статики, а сказуемое выражает признак динамический (или статический) в подлежащем во времени и пространстве. В этом заключается причина их тесной синтаксической связи, которая рассматривается как самая основная, предикативная, выступающая структурно-грамматической основой двусоставного глагольного предложения.

Уподобление подлежащего и сказуемого в лице

Глагольные (простые, сложные и составные) и именные (составные) сказуемые уподобляются в лице с подлежащим, выраженным личными местоимениями 1-го, 2-го и 3-го лица обоих чисел. Например: *Мен кече келдим* «Я вчера пришел»; *Бис олордың керегине јакшы болужарыс* (Э. Палк.) «Мы им поможем хорошо в их делах»; *Слер мындый түнде кайдаар барарга тураар?* (Э. Палк.) «Куда вы собираетесь поехать в такую ночь?»; *Олор туштажа бергенине сүүнгилеп турды.* (Э. Палк.) «Они были рады встрече».

При подлежащих, выраженных словом *бой-* «сам, сама» или сочетанием имени с местоимениями *ончо* «все», *бастыра* «все» (и иногда собирательными числительными) с притяжательными аффиксами 1-го и 2-го лица, сказуемое ставится в форме лица, соответствующего аффиксу принадлежности. Например: *Бойыстын керегисти бойыс јакшы билерис.* (Э. Палк.) «Мы сами хорошо знаем нашу работу».

При подлежащих, в которых используются существительные (вне зависимости от того, употребляются они с аффиксами принадлежности или без них), сказуемое имеет форму 3-го лица: *Кӱрендей таайыс макалу айтты.* (А. Ал.) «Наш дядя Кюрендей складно сказал»; *Эјелериг келбеди.* (Л. Кок.) «Твои тетки не пришли».

В алтайском языке простое именное сказуемое не принимает аффиксов лица, поэтому здесь решающее значение имеет порядок слов: препозиция подлежащего и постпозиция простого именного сказуемого. Например: *Мен ӱредӱчи.* (Л. Кок.) «Я учительница»; *Сен инженер* «Ты инженер»; *Сапыр јурукчы* «Сапыр художник».

Уподобление подлежащего и сказуемого в числе

Во всех случаях уподобления в лице (в 1-м, 2-м и 3-м) имеет место уподобление и в числе. Это относится не только к глагольному, но и к именному составному сказуемому. Например: *Мен база анайда санаып јадым.* (А. Ал.) «Я тоже так думаю»; *Бис сен керегинде куучындаштыс.* (А. Ал.) «Мы говорили о тебе»; *Слер кокурлап турган болбойыгар?!* «Вы шутите?!»; *Олор кокурлажып (куучындажып) сӱӱнчилӱ отурдылар.* (Э. Палк.) «Они были веселы от шуток (и разговоров)».

При согласовании подлежащего и сказуемого в 3-м лице уподобление в числе не всегда проводится последовательно. Например: *Олор канча конокко Аланла кожо шитегилеп јат.* (Э. Палк.) «Они столько дней вместе с Аланом работают»; *Олор аттарын бербес.* (А. Ал.) «Они своих лошадей не дадут».

Это, видимо, зависит от семантики слова, которое выступает как подлежащее. Если в роли подлежащего функционирует имя существительное одушевленное (относящееся к категории человека), то глагольное сказуемое в 3-м лице может быть оформлено (неоформлено аффиксом множественности *(-лар..., -дар..., -тар...)*. Если в роли подлежащего функционирует имя существительное, обозначающее неодушевленное явление или одушевленное (кроме человека), то глагольное сказуемое, как правило, имеет в 3-м лице форму единственного числа (хотя

к некоторых случаях не исключается и форма множественного числа). Например: *Тулар көпти көргөн (көпти укқан)*... (Э. Палк.) «Горы многое видели (многое слышали)»; *Каникулдар келер.* (Л. Кок.) «Каникулы подойдут».

При подлежащем, которое выражено именем в форме множественного числа или собирательным существительным, глагольное сказуемое может иметь форму взаимного или многократного залога, которая в этих случаях служит своеобразным грамматическим средством внутреннего согласования сказуемого с подлежащим (т. е. по смыслу): *Балдар (ӧзӱп, чыдап) (ишке, ӱредӱге) баргылап јат.* (Э. Палк.) «Дети (возмужав, окрепнув (разъезжаются (на работу, на учебу)»; *Олор канча конокко Аланла кожо ишгегилеп јат.* (Э. Палк.) «Они уже несколько дней работают вместе с Аланом»; *Кырлар ак туманга буруксыгылап калды.* «Горы затянулись белым туманом».

Простое именное сказуемое согласуется с подлежащим, выраженным личным местоимением, посредством аффикса множественного числа *-тар/-тер..., -лар/-лер...* Например: *Бис депутаттар* «Мы депутаты»; *Олор кожончылар* «Они певцы».

Но встречаются случаи, когда форму именного сказуемого нельзя отнести ни к единственному, ни ко множественному числу. Такое сказуемое нейтрально в отношении как грамматического лица (без показателя аффикса лица), так и числа и указывает только на качественное состояние субъекта (подлежащего) (которое может быть как в единственном, так и во множественном числе). Например: *Олор экилези орто ӱредӱлӱ* (С. Маи.) «Они обе со средним образованием».

Все отсутствующие грамматические значения в простом именном сказуемом восполняются в составном именном сказуемом благодаря вспомогательным глаголам *бол-* и *э-*, во всех трех лицах принимающим аффиксы лица, числа: *Слер медик болорыгар* «Вы станете медиком».

Подлежащее и сказуемое, являясь главными членами двусоставного предложения, обозначают предикативное отношение, обеспечивающее выражение законченного высказывания. Они тесно связаны между собой по смыслу.

Таким образом, в научно-теоретическом решении вопроса о типах двусоставного предложения также важно рассмотреть лексико-семантические средства выражения подлежащего, формы именного и глагольного сказуемого и координацию подлежащего и глагольного сказуемого в двусоставном глагольном предложении специально. Вопросы согласования подлежащего и глагольного сказуемого очень важны для изучения типов двусоставного глагольного предложения вообще.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При изучении и описании системы (языково-категориальных и структурно-грамматических форм) простого предложения внимание было направлено на выяснение содержательного, изобразительного (отображательного) и функционального диапазона самостоятельной единицы языка, выступающей (или могущей выступать) как отдельное предложение. В процессе исследования категории простого предложения мы придерживались ряда ограничений и необходимых последовательностей: прежде всего особо были рассмотрены единицы языка, номинующие (называющие) внешний (реальный) объект, отдельный предмет и т. п. и формирующие (исходные, первичные) языковые формы предложений, так как в таких языковых формах предложений предметно-понятийное содержание, форма выражения (данного содержания) и коммуникативная функция находятся в единстве. Иными словами, в сфере категории простого предложения формируется, стабилизируется, развивается структура различных (разрядов) категорий предложений, языково-грамматическими формами которых передается материальное содержание о многообразных объектах и их признаках (динамических, процессуальных, статических) и т. д.

В монографии изучению подверглись только основополагающие вопросы из данной обширной проблематики (вынесенной в заглавие данной монографии), раскрытие и объяснение которых представляется наиболее важным и плодотворным с точки зрения поставленной научной цели в осуществленном нами характере исследования системы алтайских простых предложений. В частности, особое значение было придано грамматическому описанию единиц языка, не имеющих самостоятельного разрядного места в регламентированных грамматиках, например категория звукоподражания и т. д. При включении категории звукоподражания и категории междометия в общую систему простого предложения последние заняли в ней обособленное — категориальное — место, что, в свою очередь, оказало соответствующее влияние на рассмотрение и осмысление системы простого предложения более подробно и детально.

БИБЛИОГРАФИЯ[1]

1. Абдулаева Н. Дж. Двусоставное предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1965.

2. Абрамов А. Б. Типология элементарного предложения в современном немецком языке. М., 1972.

3. Аврорин В. А. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л., 1948.

4. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.

5. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.

6. Аксаков К. О грамматике вообще. Собр. соч., т. 2. М., 1875.

7. Аманжолов А. О. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969.

8. Андреев И. А. Простое предложение в чувашском языке. Автореф. докт. дисс., М., 1971.

9. Ардентов Б. П. Русский синтаксис, вып. I (Из лекций по синтаксису современного русского языка). Кишинев, 1969.

10. Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения. — «Вопросы языкознания», 1971, № 6.

11. Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б. Современные синтаксические теории. М., 1963.

12. Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. 1—2. Казань, 1923.

13. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.

14. Балакаев М. Б. Современный казахский язык. Синтаксис словосочетания и простого предложения. Алма-Ата, 1959.

15. Баскаков Н. А. Очерк грамматики ойротского языка. Приложение к «Ойротско-русскому словарю». М., 1947.

---

[1] По техническим причинам не дается список литературы на иностранных языках.

16. Баскаков Н. А. Структура простого предложения в тюркских языках. — «Труды Ин-та языка и литературы» АН Кирг. ССР, вып. VI. Фрунзе, 1956.
17. Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958.
18. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского языка. Диалект черневых татар (туба-кижи), ч. I. Тексты и переводы. М., 1965.
19. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского языка. Диалект черневых татар (туба-кижи), ч. 2. М., 1966.
20. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Тексты, перевод и словарь. М., 1972.
21. Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975.
22. Батманов И. А. Грамматика киргизского языка, ч. III. Фрунзе, 1940.
23. Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962.
24. Березин Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975.
25. Бертагаев Т. А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964.
26. Богородицкий В. А. Введение в тюрко-татарское языкознание. Казань, 1935.
27. Боргояков М. И. Прямое дополнение в хакасском языке. Томск, 1961.
28. Будагов Р. А. Что такое общественная природа языка. — «Вопросы языкознания», 1975, № 3.
29. Будагова Э. И. Простое предложение в современном азербайджанском языке. Баку, 1963.
30. Бубрих Д. В. К проблеме изобразительной речи. — «Уч. зап. Карело-финского гос. ун-та», т. III, вып. 1. Исторические и филологические науки. Петрозаводск, 1949.
31. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1972.
32. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947.
33. Вопросы грамматического строя. М., Изд-во АН СССР, 1955.
34. Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, Изд-во Каз. ССР, 1958.
35. Вопросы развития литературных языков народов СССР. Алма-Ата, Изд-во Каз. ССР, 1964.

36. Вопросы языкознания и методика русского языка в школе. Барнаул, 1973 (Барнаульский гос. пед. ин-т).
37. Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
38. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках. М., 1965.
39. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
40. Германович А. И. Звукоподражания и звукоподражательные слова русского языка.— «Известия Крымского пед. ин-та им. М. Ф. Фрунзе, т. 12, Симферополь, 1947.
41. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
42. Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Учебное пособие. Челябинск, 1974.
43. Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка. М., 1928.
44. Грамматика азербайджанского языка. Баку, изд-во «Элм», 1971.
45. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.
46. Грамматика русского языка, т. II, ч. 1—2. М., Изд-во АН СССР, 1960.
47. Грамматика современного русского литературного языка. М., Изд-во «Наука», 1970.
48. Грамматика хакасского языка. М., изд-во «Наука» (Главная редакция восточной лит-ры), 1975.
49. Греч Н. И. Пространная русская грамматика, ч. I, СПб., 1830.
50. Грунина Э. А. Сложноподчиненное предложение в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952.
51. Гухман М. М. Позиции подлежащего в языках разных типов. — «Члены предложения в языках различных типов», Л., 1972.
52. Джавадов А. М. Безличные предложения в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1956.
53. Джакубов И. Д. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского языка. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1967.
54. Демесинова Н. Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка, Алма-Ата, 1974.
55. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
56. Донидзе Г. И. Безличные предложения в хакасском языке. Абакан, 1957.

57. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940.
58. Есенов Х. М. Осложненные предложения в казахском языке. Алма-Ата, 1974 (на казахском языке).
59. Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
60. Золотова Г. А. О структуре простого предложения в современном русском языке. — «Вопросы языкознания», 1967, № 6.
61. Ибраимов А. Типы простых предложений в современном туркменском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1959.
62. Кн.: «Исследования по общей теории грамматики». М., изд-во «Наука», 1968.
63. Кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. М., Изд-во АН СССР, 1961.
64. Кн.: «Исследования по синтаксису тюркских языков». М., Изд-во АН СССР, 1962.
65. Казем-Бек А. К. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
66. Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.
67. Кацнельсон С. К. К генезису номинативного предложения. — «Труды Ин-та языка и мышления им. Н. Я. Марра», т. IV. Серия романо-германская. М.—Л., 1936.
68. Кацнельсон С. К. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
69. Кенесбаев С. К. Грамматика казахского языка. Алма-Ата, 1941.
70. Коклянова А. А. Категория времени в современном узбекском языке. М.—Л., 1963.
71. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
72. Кононов А. Н. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948.
72а. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
73. Костомаров В. Г. Русский язык среди других языков мира. М., 1975.
74. Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.
75. Кудайбергенов С. Подражательные слова в киргизском языке, М., 1953.
76. Куная А. Ч. Простое предложение современного тувинского языка. Кызыл, 1970.

77. Кучигашева Н. А. Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного, исходного) в современном алтайском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.
78. Кучигашева Н. А. Глагол. Рукопись. 1963, РФ, № 45.
79. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
80. Ленин В. И. Философские тетради. М., 1947.
81. Леонтьев А. А. Языкознание и психология. М., 1966.
82. Ломоносов М. В. Российская грамматика. Поли. собр. соч., т. 7. М., 1952.
83. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
84. Любимов К. М. О главных и второстепенных членах предложения в турецком языке. — Сб. «Восточная филология». М., 1971.
85. Мадина Г. Безличные предложения в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1959.
86. Макаев Э. А. К вопросу об изоморфизме. — «Вопросы языкознания», 1961, № 5.
87. Малаховский В. А. Новая грамматика русского языка. М., 1925.
88. Малов С. Е. Предисловие к «Грамматике ойротского языка» Н. П. Дыренковой. М.—Л., 1940.
89. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Пер. с франц. М., 1960.
90. Мелиоранский П. М. Синтаксис казах-киргизского языка, ч. 2. СПб., 1898.
91. Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиции системной лингвистики. — Журн. «Народы стран Азии и Африки», 1964, № 6.
92. Мельчук И. А. К принципам описания означаемых (о лингвистической семантике). — Кн.: «Язык и человек». М., 1970.
93. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
94. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975.
95. Модоров Н. С. Русско-алтайские отношения в XVII—XVIII веках. Автореф. канд. дисс. М., 1969.
96. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (На материале немецкого языка). М., 1974.
97. Мусаев К. М. Строй караимского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1968.

98. Ки.: «Язык и мышление». М., Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957.
99. Наджип Э. Н. Современный уйгурский язык. М., 1960.
100. Неустроев Н. Н. Безличные предложения в современном якутском языке. Автореф. канд. дисс. Якутск, 1972.
101. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1973.
102. Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
103. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
104. Пашков Б. К. Маньчжурский язык. М., 1963.
105. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
106. Попов А. С. Обращения-предложения в современном русском языке. — «Русский язык в школе», 1958, № 5.
107. Потебня А. А. Мысль и язык. Одесса, 1922.
108. Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943.
109. Поцелуевский Е. А. Тюркский трехчлен. М., 1967.
110. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
111. Ржига Ф. В. Синтаксис русского языка. 2-е изд. М., 1908.
112. Русско-алтайский словарь. М., изд-во «Советская энциклопедия», 1964.
113. Сагитов М. А. Структурно-семантические типы безличных предложений в современном татарском языке. Автореф. канд. дисс. Казань, 1964.
114. Сантбатталов Г. Г. Синтаксис простого предложения башкирского языка. Уфа, 1972 (на башкирском языке).
115. Самойлович А. Н. Краткая учебная грамматика современного османо-турецкого языка. Л., 1925.
116. Санжеев Г. Д. Проявление логики вещей в языке. Сб. «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., изд-во «Наука» (Главная редакция восточной литературы), 1969.
117. Саруева М. Ф. Категория обстоятельства в современном алтайском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.
118. Сарыбаев Ш. Ш. Междометие в казахском языке. Алма-Ата, 1959.
119. Светлик Я. Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1970.

120. Севортян Э. В. Прямое дополнение в турецком языке. — «Вестник Моск. ун-та», 1948, № 12.
121. Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968.
122. Сеченов И. М. Предметная мысль и действительность. — Сб. «Избранные философские и психологические произведения. М., Госполитиздат, 1947.
123. Современный татарский литературный язык. М., изд-во «Наука», 1971.
124. Соотношение биологического и социального в человеке (материалы к симпозиуму в г. Москве — сентябрь 1975). М., 1975.
125. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
126. Суразакова Н. Н. Изучение спряжения глаголов алтайского языка в 5-м классе. Методическое пособие для учителей. Горно-Алтайск, 1959.
127. Стрелков П. Г. Части речи. — «Русский язык и литература в школе», 1935, № 4.
128. Тадыкин В. Н. Причастие в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1972.
129. Тенишев Э. Р. Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск». Автореф. канд. дисс. Л., 1953.
130. Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973.
131. Тощакова Т. М. Грамматика ойротского языка. Новосибирск, 1938.
132. Тощакова Т. М. Орфография ойротского языка. Ойрот-Тура, 1938.
133. Тугушева Л. Ю. Порядок слов в определительных конструкциях. Автореф. канд. дисс. М., 1969.
134. Турчанинов Г., Цагов М. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., 1940.
135. Тыбыкова А. Т. Составные и сложные глаголы в алтайском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1967.
137. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка, ч. 1. М.—Л., 1950.
138. Хомский Н. Аспекты теории синктаксиса. Пер. с англ. М., 1972.
139. Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962.

140. Цыдендамбаев Ц. Б. Изобразительные слова в бурятском языке. — Сб. «Филология и история монгольских народов», М., 1958.
141. Чумакаева М. Ч. Консонантизм алтайского языка. Новосибирск. Автореф. канд. дисс., 1972.
142. Черышев В. А. Синтаксис простого предложения в хинди. М., 1965.
143. Члены предложения в языках различных типов («Мещаниновские чтения»). Л., 1972.
144. Чунжекова Е. Н. (в соавторстве). Развитие алтайского языка в советскую эпоху. — «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху» (Материалы координационной конференции. Улан-Удэ. 22—24 августа 1963 г.). Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1965.
145. Чунжекова Е. Н. О прямом дополнении в алтайском языке. — «Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ», вып. десятый. Горно-Алтайск, 1971.
146. Чунжекова Е. Н. Типы простого предложения в алтайском языке. Рукопись канд. дисс. М., 1972.
147. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.-Л., 1941.
148. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. — Кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
149. Шадманов Э. Слова-предложения в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968.
150. Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). — Сб. «Русский язык. Грамматические исследования». М., изд-во «Наука», 1967.
151. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. Пер. с нем. М., 1950.
152. Шагдаров Л. Ш. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962.
153. Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1952.
154. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
155. Юрченко В. С. Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972.
156. Ярцева В. Н. Предложение и словосочетание. — Кн.: «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955.

Список принятых сокращений

А. Ад. —	А. Адаров
ААЧС —	Алтай албатыныг чӱмдӱ сӧстӧри кн.: Ар-бӱткен
Аб —	
АЧ —	газета «Алтайдыг Чолмоны»
М. Бед. —	М. Бедушев
Б. Бед. —	Б. Бедюров
А. Ер. —	А. Ередеев
Д. Каинч. —	Д. Каинчин
М. Качк. —	М. Качкышев
Л. Кок. —	Л. Кокышев
И. Коч. —	И. Кочеев
К. Кош. —	К. Кошев
П. Куч. —	П. Кучияк
С. Ман. —	С. Манитов
Д. Маск. —	Д. Маскина
М. Мунд.-Эд. —	М. Мундус-Эдоков
Э. Палк. —	Э. Палкин
Р. Д. —	Репертуарный дууиты
И. Саб. —	И. Сабашкин
У. Сад. —	У. Садыков
П. Сам. —	П. Самыков
А. Сар. —	А. Саруева
Б. Сурк. —	Б. Суркашев
А. Тан. —	А. Таныш
М. Терк. —	М. Теркин
Э. Тоюш. —	Э. Тоюшев
К. Тӧлӧс. —	К. Тӧлӧсӧв
Б. Ук. —	Б. Укачин
У. Ул. —	У. Улагашев
Ч. Чуниж. —	Ч. Чунижеков
Ш. Шат. —	Ш. Шатинов
И. Шиниж. —	И. Шинжин
И. Шод. —	И. Шодоев
Ш. Ял. —	Ш. Ялатов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 2
Введение 3

Глава I

Категории звукоподражания-предложения и междометия-предложения 12
1. Звукоподражание-предложение 12
2. Междометие-предложение . . 18

Глава II

Категории номинативных предложений 32
1. Собственно номинативные предложения 34
2. Номинативно-коммуникативные формы предложений . . . 35
3. Звательные предложения . 37
4. Обращения-предложения . . 37

Глава III

Категория назывных предложений 40
1. Собственно назывные предложения 41
2. Свободные (нетипизированные) структуры предложений . . 42

Глава IV

Категория бессоставных предложений 45
1. Предложения-состояния . . 45
2. Числительное-предложение . 47
3. Местоимение-предложение . 48

Глава V

Категория именных предложений 49
1. Грамматические объекты-предложения 49
2. Наименования-предложения . 50
3. Вокативные предложения . 51
4. Олицетворение-предложение 52
5. Предложения «именительного представления» 53
6. Предложения «именительного темы» 54
7. Предложения внутренней речи 55

Глава VI

Структурно-грамматические формы предложений 56
1. Односоставные глагольные предложения 58
А. Безличные предложения . 58
Б. Неопределенно-личные предложения 69
В. Определенно-личные предложения 72
Г. Обобщенно-личные предложения 74
2. Двусоставные глагольные предложения 76
3. Трехсоставные глагольные предложения 78

Глава VII

Главные члены двусоставного глагольного предложения . . . 103
А. Подлежащее 113
Б. Сказуемое 113
Формальное уподобление форм подлежащего и сказуемого . 131
Заключение 134
Библиография 135
Список принятых сокращений . 143

Чунжекова Ефросинья Николаевна

ПРИРОДА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Редактор **Н. П. Кучияк.** Литературный редактор **Л. М. Радкевич.** Художественный редактор **В. И. Ортонулова.** Технический редактор **М. Г. Шелепова.** Корректор **А. А. Чулчушева.**

Сдано в набор 12/IV 1977 г. Подписано к печати 1/XII 1977 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 8,6. Тираж 500 экз. Заказ 4170. Цена 70 коп.

Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, г. Горно-Алтайск, Горно-Алтайская, 36. Горно-Алтайская типография, пр. Коммунистический, 27.

70 коп.